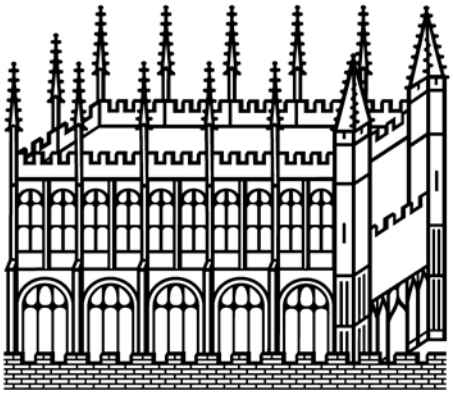


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

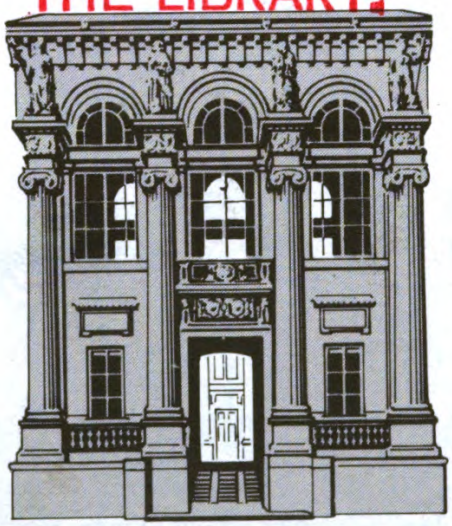
For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Д. ОБРАДОВИЋА

ПИСМА

TAYLOR
INSTITUTION
LIBRARY
CONFINED TO
THE LIBRARY

ST. GILES · OXFORD
Vet. PG1520.02.Z55.1833

BM Dup C
1412

Confined to Library

Vet.
PG1520.02. Z55.1833

ПИСМА

ДОСІѢЕЯ ОБРАДОВИЋА,

КАО

ПРОДУЖЕНІЕ

ЖИВОТА И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

НЂГОВИХ

НА НОВО ПРЕПЕЧАТАНА

И ИЗДАНА

ГЛИГОРІЕМЪ ВОЗАРОВИЋЕМЪ,

Кньиговезцемъ и Кньигопродавцем.

ЧАСТЬ ВТОРА

У БЕОГРАДУ

У Княжеско-Сербской Типографіи

1833.

Допущена да се може печатати, с тая
приспѣвателъ, дано, слѣдъ осмотрѣнїя шестъ ек-
земплара ове книгѣ на разсмотрѣнїе цензура
дадж

Въ Букурещъ 27 Генуарїя 1833.

Кадїнеска Канцелярїя

Јован Хаџи Васиљевић

ПИСМА

ДОСИѲЕЯ ОБРАДОВИЋА,

КАО

ПРОДУЖЕНІЄ

ЖИВОТА И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ЊЕГОВЫ.

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
10 SEP 1965
OF OXFORD
LIBRARY

ПРЕДУВѢДОМЛѢНІЕ.

Баасна да самь хотео выше преводити, нашао бы три и четири кратъ, іоштъ толико, или и веће число. Но я изабравши само оне коє су мени найугодніе быле, проче самь другима оставіо, да съ временомъ преводе и издаю. Намѣраваюћи обаче да овый Томъ буде найманѣ одъ 25 или 30. табака; за испунити ово число, придода ћу овде неке одъ мои писама; коя се касаю до мои приключенія. Различни одъ наше націє, и усменно и писменно поущавали су ме, да предузмемъ опетъ ову матерію; и на моє извиновлѣніе, да бы я радъ што болѣ и полезніе издати; єданъ мой любезный пріятель, запросіо ме, да му у нашемъ взаимномъ писама соотвѣтствованію назначуємъ што знаня достойніе одъ мои догађая: коє я одъ неколико времена и исполнявамъ. Имаюћи дакле копіе при

себи и хотећи, како самь повыше рекао, да ми ова кньига већа буде; ради две причине, науміо самь приложити овде нека одъ овы мои писама. Прво за испунити одъ части волю свима онима кои су то исто зактевали; а друго, коє є мени найважніє, и срцу моєму пожелателнѣйше и дражайше, за предати вѣчному воспоминанію потомковъ нашихъ имена мои любимѣйши пріятеля и благодѣтеля, коє є преблагій божіи промысалъ за орудія своя употребіо, и мени у моимъ странствованіяма и предпріятіяма чрезъ нихъ помогао.

Природна є души человѣческой благодарность, како годъ тѣлу диханіє: и ово се одовудъ познає. Кадъ годъ мы читамо Исторіє неки велики и блажены лица; кои намъ се чисто чине, да ни зашто друго нису на овый светъ послати были, родилисе и поживили, разве на велико добро, сладость, радость, и благодѣяніє свога времена людій: ако су они и на иляде година пре насъ живили, и мы ïи не познаємо разве само по имену; а оне, коима су они добро чинили ни по имену; ништа манѣ, они су нами мили и драги, башъ као да смо мы у ньово време живили, и као да су нами сва она добра учинили, коя су они, самъ Богъ зна коме и коме сотворили и показали. Мы

чувствуємо радость поминюћи имена ньіова; услаждавамосе и не можемо се наситити гледаюћи изображенія ньіова: чини намъ се као да су до юче на земльи были, и жао намъ є, што нису и данасъ међу нами. Ако є царъ ко одъ ньій бьіо; уздише за ньимъ у прсима нашима сръце наше, зашто таковый царъ да насъ остави! и да не царствує во вѣки на земльи! Одъ кудъ се ова чувствованія рађаю, развѣ изъ, самымъ Богомъ у словесну душу уливене благодарности? А кадъ су нами туђи благодѣтельи тако пріятни и драги; колико већма мораю намъ быти наши? И зато съ тимъ нами ништа ніє задовлѣсотворено ни поможено, да іи мы сами познаємо, поминѣмо, и любимо; то є нами весма мало; него оћемо, ако є и како могуће, да іи савъ светъ позна, споминѣ и люби; и будући да смо мы маловременни на земльи, и не можемо іи овде довека спомињати: зато предаємо ньіова сладка и пречестна имена, прво Богу, кои є самъ кадаръ праву доброту по достойности возмездити и наплатити; да имъ Онъ учини оно награжденіє, коє бы мы ради, а не можемо; а потомъ и будущимъ родовомъ, да іи они на место насъ спомињу, да іи любе, да имъ благодаре, и имена ньіова одъ заборављења да чуваю и да іи славе.

Ово на разсужденіе чувствителнимъ и человѣколюбнимъ срцама даюћи, уздамсе, да и они исти, кои толико не маре за моя приключенія, сматраюћи на причину, коя ме къ томе убѣждава, неће за безмѣстно судити, што ћу іоште на неколико табака о себи писати; не могући на другій начинъ свещеннѣйшу благодарности моє дужность показати и исполнити. А при томе, они и онакови, за какове я пишемъ, неће всуе, читаюћи ово, трудъ себи задати, ибо, мой всегдашньій у списаніяма моима конацъ то єсть ползу, гди гди и увеселеніе читателя, нећу я ни овде ни мало испредъ очію сметнути.

ПРЕЧЕСТНѢЙШИЙ ГОСПОДИНЕ!

Любимѣйшій и дражайшій мой!

Вы изискуєте одъ мене такову вещь, да ништа на овомъ свету мени не може быти ни радостніе, ни драже, колико то што Вы желите, не само Вами, него, кадъ бы могуће было, свимъ земнога нашега круга садашньимъ и будущимъ жителѣмъ сообщити и приподати. Єрбо, зактеваюћи Вы одъ мене описаніе знамениты мои приключенія, чрезъ то даєте ми поводъ, да вамъ опишемъ и изобразимъ краснѣйша морална свойства добродѣтельны оны народа, коє самъ познао, людій. А шта утѣшителніе и чувствителнимъ срцама може быти слађе, и цѣлому человѣческомъ роду честніе и славніе, колико познати, да света небесна добродѣтель, по свему лицу земному, у свимъ племенима и єзицыма има своє алтаре и своє вѣрне, у красоту свою залюблѣне поклонике и служителѣ? Шта є способніе возбудити у човеческимъ срцама любовь къ благимъ наравима, къ доброти и къ человѣколюбію, развѣ дѣйствително моћи ньи увѣрити, да праведни и добри

люди и овде иа земльи благополучни су, и при полазку съ овога света спокойни; и да ће чрезъ сву безконечну вѣчность счастльиви быти; и често многи одъ ньи, ако су и простога состоянія и селяни, вѣчной памети и воспоминанію предаюсе и славе? Изъ овога дакле, любимый мой! можете ласно познати, съ коликомъ радостію я ћу Ваше зактеванѣ удовольствовати; и на место што бы Вы мени зато (како Вы велите) обвезани были; я се Вами за таково мени радо наложеніе, обвезанъ и благодаранъ признаємъ и исповедамъ.

Желя къ ученію была є началный узрокъ, да самь я сву волю изгубіо у ономъ Сремскомъ раю, то єсть у Фрушкой гори, у Опову, дуже пребывати. Читаюћи Златоустове беседе на дѣянія, и на Апостола Павла посланія, чудна некакова чувствованія возбуждаваласу се и раћала у моємъ младомъ срцу. Златоустый (мысліо самь у себи) да се ніє учіо, онъ ако бы иляду година Дѣянія и посланія Апостолска читао, онъ овако прекрасно и сладко сверхъ ньи не бы умео беседити! Колики су други безчисленни то исто читали, и на изустъ знали; но о томъ, тако, и толико говорити, нису знали ни могли; развѣ само они, кои су се у Аѳини или у Александріи учили? Одъ тада не само на яви, но и на сну ништа ми већь ніє было у уму и на срцу, разве велике Библіотеке, Академіе, Школе, Учительи гди различне науке предаю; и трудолюбиви, пчеламъ подобни, медъ мудрости собираюши ученицы. Но сву ову мою горећу желю, моя срдечна, права синовня, къ оной чистой и добронаравной,

моєга благодѣтеля Ѳеодора Милутиновића души, любовь, обуздавала є на некій начинъ, и удручавала. Онъ бы ми често, познаюћи моє усердіє ко ученю, уздишући говоріо, да жали што я мою младость ту всуе тратимъ! А меии бы се грозило, и самой мысли къ сркцу моєму входъ допустити, такова добра и блага човека за живота оставити, и никада га къ тому не видити. А по нѣговомъ преставлѣнію, већь ништа ти ту не остаде, што бы ме задржало и уставляло.

У исто време случисе, да єданъ манастирскій ђякъ, именемъ Аѳанасіє, намѣри поћи у свой родъ у Хорватску; но знаюћи да нѣговъ стрицъ Діонісіє, кои га є ту довео быо, да га покалуђери, небы га за главу пустіо; зато онъ науми и безъ остай съ Богомъ дома поћи: и будући да є самномъ лепо живіо, каже ми што є намысліо: то ти я єдва дочекамъ, одкріємъ му съ подобномъ повѣренностію мою желю, да бы и самъ радъ кудъ далѣ поћи, и у коє му драго мѣсто, гди се млади люди уче, доћи; алъ не знаюћи ни на кою страну пута, замолимъ га, да ме поведе съ собомъ до Хорватске; а оданде што Богъ да. Зашто небы? одговори онъ; у дружству се млого лепше путує, него самимъ. Дамъ му нешто новаца, те оде у Иригъ, и купи ми доламу плаветну и чакшире, и црвене айдручке опанке; пакъ сутра данъ рано, нимало не оклеваюћи, айде съ ньимъ заєдно преко Раковачке планине; спустимосе къ Раковцу, но странпутицомъ наоколо, єръ самъ я ту познатъ быо; пакъ ти све измеђь Фрушке горе и Дунава, путъ зеленграда. У даримо на Осекъ, прећемо у Славонію, и и-

дући къ Пакрцу, у єдномъ селу случи намъ се нешто, чему се нисмо надали. Чуємо у єдной авліи пѣсне и разговоръ множества людій; знашъ ли што є! рече ми Аѳанасіє, и тако самь жеданъ, уђимо у авлію заискати воде, и видити шта се ту чини. Улѣземо: кадъ али ту свадба и веселѣ; на наше иксанѣ воде, мати женихова рече намъ: драги путницы! овде се данасъ не піє вода, него віно; и ако оћете, одите унутра. Улѣземо, а кадъ сватовомъ кажемо да смо поиздалека; хее срића! викне кумъ, кадъ на овако веселѣ изъ далека гости долазе! рече намъ сѣсти, єсти, пити и веселитисе. Запытаю насъ, како є у Срему жито родило? како віногради и прочая? И тако разговарамосе лепо и людски, слушаюћи музику, и гледаюћи веселу младежь гди игра. Кадъ етоти одъ некуда єдне велике ћачине, кои башъ спрама мене седне; попослуша неколико нашъ разговоръ, пакъ онда окрене речь къ мени, говорећи: по твомъ изговору чинимисе да си ты шизматикъ. Нисамь я шизматикъ, одговоримъ му я слободно, него православный хрістянинъ, и больій одъ нѣга; ако є радъ знати; Почнемо на ма' по обычаю дишпутъ о началству Папиномъ, и о старѣшинству цркве Греческе и Римске. О овомь послу я самь већь читао быо некога Максима Пелопоннсіотскога кньигу, на влашкомъ єзику, и знао самь є као на изустъ; могао самь се о томъ дишпутати, да се земля подамномъ тресе. Ћакъ се наће у великомъ сіясету самномъ, пакъ почне у своє говоренѣ латински мѣшати; (одъ кога самь я онда као и прочи сватови чистъ быо;) и уза сваку речь: пробо маіоремъ, него

міноремъ! виче. Кумъ, старый сватъ и прочи сосѣдателъи, сви римске цркве синови; ништа манѣ, мене почну сви єдиногласно похвальивати, говорећи, да штогодъ я бесѣдимъ, то разумеду; а своме се ђаку зачну ругати, кои зове у помоћь некакве Маіоре и Міноре; а ту речь ніє ни за Маіоре ни за Капетане, него за Христа, за Петра, Папу и н Патріаре. То онога тако огорчи, да почне претити, да ће ме дати послати везана у Пожегу. Єдва то изрекне, кадъ ти сви скоче на нѣга; горе жене него люди (зашто су сви престали были одъ игре и музике, и слушали нашъ дишпутъ), нитко и ништо наричући га: кадъ се ты будешъ женіо, реку му, на твомъ веселю путнике и госте вежи, а не у нашой кући и о нашемъ веселю! И тако ти га истераю изъ куће и авліє, а мени рекну, да се я нимало не боимъ; и предузмемо опетъ мирно и лепо резговаратисе као и пре. Было є већь предъ ноћь, и они добри люди не пусте насъ тай данъ одъ себе; ту дакле преноћимо, и сутра данъ почасте насъ, и како да смо имъ сродни, любећи се и грлећи съ нама, любезно одпусте насъ.

Овако смо лепо дочекивани бывали, не само у време свадбе, нити на єдномъ месту, но свуда прелазећи преко Славоніе и Хорватске. Свуда се они добри люди радую видити кога изъ далека, да истымъ єзикомъ беседи: ко годъ има довольно леба у дому, радуєсе да му ко на ручакъ и вечеру дође. Странолюбіе ньима є природно свойство; и ништа іи тако не раздѣлює и не очуждава, колико цркве Греческа и Латинска. Црква! коя бы дужна была већма іи присвоявати, и у любо-

ви и доброти соединявати! Небы ли дакле было крайнѣ ползе вещь, добримъ людма сврхъ овога отворити очи? и казати имъ, да они могу быти и єдне и друге цркве, и ништа манѣ кумитисе, пріятельити, почитовати и любити? Изъ Славоніе прећемо у Хорватску, и не далеко одъ Гаревице дођемо къ дому и братіи моега друга; гди нѣга све сродство нѣгово, браћа, сестре и снае, тако весело дочекаю, као да є изъ некакова робства утекао. Ово є у єсень было: у то време воћяшесе седмолѣтна война међу домомъ Аустрійскимъ, Пруссіомъ и Россіомъ. Браћа Аѳанасіева чуюћи моє намѣреніе, да бы радъ у Руссію прећи, науке ради; даду ми совѣтъ, да съ коимъ Регементскапеланомъ прећемъ у Германію; и будући да се ту наоди множество у Россійской служби Сербаля Официра, лако ће се кои мене примити, и оправити ме куда желимъ. Садъ, за наћи такова Регементкапелана, судисе за нуждно у Загребъ поћи, и ту чекати; зашто туда Хорватске регемєнте пролазе. Удрже ме они любезни люди дванайстъ дана, и нипошто не даду поћи; єдва се разстанемо, као да смо мыслили довека живити скупа. Мой Аѳанасіе поће да ме отпрати до Петринѣ, и дође до Загреба самномъ; гди, у предградію при єдномъ купцу узмемъ єдну собу на месецъ. Каже намъ домаћинъ у вече, кадъ чуе моє намѣреніе, да у граду има Бискупа Влашкога колегіумъ, и да чекаюћи я прилику поћи у армію, могао бы међутимъ онде почети діачки (овако зову латински) учитисе. Ово ми предложеніе мило буде, и поћемъ сутра данъ съ Аѳанасіемъ видити, какавъ є то ту нашега Епіскопа ко-

легіумъ (зашто насъ зову Влае). Дођемо ту, одведу насъ предъ началника, кои насъ учтиво дочека; и каже мени, чуюћи да бы се я радъ учити, да ће онъ тай данъ писати за ме Епіскопу, и да се узда изходатайствовати ми, да могу при ньима имати квартиръ и препитаніе: полюбимъ му я руку, и зафалимъ на таковомъ обћщанію. Но валя да знашъ мой синко, рече ми онъ, да ако оћешь, можешь овде и неколико година све потребно сѳдержаніе имати и учитисе; али валя да будешь Уніятъ, како што смо и мы. А заръ сте вы Унияти? речемъ му я, уплашенъ. Єсмо, одговори, и да то нисмо, мы не само небы колегіумъ нашъ овде имали, но небы намъ дали ни пребывати. Кадъ є тако, речемъ му я, вы о менн ништа не пишите Епіскопу; єръ я Уніятъ нећу быти, да бы знао никадъ ништа не научити. Види онъ да самъ се я препао, и тихимъ рече намъ речма: та небойте се люди! нећемо мы васъ силомъ поуніятити; останите баремъ те ручайте съ нами, пакъ онда идите съ Богомъ кудъ оћете. Опростимосе мы, и изићемо изъ нћгове собе; рече онъ нешто латински другимъ децама, коя изићу за нама, и любезно насъ моле, да останемо обћдовати съ ньима; време є ручку, веле намъ, не идите гладни одъ насъ! Алъ мени ніе до ручка, єръ ми колена подамномъ дркћу: не памтимъ како смо се изпричали; то знамъ да изићемо, пакъ бћж' изъ града. И садъ кадъ помыслимъ оный случай, ужасавамсе, каква є ужасна вещь предразсужденіе! Они исти младићи, мои вршняцы, коє самъ мало пре съ неисказаномъ радостію гледао, колик' да су ми мила браћа и сродницы, ка-

ко чуємъ да су Уніяти, учине ми се другоячіи, и страшни непріятельи, кои погибель мою желе и ишту! Преблагій вѣчный Боже! Како, и одъ кудъ то у людма быва, да иста любовь твоя сладка и вѣчна, коя бы имъ морала служити за союзъ свештеннѣйшега сродства, вѣрнѣйшега дружства, и сердечнѣйше пресладке любови, та иста любовь твоя! кою люди криво разумѣваю и злоупотребляваю, служи имъ на раздѣленіе и люту мрзость? Извините, любимый мой долготу писма, но съ онымъ, кога срце наше люби, и душа наша почитує, ни усменый ни писменый разговоръ никада ніе дугачакъ, свагда є кратакъ!

У Шклову 1788.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Вѣрный мой другъ Аѳанасіе пребуде самномъ у Загребу шестъ дана, и видећи ме намештена при добримъ людма, седмый данъ одпратимъ га до преко Саве, и ту се съ многимъ сузама разстанемо. У дому квартира моега, наоћашесе єданъ ћакъ, братъ дома госпоће, именемъ Антунъ. Овый при Єзуитама слушаше філософію; и кадъ годъ небы имао свога дѣла, свагда бы заєдно были. Онъ ми поклони свою грамматику, (читати самъ могао латински) и зада ми прву милу лекцію Haec Musa! Граматике се ту штампаю съ изяснѣніемъ діалекта Хорватскога; то ми є помагало: но судите, колика є радость моя была, кадъ нађемъ

у латинскомъ єзику велико подобіє съ влашкимъ, кои є мени изъ детиньства у Банату како и нашъ Србскій познатъ быо! Ту ми се сва зима не учини дужа него єданъ данъ. Антунъ, кои ме весма любляше, предаваше ми съ великомъ радостію осамъ частій слова, даваше ми сверхъ ныій окупаціє, и толковаше ми неке Історіице. Првый данъ Марта месеца, дође у истый домъ, гди самъ я, на квартиръ єданъ одъ наши свештеника изъ Хорватске: и у разговору каже ми, да є дошао куповати нужне ствари за путъ у армію, кудъ мысли по воскресенію поћи. А кадъ одъ мене чує, шта я ту чекамъ, возрадуєсе весма, и, Богъ насъ є овде саставіо! рече. Я самъ се (каже ми) старао, гди ћу ћака наћи, кои добро уме читати, и при церковномъ правилу и служби помагати. Я му се обћщамъ, да ћу га за годину дана вѣрно служити; а онъ мени, да ће ми дати педесетъ форинтій, и ако прилике не наће болѣ, о своммъ трошку да ће ме отправити изъ арміє у Русію. Ако си што овде дужанъ, а не можешъ изплатити, до 5. или 10. фор. я ћу ти дати; и за то ћешъ ми помагати овый великій постъ у цркви до воскресенія: а потомъ почећесе време наше године. Благодаримъ му, и да имамъ чимъ платити кажемъ; рече ми да га пођемъ у томъ и томъ дому у Петриньи чекати, и да ће онъ ту прекосутра быти. Мой любезный Антунъ одпрати ме у сестре своє колесы до Турова поля; ту се загрлимо и излюбимо, и онъ ми даде свога познаногъ човека, кои ме доведе у Петриню. При реченомъ Свештенику пребудемъ до ускрса: овый намѣраваше по празнику поћи, и одъ Епис-

копа патенту на то узети; кадъ на светлый вторникъ дође намъ невесео гласъ, да є другій Свештенникъ Епіскопу Грешлики неколико дуката выше дао, него ли є мой обећао было, и патенту већь узео. Кажу намъ къ тому, да оный Свештеникъ води за ћака свога синовца. Тай истій данъ, пригодимисе и другій случай, кои ме здраво уплаши: У церкви смо на литургіи, кадъ етоти улѣзе младъ момакъ, подиђу ме мрави; мыслимъ у себи, ко бы другій башъ онде на образу имао Гавре изъ Вуковара, Владике Парѳенія ћака, великій младежъ? Радъ бы, или да є ко другій, пакъ на часть му младежъ; или ако є онъ, да ме како не позна. Како се служба свръши, а онъ ти управъ къ мени, кои му се као стидльива невеста и невештъ не чиняхъ. Зовне ме на полѣ, да ме нешто пыта; одемо на само подъ єданъ растъ. За луду се ты поклапашъ, рече ми, я тебе познаємъ како годъ и ты мене; алъ се ты ни мало мене не бой, заръ си ты заборавіо, да смо се мы свагда добро пазили? Добро си учиніо, што си одъ калуђера утекао, башъ као да си мене пытао! Ты знашь, да ко небы радъ свађатисе докъ є годъ живъ, онде му ніє мѣста. Него кажи ми, кудъ садъ мыслишъ? Явимъ му я, у каквой самь надежди было, и коя є већь са свимъ изчезнула. Айде самномъ рече ми у Бечъ, я тамо идемъ гди службу искати; єръ бы радъ немецки добро научити. Кадъ самь пошао, морамъ кудъ годъ ићи, айде кудъ ти драго; отвештамъ я. Вели ми да є чуо, да ће Данилъ Плашкій Епіскопъ поћи у Бечъ; да є онъ нѣму добро познатъ, и да бы съ ньимъ до Беча могли доћи; те ти мы сутра

данъ путъ Плашкога. Кадъ ту дођемо, нађемо Епіскопа, кои насъ прими любезно, и принуди остати при нѣму два три дни. Овай блаженый божій човекъ! као да га самый Богъ на то упути, да ми да совѣтъ, кои ће благополучіе целога живота моега причинити; представи ми, да є мучна стварь тако далекій предузимати путъ безъ довольно трошка: за Гаврила є лакше; онъ неколико и немачки зна, а службу оће, то ласно може наћи гди му драго: а за тебе, вели ми, найболѣ бы было, да гди школу дршишь, за две или три године можешь стећи кою стотину форінтій, пакъ онда рецы, идемъ у Руссію. Овый совѣтъ смилимисе са свимъ: гди бы нашао таково место, гди бы потребу одъ мене имао ко? запытамъ га: Нигде тако као у Далмаціи, одговори ми; изъ различны мѣста ондешньи Свештеницы молили су ме, и често ми пишу, да имъ когъ магистра пошалѣмъ: и чинимисе, (приложи) да ћешь у манастиру Комоговини наћи єднога Свештеника одъ туда, съ коимъ можешь тамо поћи. И само име Далмація полюбимисе; аки бы предчувствовао у срцу, да ћу ту неколико веселы и спокойны провести година. Дођемъ съ Гавромъ до Комоговине; и ту се разстанемо: онъ оде путъ Беча, а я не нашавши ту вышепоменутога Свештеника, покажу ми великій друмъ преко Велебита, поћемъ и самъ покрай светога Микуле преко планине, путъ Лике и Крбаве. Пролеће, красота време! Све пѣваюћи, да се горе и долине разлежу: іошъ да нисамь се гдигди пастирски паса плашіо, чинило бы ми се, као да на Пигасу, Велерофонтову коню яшемъ.

Петый данъ прећемъ Вучіякъ планину, и

сићемъ у Крупу манастиръ, и ту се уставимъ данъ два за одпочинути, и разпытати за каково мѣсто, гди магистра требую. Ту ми кажу за толика мѣста, да насъ є десеторо было, сви бы могли намештени быти. Но игуманъ Ѳеодосіє будући особитый пріятель Протопопе Іована Новаковича у Книнскомъ полю, и нѣговога комшіє, попа Марка Бѣдова съ Паћена; пошлѣ ме къ ньима. Овіи ме добри свештеницы єдва дочекаю; и при церкви С. Георгія, башъ предъ градомъ Книнѣмъ у дому церковномъ станемъ учити децу. Греческе церкве народи у Венеціанской Далмаціи, неимаю Епіскопа; тако оніи одъ мірски свештеника, кои су познати за своє честно владанѣ, за добродѣтель, и за природный здравый разумъ, ту су не само у своимъ парохіама, но и у цѣлой провинціи како годъ Патріарси и Епіскопи. Такови су были у време моєгъ онде пребываня Іоанъ Новаковичъ Книнопольскій, Авраамъ Симићь Косовскій, и Кричка Дернишкій. Ньима совершено приличествує оно слово Апостола Павла, дакогодъ добро управля домомъ и фамиліомъ своіомъ; тай ће и съ церковію, то єсть, съ церковнымъ обществомъ благоразумно управляти. Безъ науке; єръ є нису имали гди получити; али (то што є важно и велико у животу) не само безъ никакове злобе, но и са свакимъ наравнымъ честнымъ свойствомъ украшени. А ово є прекрасна мудрость! природный разумъ, съ чистомъ любавію къ правди и къ честности соєдинѣнъ. Они су мене називали своимъ младымъ учителѣмъ, за то што самъ я ньіову дечицу обучавао читати, писати, и некима самъ предавао и толковао

Катихисисъ, како самъ могао; болѣгъ одъ мене ту ніє было, за то самь я морао найболыій быти: али самь я (и не мыслећи тада о томъ) одъ ньи исты а навластито одъ Новаковича (съ коимъ самь у комшилуку живіо, и све празничне дне у нѣговомъ дружству быо и проводіо) найнуждніе и найлепше у животу лекціе примао; то єсть, лекціе непритворности, чистосердечности, любезности и благонаравія. Каково блаженство и рай на земльи съ онаковимъ светимъ и добримъ людма живити! Оно су прави Свецы! а нити знаду, нити мысле да су. Што ћу іоште о ньима рећи, свакомъ ће мило быти чути. Овы Свештеника не само фамиліе ньіове, но и парохіалный народъ сви су трудолюбиви, добри, правдолюбиви и поштени люди. При опредѣленой плаћи што ми є свакъ за своє дете на месецъ давао, по ньіовомъ установлѣнію и обычаю, кадъ бы ко довео своє дете, донео бы ми две меричице пшенице, и две оке масла, и єданъ великій сирацъ; но мой любезный Протопопъ Новаковићъ, попъ Марко Бѣдовъ, Трифунъ Синобадъ, Симо Стефановичъ изъ града (кромѣ други многи ,кои бы ме радостно дочекивали) никада небы ми дали на моємъ квартиру залогай леба изести. Башъ као да су ме подъ аренду узели были; и кадъ бы кодъ єднога ручао, морао бы кодъ другога вечерати; нити є мени надежда избавлѣнія дозволѣна была. Да самь се и я за ньіову децу трудіо, ово є мени нешто одъ природе; како за себе што добро радъ самь научити, тако и што знамъ, другима предавати.

Три године, по погодби моєй, проведемъ съ онимъ божіимъ людма; три миле године!

кое свагда съ услажденіемъ срца споминѣмъ, и кое самь за основаніе свему слѣдующему моєму живлѣню положіо: зашто самь у ньима не само опытомъ познао и научіо, него и у єстество себи претворіо, како човекъ у низкомъ состоянію може съ малымъ задоволянъ, добаръ и благополучанъ быти! И кадъ самь годь на неколико година по томъ, премудрога Фенелона у нѣговомъ Телемаху, описаніе блаженога сеоскогъ живота читао, свагда ми є срце играло одъ радости, мислећи; овако су мой Новаковичь! овако Симићь! овако Кричка живили! И мени овако дай Боже провести животъ! По протеченію ове три године нађесе у моіой кеси око сто Венетски цекина. Чуємъ, да у Аѳонской гори на гласу Евгеніе учитель предає на Елинскомъ єзику науке: Айде тамо, помыслимъ, новцы су ово! Пођемъ моремъ у Боку одъ Котора, да ту нађемъ корабаль за Грецію; но у томъ се месту разболимъ одъ грознице. Намерисе на ме некій Игуманъ изъ Свете Петке изъ Маина; каже ми онъ, да є бѣдна стварь за грозничава мореплаваніе, како и єсть: позове ме къ себи, и наложи ми, да за моє препитаніе, кадъ бы ме грозница пуштала, четворой децы лекціе даємъ. Епіскопи Црногорски, старый Савва и Василіе, имали су и у Маинама своє домове, віограде и маслине; и мало по далѣ на станѣвини свой манастиръ и дворове; и тако бы често съ ньима бывали. Тресавица како ми узяше за вратъ, нипошто цѣлу єсень и зиму неће да ме се проће; но свакій трећій данъ етоти нѣ. О празнику Воскресенія на Станѣвићи служимъ као Діаконъ съ Владикомъ Василіемъ, и съ

многимъ другима литургію; неимаюћи на такій славный празникъ нигде никога да запопи, оћешъ да те запопимъ? рече ми: баремъ да знашь, да си у Черной Гори био. Што Вамъ драго, одговоримъ я; мени є све єдно та садъ, та после. Єдва то изречемъ, онъ учини знакъ старому Архідіакону Стефану, а овый ти самномъ: повели. Немоћь моя весма ме разслаби, и принуди возвратитисе у Далмацію. Ужаснесе мой любимый Новаковичь, кадъ ме види тако слаба и преображена: и имаюћи у своєй парохіи некога доброга Свештеника Леонтіа, изъ Фрушке горе, за магистра; совћтує мене, да се намћстимъ у лепомъ месту при здравой и цћлителной води, у ближнћму селу Голубићу. Овде се погодимъ за две године учити децу; и за месецъ дана совершено оздравимъ. У трећемъ месецу вторе године, будући ово мћсто близу Босне, окужесе неке куће у Голубићу; онда ти кудъ кои може бћжи; и я прећемъ у Косово, гди пребудемъ у дому Попа Авраама Симића єданъ месецъ. Овый имаћаше беседе Златоустога на Дћянія Апостолска; ту ій станемъ опетъ съ прилћжаніємъ читати, и нека мћста, коя бы ми найугоднія была, преписивати. Нћгова найстарія кћи Єлена замоли ме, да ійой што изъ те кньиге просто Србски напишемъ: тада я све оно што самь већь био за се преписао, преведемъ на просто, и за учинити, да оной прекрасной дћвицы читанћ тога буде пріятніе, расположимъ то на главе, починюћи сваку по Азбуки. Она є то тако радо читала, и томе се толико радовала, колико да є сву мудрость Соломонову у она два три табака имала. То

су други съ великомъ молбомъ одъ нѣ просили и преписивали; и тако се разнесе и разплоди по свой Далмаціи подъ именомъ Доситеове буквице. Ово є првый поводъ и узрокъ, да се у мени велика желя зачне и роди: да ми само Богъ дарує животъ, докъ што Србски на штампу издамъ, и прекраснимъ кѣерма и синовомъ рода моєга сообщимъ. Милостивый Богъ, исполніо є желаніє моє съ лихвою; сподобивши ме, за ово предпріятіє любовь и похвалу избраннѣйши Націє наше, одъ кои сте и Вы дражайшій мой! заслужити.

Они люди тако су ми добри и мили были, да одъ толико година и данасъ срце ми за ньима тужи, као да самь се съ ньима юче разстао! Любовь къ науцы морала є у мени силна быти, кадъ ме є одъ ньихъ одтргнути могла. Безъ сумнѣнія, ово сладко и благородно свойство, тако неотложно и природно срцу и души нашей, **ЛЮБОВЬ**! мора за нешто вѣчно опредѣлено быти; єръ бы почти за луду было, кадъ бы само за тако скороизчезаєме предмѣте бытіє своє получило. Изъ Косова прећемъ у Манастиръ Драговићь, гди самь два цѣла месеца некога Попа Лазу чекао, да съ ньимъ у приморіє доћемъ; зашто, како самь рекао, будући у неки мѣсты кужный моръ, самъ нисамь смео путовати: а овый свештеникъ држао є єдну парохію данъ ода дугу, гди кућа гди две а гди петъ, поизмешане међу римске церкве людма. Онъ поће у великій постъ своє люде исповедати и причестити: младъ Свештеникъ као и я, дакле заєдно исповедамо. Но оне доброте людій нити є гди чути на свету ни видити! Доће са стра-

хомъ да се исповеда, а никаква зла у животу нiє ни помисліо; не имати ништа казати, разве да є кадъ у среду и петакъ єо (за хіляду глава небы ко погодіо, да му се не каже) рака! ништа друго, или пасуля са зейтиномъ; зашто є у приморю зейтина изобиліє. Ако ли є ко, на злу времену, несташне яриће сатериваюћи опсовао; тай ти є међу ньима найвећій грешникъ. Међу оваковы светы грешницы проведемъ великій постъ и празнуємъ Воскресеніє. По празднику отпрати ме Попъ Лазо до града Трогира, кои є ту близу; одавде прећемъ у Сплитъ, и ту се укрцамъ у єдну Месалонитску Тартану, за Корфъ.

У Шклову 1788.

S. S. Ово є шестый месецъ, како се чека овде Типографчикъ, по свой прилицы нећe одржати речь. Зато намѣравамъ поћи у Лифландію, гди ћу се на добрама Господина Генерала Зорича месецъ дана бавити; одатле ћете одъ мене слѣдуюће примити писмо.

ДРАЖАЙШІЙ ГОСПОДИНЕ МОЙ!

У Тартани, съ коіомъ поћемъ путъ Корфа, было є око двадесеть кораблѣника, сви Грецы до єднога, а я гречески нигде ништа; разсудите, како ми є морало быти! А како сви сазнаду, да я ньіова не разумемъ єзика, свима

дође већа жеља, да самномъ говоре. Добро за ме, што самъ при Книњу неколико таліански научіо быо; ово ми є ласно было, за велико подобіє овога єзика съ влашкимъ, те самъ се могао съ капетаномъ корабля и съ некима одъ кораблѣниковъ разговарати; а безъ тога самъ не знамъ, шта бы чиніо. Слушао бы съ великимъ вниманіємъ, небы ли найманѣ што разумео; нигде ништа! Никадъ довека, помыслимъ у себи, не научи я овогъ єзика? Што є ситно ситно, преко сваке мѣре и разлога. Просиплю имъ се речи изъ уста, како суште просо; нити се могахъ довольно начудити, како се они могу међу собомъ разумевати? Но што Богъ да, речемъ утѣшаваюћи себе; докъ ово новчића имамъ, гледа ћу небы ли се што научити могло; а кадъ ньи нестане, а я ћу опетъ у Далмацію. Лепо време, весма поспѣшанъ вѣтаръ; и тако трећій данъ дођемо у пристаниште града Корфа. Платимъ капетану за превозъ; а онъ зовне човека съ баркомъ, коєму на место две газете, што бы ме на брегъ изнео, дамъ му двадесетъ, съ уговоромъ, да се постара наћи ми квартиръ, гди се таліански говори. Овай узме новце, извезе ме на брегъ, избацы замномъ мою торбу, пакъ отиде своимъ путемъ. Зовемъ я! молимъ! онъ ништа; валя да є быо са свимъ глувъ. Останемъ на брегу предградія, коє самъ потомъ сазнао да се Мандоћь зове; обзирућисе на десно и на лево, и не знаюћи ни кудъ ћу ни што ћу: сатъ по подне, сунце припекло, нити дає ту выше стояти. Упазимъ на краю предградія широку ограду зида, унутра зданія и лепа церковь, видимъ врата авліе отворена; уђемъ, и сед-

немъ предъ црквомъ, подъ торонь у любкомъ ладу, съ намѣреніємъ чекати ту, докъ се поспусти сунце и данъ поразлади. Овде замышлѣнъ и забринутъ; одъ мореплаванія (кое ми є првый редъ тако дугачко было) забунѣнъ и чисто као піянъ, и не пада ми на умъ, да нисамь ручао; седећи наслонимсе на зидъ и задремамъ. Иза сна чуємъ шаптанѣ, отворимъ очи: некдеръ ми садъ каже ко зна? шта угледамъ! множество неописане красоте девояка, и међу ньима гдикоя калуђерица поизређалесе по пенцери. Што ће ово садъ быти одъ мене, ко Бога вѣрує! помыслимъ, но што самь я кривъ, кадъ є авлія отворена? У тай ма, улѣзе у авлію и приступи къ мени съ дугачкомъ бѣломъ као снегъ брадомъ свештеникъ, кои, кадъ види да я грчески ништа не разумемъ, стане беседити таліански, и на пытанѣ каже ми, да є то манастиръ калуђерица, гди се кћери господе Корфа уче и воспитаваю: отвори церковь, ту се поклонимъ и цѣлуємъ предивно изображене иконе; кадъ етоти пречестна вида старица, съ другима двема господичнама, любопытне знати ко самь, кудъ и зашто идемъ? Кажемъ имъ; и како ме є оный нитковъ баркаруолъ оставіо на брегу. Сожале оне о мени, и рече ми старица, благодари Бога, што се ниси на горега намѣріо, кои бы ти и торбу однео. На ньіово пытанѣ, имамъ ли трошка на тако далекій путъ и у туђимъ странама: одговоримъ, да я новаца доста имамъ на две или три године. Онда стара госпоѣа заповеди своме капелану, (то є быо овый Свештеникъ) да ме узме у свой домъ: пробеседи нешто съ ньимъ грчески, пакъ онда мени рече: мо-

жете стаяти у дому попа Марка, ако вамъ буде по вольи, месецъ или два, докъ што мало гречески научите, зашто ћете доћи у такова мѣста, гди се таліански не говори; и за та два месеца я ћу за Васъ платити, вы нисте му дужни ни новца дати; при томъ чувайтесе да му ништа не дате узаямъ, то му є сва мана, узаймлює пакъ неће да врати: и докъ се годъ добро съ кимъ не познате, чувайтесе свакога! Зафалимъ іой на матернѣй милости и наставлѣнію, и кажемъ, да найвыше ако се ту уставимъ, бы ће месецъ дана, зашто бы радъ колико пре у Аѳонъ доћи. Одведе ме Попъ Марко у свой домъ, и нађе ми єдногъ младогъ солдата Далматинца, кои добро гречески знаћаше; погодимъ га за цекинъ на месецъ, да ми свакій данъ у уреченый часъ долази, и почнемъ писати съ нашимъ словама нуждне речи и разговоре гречески. Овый солдатъ учини ме сутра данъ познатисе съ єднымъ поштенымъ човекомъ Ерцеговцемъ, именемъ Антоніємъ, кои у граду имаћаше два своя дућана, трговаше съ свакоякимъ воћемъ и зеленима, и ту оженѣнъ добро стаяше; и овый ми крепко наложи, да ни пошто моєму домаћину ништа не узаймимъ; и ако ми што заиште, да речемъ, да су мои новцы у Антонія Шћавуна на сохранѣнію. Петый данъ мой попо заръ валя да є прегледао, шта я имамъ у торби, и видећи да ту ништа не стои него две три кньиге, неки рукописни папири и преоблачила, запыта ме при ручку, гди я моє цекине држимъ, говорећи, да ніє senza rischio, то єсть безбѣдно, да іи са собомъ коєкуда носишь, но дай, да ти іи сачувамъ. Я већъ на то приуготовлѣнъ,

кажемъ му у кога су. Поцрвени савъ као скуванъ ракъ, и гледаюћи ме накриво рече ми: Che maledetta diffidenza che questa! La madre Superiora quel ch'el' ha detto, non miga 'l ha parlato da senno, solamente per scherzo! То значи: какова проклета неувѣреность є то! Мати Игуменія оно што є рекла, ніє нимало говорила за исто, само за шалу! ћутимъ я мислећи, шала, или не, ты башь нећешъ ништа имати! пакъ онда погледамъ и я на нѣга, башъ као и онъ на ме, показуюћи му, да не маримъ за нѣга ни за нѣгову кућу: већь я имамъ поштена познаника у граду, а новаца у кеси; то є мени доста.

По подне дође мой солдатъ, кажемъ му, што ми се є случило съ домаћиномъ; вели ми онъ: ако ниси радъ за овый месецъ заштедити три или четири цекина, можешъ у граду за толико имати квартиръ и трапезу. Нисамь я овде дошао да штедимъ, но докъ имамъ да трошимъ, одговоримъ. Кадъ є тако: (счепа онъ мою торбу,) а ты айде самномъ. Прођемо крозъ собу попову, и кажемо му, да мы полазимо. Стане онъ молити, да му не чинимо те срамоте, да ће пропасти. ако то чуе стара Госпоћа, заклинѣсе да онъ ніе о злу мисліо; увати за торбу, пакъ не пушта. А кадъ ли ти га почне мой солдатъ муштрати, гречески съ ньимъ говорећи, сметесе онай, па руке къ себи; за любовь божію, моли, да не пођемъ тужитисе Игуменіи! По томе можешъ ты спавати спокоянъ, речемъ му; нисамь я овде дошао процесъ терати. Дођемо у градъ къ нашемъ Ерцеговцу, кои смеюћисе рече намъ: я самь добро знао, да ће то тако быти; зао є оно попъ!

Но стара госпоѣа добра душа, видеѣи га да плаче, кадъ служи литургіу, варасе и мысли, да ніе сасвимъ опакъ. Има у граду лепъ манастиріѣъ свете Екатерине съ петорицомъ калуѣера; каже намъ Антоніе, да они радо примаю странне люде на костъ, на неделю и на месецъ; и будуѣи да су безпослени, могао бы се и одъ ньи ползовати у разговору. Поѣемо къ ньима, и погодимосе за 15. дана цекинъ и по. И ови сви по реду су ме исповедали, колико имамъ новаца? одъ кудъ ми? и гди су? а како чую да су у Антонія Шѣавуна, то ніедномъ ніе мило было чути. А леньиви трбуси? мисляхъ у себи, ради бы да безпослени живе, и новаца да имаю! нека бы учили децу као и я, пакъ бы имали. Оный манастиріѣь има лепе доодке, али се Игумну и калуѣеромъ ништа у руке не дае, разве, што е уречено на трапезу и одѣяніе: а съ прочимъ миряни разполажу, и троше на школе и оспиталь градскій, кои е великій и прекрасанъ. У овомъ мѣсту пребудемъ 45. дана, напишемъ и изучимъ на изустъ много различны разговора. Антоніе учини ми познанство съ неки Капетаны и Маіоры у венеціанской служби, Далматинцы и Черногорцы, кои ме одведу Протопопи града; покажу му и истолкую моѣ свидѣтелственно писмо, и испросе, да могу у церкви Свете Екатерине славенски кои путъ служити. У овомъ острову мирскій Протопопъ глава е свега Свештенства: кои му драго Епіскопъ и Патріархъ ту да доѣе, мора нѣму подчинѣнъ быти; будуѣи да е светый Спиридонъ Патронъ Корфа, а овый е био мирскій Свештеникъ, то есть Епіскопъ оженѣнъ; ибо у нѣгово вре-

ме монаси іоштъ нису были са свимъ преобладали. У неделю кадъ самь хотео првый редъ служити, дође ми Маіоръ съ друга два Официра, и съ Антоніємъ; каже ми да ће Протопопъ, и многа Господа Грецы и Латини на мою службу доћи; него да даду пронети за ме тасъ, обнадеждаваюћи ме, да ће ми се скупити најманѣ десетъ цекина. Нипошто! речемъ му, нисамь я дошао овде срамотити себе и васъ. Майде калуђеру, свѣтао ти образъ! отвешта Маіоръ, и пођемо у цркву. При полазку одавде нађу ми корабаль за Мореу, и спреме ми єданъ великій Александрійскій сепетъ, пунъ финога Венеціанскога бискота, избраны маслина и попржене рибе: предаду корабля капетану 15. бутеля шкопулскога вина; допрате ме око десеторица ныій у корабаль, гди су іоштъ за рана дали спремити господскій ручакъ, ту по веселомъ обѣду, изгрлимосе, излюбимо, срдечно излюбимосе; и желећи да се опетъ видимо, (како смо се на петъ година потомъ и видли, кромѣ неки одъ официра, кои су у Італію прешли были) и тако разстанемосе. У Мореу бы другій или трећій данъ допливали, како смо лепо време имали: но Капетанъ корабля имаюћи дѣло у Занту и Цефалоніи, позадржимосе на путу. Деветый данъ дођемо у пристаниште града Патраса у Мореи: быяше неделя: и я рано пођемъ съ неки корабленицы на службу у церковь С. Апостола Андреа првозванаго. У време причастне навале око двадесетъ калуђера съ сандучићи, и съ костима у ньима, просити; међу коима зачудимсе, кадъ угледамъ некога древнѣга Исаію Дечанца, коега самь іоште у детинь-

ству моєму у Чакову, гди на светога Краля Дечанскога просаше, познао; и кои, да не бы моєга тетка Николе, бы ме одвео у Дечане; потомъ Діакономъ у Хопову, по Бачкой просити виђао самь га. Овай суштый носи єдну сребрну кутію, и србски иште говорећи: дайте милостиню на мошти свете Анне у манастиръ Савину! а нѣговъ діаконъ за ньимъ проси за мошти С. Пантелеимона. Не знамъ, илъ ми є згадніє было, старога погрблѣна, гди по цркви кашлѣ и цыганчи, гледати, или нѣгова бѣднога діакона, здраву момчину углађену, съ дугимъ перчиномъ, кои му сва леђа покриваше, и съ таковымъ слободнымъ очима, не као да жебрачи, него башъ као да нешто дели и раздає, тискасе крозъ народъ, и за худимъ своимъ старцемъ пристає, и людма мира не да. Полазећи изъ корабля, запытамъ, шта самь дужанъ за превозъ платити? Капетанъ одговори, да є све плаћено у Корфу, и да я ништа нисамь дужанъ. Конзулъ Венеціанскій, на кога самь имао вручително писмо, прими ме учтиво, и даде ми пасапортъ, да ми небы нигде у Турской арача искали. Одавде, свагда наодећи дружство, пођемъ одъ мѣста до мѣста лагано, за прегледати овый прекрасный, и у Історіи славнѣйшій островъ: коє кадъ бы хотео све подробно описивати, требало бы ми неколило табака напунити. Два цѣла месеца задржимсе ходаюћи по различны неисказане красоте мѣсты, и крозъ Тріполицу, древлѣ зовому Мегалополисъ, отечество Філопименово, пређемъ у Навплеонъ, и ту нађемъ корабаль за Аѳонску гору.

Четвертый данъ стигнемо подъ Светопав-

ловскій манастиръ; како изиђемъ на землю, улѣземъ у єдну башчу, услаждаваюћисе красотомъ различны воћны древеса, обременѣны плодомъ; ту се проодамъ за разтрезнитисе одъ морске несвестице. Не далеко подъ єдномъ маслиномъ учинимисе да видимъ єданъ дугачакъ штапъ съ верха накривлѣнъ неисказане красоте; осіяваюћи га сунце, разны цветова шаре чрезвычайно блистаусе, као да є свакимъ видомъ многоцѣнны бриліанта испещренъ. Чудимсе, ко бы такову вещь ту оставіо; приступамъ лагано, и будући одъ младости краткога вида, дођемъ око десатакъ коракляи близу, и ту самъ не знамъ, како се уставимъ; и на мѣсто што бы ближе приступіо, почнемъ натражке (све на ту вещь гледаюћи) уступати. Два или три коракляя измакнемсе, и тада познамъ, да оно на врху накривлѣно, то є зла змія окренула была главу къ мени, чекаюћи ме да ближе дођемъ; а како види, да се я измичемъ, окрене одъ мене главу, и съ устремленіємъ отиде. Благодарећи благой промысла десницы на избавлѣнію, съ ужасомъ побегнемъ на полѣ. У томъ манастиру нађемъ неколико Болгара монаха, одъ кои єданъ одведе ме крозъ карее у Хілендаръ. Како ми є жао было чути, да є Учитель Евгеніє, не могући трпити ту коєкакве калуђерске кабале, пре четири месеца, то чудновито мѣсто оставіо, и ученицы се сви разишли. Како монаси живе у томъ мѣсту, то знамъ, да сте чули одъ други и да знате; ако ли не знате, іошъ болѣ! Нађемъ неколико Србаля у Хілендару, кои се вавекъ века съ Болгары инате, и не могу да се погоде, чіи є Хілендаръ. Мой добрый Θе-

одосіе Карловчанинъ, и онъ се ту мора инатити! Ту проведемъ єсень и зиму: а на пролеће пођемъ опетъ на море, за прећи у островъ Патмосъ, чуюћи да се овде предае Еллинскій єзикъ. Намѣрисе корабаль за Смирну у Азіи малой; а одатле, кажу ми, да се свакій данъ мож' пригода имати за прећи у Патмосъ. Кадъ дођемо у Смирну, извезу ме у Франкомаалу; (тако се зове часть града, гди Европейцы пребываю) при обѣду на моємъ квартиру, дође ручати и єданъ Архітектонъ Грекъ. Овай, у разговору чуюћи кудъ намѣравамъ, рече ми таліански, ако оћу, да ме одведе да прегледамъ греческу велику школу, и познамсе съ учителѣмъ Іероѳеемъ. У три сата после подне пођемо, и нађемо Учителя, гди множеству ученика (одъ кои бяху неки Свештеницы съ великимъ брадама) толкуе нешто. Каково бы блаженство за мене было (мыслимъ у себи), кадъ бы и я међу ове могао пристати! Кадъ онъ сврши предаванѣ; дође другій млађій учитель другой класси предавати; пођемо у нѣгову собу, и како му кажемъ, што самъ, кудъ и зашто путуемъ, у Патму, рече ми, за две или за три године поарчићешъ све што имашъ, пакъ о чемъ ћешъ после на трагъ поћи? Остани овде, рече ми, гди ако и десетъ година узстоишъ, за квартиръ и препитаніе нећешъ ни новца потрошити. Ова школа рани 30. ученика; а изъ тако далека мѣста да сте петорица дошли, я бы васъ радо приміо. Учинимисе као да неко божество изъ нѣга говори: пунъ радости приступимъ, да му цѣлуемъ руку; но онъ ми рече: Богу благодари, кои те є овде довео, гди ћешъ получити све што желишъ!

Призове попа Аѳима Аѳинейца, и рече му, да ме прими у свою собу, коя є за две персоне; а онъ є у ньіой самъ. Ево любимый мой! почетакъ, могу рећи, моєга благополучія на овоме свету, и моє давно желаєме науке. О моємъ пребыванію и упражнѣнію при овомъ блаженомъ божіємъ човеку, учителю и благодѣтелю моєму, говори ћу іоште у слѣдуюћемъ писму.

У Сесьвегену въ Лифландіи,
Іулія, 1го 1788.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Ово што бы Вамъ радъ описати у настоящемъ писму, толико є за ме знаменито, да ће ми невозможно быти, представити Вамъ то, тако, како я у свему животу моєму то исто чувствуємъ. Све остало, сирѣчь што самъ изъ Баната изишао, а по томъ изъ мѣста у мѣсто преходіо, и опетъ се враћао, и по томъ изъ нова одходіо; спрама овомъ случаю, толико ми се чини, колико обычни всеобщи догађаи, кои се свакомъ повседневно у животу, выше просто и случайно приключаваю, нежели по предварителномъ намѣренію и плану дѣлаю и исполняваю. Али да самъ у Смирну дошао, о коіой нити самъ саняо, нити знао, ни мысліо; да самъ ту, гди

ни данъ ни два нисамъ намѣравао стаяти, три године пребывао! (и да се прежня Россійска и Турска не заче война, іоштъ бы може быти три) и да самъ онога божественога мужа, Новога Греческогъ Сократа, то єсть Учителя Іероѳеа познао! ньимъ милостиво примлѣнъ быо! нѣгова благодѣянія, любови и науке сподобіосе! у овомъ видимъ и познаємъ таково лепо плана расположеніе, коєга, не само я самъ, съ детиньскомъ моіомъ памећу, него и отацъ мой и дедъ, да су ми съ своимъ совѣтомъ помогли, небы могао тако измыслити, расположити, и благополучніе у дѣйствіе произвести. Овде дакле очевидно познао самъ невидиму десницу благога промысла, коя ме води, и мномъ управля.

По плѣненію Цариграда, кадъ се сви учени Грецы по Італіи и по Франціи разбѣгну, и те землѣ зачну просвештавати, за малымъ є остало было, да се Елинскій єзикъ и наука, у стомъ отечеству и дому своме, то єсть у Греціи са свимъ не забораве и не погибну. У островима греческимъ подъ Венеціанскимъ владѣніемъ, єдва се іоште гдикои ученъ човекъ, да предає Елински, наодіо, али кадъ Турцы Кандію, Ципаръ и Морею одъ Венеціана завоюю, тада и ту іи нестане. После тога ко є одъ Грековъ хотео свой старый єзикъ знати, принуженъ є быо у Італіи, у Сициліи или у Франціи тражити га, или у малимъ островима Занту и Кефалоніи, кои су у Венеціана и до данасъ. При почетку осамнаєсте стотине година, два монаха Макарій Патміосъ и Герасимъ Иѳакисіосъ, како у вышеименоватимъ островима, тако и у Италіи получе лепу науку не само Елин-

ски мудреца, него и новіи, кои су у Европи до тога цветали времена. Дођу у Патмосъ, и ту съ помоћію Цариградски, Смирнейски и Хіотски трговаца, не само воздвигну лепа зданія за школе, но и домове комодне за пребываніе ученика, и капиталъ доволянъ саставе, одъ коегъ доодка да се могу како учительи содержавати, тако и неко число оскудны ученика препитавати. Изъ ове школе у неколико година изиђу многи учени Свештеницы и учительи, кои по томъ составе училища у различны поглавиты мѣсты Азіе и Греціе: одъ коихъ е было еданъ и вѣчноблажене памети ІЕРОѲЕЙ, Учитель Смирнейскій. Богочестивъ и благочестивъ безъ свакога суевѣрія, простъ Монахъ, но монашаски злоупотрблѣнія, лажа и просяченя, и измышлѣны икона и мощію за новце чудотвореня заклетъ непріятель и изобличитель. Како бы му казао, да е та и та икона чудотворна, онъ бы пытао, стои ли она сама собомъ на воздуху, или е приковата, прилеплѣна за зидъ, или о ексеръ привешена? И како бы чуо, да прво ніе него второ; видишъ да ніе чудотворна! рекао бы. За такову свою філософическу, и управъ благочестиву любоистиность сви калуђери Іерусалимцы и Светогорцы, ко живъ зна што бы му учинили, да су могли! Али е нѣгова непорочность и добродѣтель тако позната была, да не само савъ народъ Смирнейскій, Хрістяни, него и исти Турцы выше су га почитовали и любили, него све калуђере на свету: и зато тешко бы оному было, ко бы у нѣга дирнуо! Митрополитъ Смирнейскій Неофитъ, иначе благій, честный, и добродѣтелный мужъ, но по несчастію, православанъ даже

до суєвѣрія, равно 15. година мрзіо є на нѣга, нити га є у све то време пуштао у цркви проповедь говорити; и да є могао и власть имао, бы га не у Сибирію, него у Камчатку у заточеніє оправіо, или ко зна, ако небы и горе съ ньимъ разположіо! зашто є страшна зверка ревность за православіє, а безъ разума! Да є у овомъ вѣку мода была саборе купити, и ко свашто не вѣруе проклиняти, мой бы Учитель много горе прошао него истый Оригенъ, кога су проклели и анатеми предали, ни мало на то не сматраюћи, што су Василіє великій и Григоріє Назіанзинъ съ Оригеновымъ списаніяма цркву и благочестіє защищавали. По протеченію 15. година видећи реченый Митрополитъ Неофитъ, да слава добродѣтели Іероѳеове не само у Смирни, него и по свой Азіи, Греціи, и Архіпелагу расти, доће у чувство; наипаче како смо већь рекли, будући добра срца и душе, ужаснесе, како є могао за толико времена на такова добродѣтельна човека мрзити! Смирисе, и съ Єроѳеемъ любовь и дружство учини; и за тимъ преживили су други равно 15. година у крайнѣмъ пріятельству. Месецъ дана пре него я дођемъ у Смирну, престависе Неофитъ; зато, лицемъ нисамь га познао. Блажене памети учитель Іероѳей быо є родомъ изъ Иѳаке, Одисеова отечества, кои є маленъ островъ у Венеціанской держави. Пре моєга къ нѣму пришествія предавао є науке 30. година, а после мене 16. Онъ да є любитель богатства быо, могао бы се у таковомъ мѣсту и обстоятелствама весма обогатити; али онда небы быо то што є быо; нити бы се овако о нѣму писало и

проповедало. Кадъ самь у прекрасну Смирну дошао, знао самь неколико гречески просто, научивши нешто у Корфу, а нешто у Мореи и Хіландару, и могао самь тако говорити, да ми се не само деца него и стари люди смею; али самь се и я ньима смеяо, чудећисе, чему се имаду толико смеяти? Како бы се лекціе свршиле, скупила бы се на чопоре дечица око мене, како исто врабцы на просо, ко ће пре самномъ говорити; сви бы ме учили и наставляли; у овакомъ миломъ дружству у четири петъ месецій могао самь ласно беседити: а како получимъ ласность у простомъ єзыку, Еллински ми є было врло удобно. Псалтиръ и све церковне кньиге, то самь све са славенскога совершено разумети могао; и тако на концу єдне године нађемсе напредніи, него други, кои су три и четири године пре мене почели. Тада већь дечица нису ме пытала као прежде, Папа! *Ποῖος σὲ ἔκαμε παπὰ ἐις καιρὸν ὁποῦ δὲν ἤξευρες γράμματα?* Попо, ко те є запопіо у време, кадъ ниси знао кньигу? У дому школскомъ содержавалосе око тридесетъ ученика изъ различны мѣста Грецiе и острова; у моє три године ту, неки су одлазили, а неки долазили; и тако имао самь начинъ познати нзъ свію страна греческа свойства. Сви школски Алумнисти живяху у крайнѣмъ доброхотству и любови; нитъ бы ту ко узрока имао на кога разсрдитисе и злобити. Учитель самъ будући како Ангелъ небесный и къ свима како чадолюбивый родитель, сви смо се старали, како ћемо таковой доброти већма угодити; а нѣму иначе ніе се могло угодити, разве чрезъ прилѣжность ко ученію и до-

броту нарава. Любима греческа юность склонитія є и способнія къ науцы паче свію народа на свету. Природно хитри и остроумни, кадъ се изъ младости на добро управе, нейма доброте и вредности надъ ньіовомъ: но изъ тога самога узрока, ако се на зло упуте, ту се валя здраво на умъ узети; єрбо, велика хитрость кадъ се на лукавство преобрати, велико є зло: али злу, пакостну, и лукаву, при Іероѳеу ніє было станка ни пристанища. Второ лѣто, будући кужный поморъ у Смирни, провели смо у школски прекрасны домовы польски, окружены съ предивнымъ башчама, преисполнѣныма свакимъ родомъ воћны древеса, лоза, и зеленій, кое благополучна Азія раћа. Трапезу смо сви имали заєдно съ учителѣмъ, и свакій одъ ученика, кои є віна хотео пити, имао є на обѣду и и вечери по две чаше пріятнѣйшега вкуса віна: у єлу и пићу никакво друго разанствіе ніє было, развѣ ако бы благодатный нашъ учитель чашу или две выше него прочи попіо. Сви одъ већи ученика добровольно бы и радостно нижнимъ лекціе изяснявали, и неудоборазумителна мѣста толковали: тако да свакій одъ насъ имали смо не єднога учителя, него десетъ и двадесетъ, кои бы єдва чекали, да насъ у чему наставе. Вторый учитель за Іероѳеемъ было є Хрисанѳъ, одъ прві нѣговы ученика, кои є и домостроитель было. Хрисанѳосъ значи златный цветъ; но овога човека душа, такова є блага, сладка и добра была, да є достоянъ было зватисе райскій, небесный, божіи цветъ! Мой камарадъ, попъ Анѳимъ Аѳинеацъ, было є мирскій свештеникъ, но младомъ умре му супруга. Овый

човекъ да се ніе на науку за тимъ дао, безъ сумнѣнія, небы живіо! На дванаестъ година по смерти супруге своѥ, кадъ бы годъ по случаю изрекао речь: жена моя, бы му потекле сузе, као да се тай данъ съ ньіоме растао. Агапіѥ Пелопонисіотскій, Кипріанъ Критскій, Максимъ Ларсіотскій, никада нисамь на ове люде погледало, да не помыслимъ: Овакове, вѣчный Боже! дай Хрістянству Епіскопе! Но мучно ће одъ ньи кои тамо доћи; єръ къ тому они заната не знаду, а неће да га уче. Овакови су были Іероѳееви ученицы; и ласно ѥ вѣровати, да за 45. година своѥга учительства много ѥ добра учиніо. А кадъ су Грецы подъ лютымъ удрученіемъ то кадри исполнити, што се може одъ ньи ожидавати, кадъ буде божія воля да се освободе, и доћу у такова обстоятелства, гди сами ЦЕСАРИ то изискую и налажу? Моѥга првога познаника Архітектона посѣщавао самь, и свагда самь му благодаріо, и докъ самь годъ живъ, благодари ћу му, што ме ѥ къ Іероѳеу одвео, Богъ га ѥ самъ на то наставіо. На истый начинъ доброга моѥга благодѣтеля, Господара Максима Куртовића изъ Требиня у Ерцеговини, ту самь найпре познао; и онъ ме ѥ свагда радо вићао, и на свомъ квартиру дочекивао, и при полазку любезно обдаріо. При окончанію треће године моѥга ту сладкопоминаѥмаго пребыванія почне се говорити, да ће Турцы Россіи войну обявити. Мене су многи ту називали папа Сербосъ, а многи папа Московитисъ; ньима ѥ то све ѥдно было. Кажемъ учителю, да се я весма боимъ, ако се война зачне. И мы се сви боимо, отвѣшта ми; самъ Богъ

зна што се овде може случити! Дакле болѣ є мени, речемъ, уклонитисе за времена? Я сожалуємъ, одговори ми божественый и блаженый отацъ; али у оваковимъ обстоятелствама, не знамъ ти совѣта дати. То време Діяконъ Максимъ Ларисіотскій, Філософическе классе ученикъ, спремашесе поћи дома; дакле и я съ ньимъ у дружство. Нађемо корабаль Идріотскій за Мореу: цѣлуємосе и опростимо съ Оцемъ, милостивымъ благодѣтелѣмъ и учителѣмъ Іероѳеемъ, съ добрымъ Хрисанѳомъ, и съ прочи любимы соученицы и прећемо у корабаль„

Света, блажена, богоугодна Іероѳеева ДУШЕ! Давно самь я одъ благога Бога овый часъ желіо, да могу за живота рећи: ПОВѢМЪ ИМЯ ТВОЕ БРАТІИ МОЕЙ, И ПОСРЕДѢ МНОГИХЪ НАРОДОВЪ ВОСПОЮ ТЯ! Праведна душе! Ты се садъ водворавашъ съ блажены духовы, у слави небесноga Отца, за кога си живила, и коѳга си свету исполнявала волю! Прими овый знакъ вѣчне моє благодарности и воспоминанія! Проповедаюћи и славећи я добродѣтель и име твоє, славимъ самога Бога, кои є изворъ и первѣйше начало свакога добра и благодати!

У Сесѳегену,
1788.

ДРАЖАЙШІЙ, ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Вѣтаръ смо имали споспѣшанъ, но одвећь крепакъ за изићи изъ великога Смирнайскога пристаништа. Тартана Идріотска была є среднѣ величине, новоустроєна и здрава, но одвећь обременѣна; єрбо осимъ обычнога товара у вещма, наоћасмосе ту около 50. персона пасажира, одъ коихъ половина є была жена и деце, кои сви прелазаху у Мореу. Пошли смо съ мѣста пре подне; око вечернѣ доба были смо већь у широкомъ мору; кадъ ти се подигне такова силна бура, да нисмо се нимало надали одъ потоплѣнія избѣћи. Такове вриске жена и деце небы радъ већь у животу чути. Мой другъ Максимъ и я, нисмо о себи ни мыслити могли, сматраюћи на страхъ и жалость родителя о дечицы ньіовой; и да ніє корабаль весма якъ быо, и корабленницы искуснѣйши люди, мучно бы се спасли. У зору престане дождъ и бура, и капетанъ озгоръ повиче намъ веселымъ гласомъ: *καλόκαρδοι δὲν ἔναι πλέον κίνδυνος!* Добра срца, ніє выше бѣдствованія! Тада сви, єданъ на другога наслонѣни, поспимо како полу мртви: сутра данъ нађемосе у єдномъ великомъ но пустомъ пристанищу острова Митилине. Сви изићемо на брегъ, и срадуємосе єданъ другомъ о благополучномъ избавленію, као да смо єдна єдина фамилія. Ко бы могао описати ону чувствителну срца радость матера къ чадамъ своимъ! Рекао бы да су изъ мртвы воскреснули. Не губите времена! викне капетанъ; ту се лепше руча него у тартани; ручайтє, пакъ ћемо съ Богомъ путовати.

Данъ є великій вторникъ, но сви смо имали различны морски посны припаса, попржены сипа, охтапода, острія, и вина довольно: ту сви у обще ручамо, и напіємосе како годь да є воскресенія данъ; и трећій часъ по подне съ тихимъ вѣтромъ дигнемосе, и на великій четвртакъ стигнемо у Навплеонъ; гди нађемо тай данъ друштво за Патру, наймимо и мы две мазге, и по суву дођемо у Коринѳъ. Сиђемо къ мору, насъ око 15, наймимо велику барку, коя насъ довезе у Патру на самый данъ воскресенія. Овде одпочинемо сву светлу седмицу; намерисе корабаль за брегове Епира, куда мой любезный другъ желаше поћи чрезь Іоанину у Ѳесалію; а мени бы одатле ласно было превестисе у Корфъ: но одавде двадесетъ цѣлы дана имали смо непрестанно противне вѣтрове; и што є горе, разболисе мой Максимъ, а на мору боловати сохрани господи! У све то време, ништа ніє могао у стомаху држати; дођемо у Свете Четрдесетъ, спрама Корфа, и како изиђемо на землю, лакше му буде, и у петъ дана предигнесе; но доћи къ крепости, томе се оће времена. Албанези неки изъ Хормова пролазећи туда и видећи га такова, сожале о нѣму; и обѣщаюсе повести га до Аргирокастра, а одатле близо му є Іоанина. Известимосе ту, кажу намъ, да съ Хормовитцы може ко преко цѣле Албаніє проћи, да се никога не бои: али га я тако слаба, одъ себе нипошто и никако небы могао одпустити; дакле нађу намъ две мазге, и пођемъ и я съ ньима; прво допратити друга любимога до Аргирокастра, а друго, видити часть Албаніє. Хормовита было є до 20. момака, сви съ оружі-

ємъ пѣшице, како лавови, а мы два на мазгама; Одъ Аргирокастра до Хормова нема више него три сата; другій данъ ода дођемо у реченый градъ; одатле безъ најманьи комплимента, простосрдечно зовну насъ да идемо у ньіову варошь, говорећи намъ: Море луди сте ако не дођете! море такога мѣста нити сте видили на свету, нити ћете видити! Мы имамо башъ украј вароши єданъ манастиръ светога Николе: десетъ калуђера могли бы у нѣму лепо живити, а неймамо него цигло єднога; єръ мы Албанези нећемо да се калуђеримо; ту ћемо васъ држати ако оћете и три месеца, или три године, да ни паре не трошите. Ако ли вамъ се смили, останите съ нами за живота; нами ће тако мило быти, колико да васъ є Богъ съ неба къ нами послао. Видите ли какви смо мы момцы! (све намъ ово првый одъ ньи гречески беседи) оваковы насъ има, фала Богу! у Хормову до две иляде, осимъ стары: види ћете ту одъ осамдететъ година старце, кои иду узъ гору подъ оружіємъ пѣваюћи. Разиђусе сви по граду за свои послы, Нашъ квартиръ близу школе; одемо посѣтити Учителя, именемъ Елефтерія; честнога мирскога човека съ женомъ и съ фамиліомъ. Кажемо му, съ кимъ смо дошли, и како насъ позивлю къ себи; но мы се побоявамо у вилаєтъ далеко къ непознанимъ людма пуштатисе; и овый намъ потврди о ньима то исто што смо пре чули. Айде дакле у име Божіє, баремъ да са свимъ здрава любезнога моєга видимъ, и да се здрави разстанемо.

Сутра данъ попнемосе на высоке Хормовитске планине; нађемо прекрасну велику

варошь одъ седамъ стотина домова, све камена зданія како кастели; само у вароши има око 50 извора, кои на край вароши састављаю малену рѣку; ова башъ кодъ Манастира спуштасе у преужасно дубоку стрмину съ таковымъ хуукомъ, да самь мисліо, ту човекъ никадъ довека не заспа! А по томъ самь познао, да се нигде на свету лепше не спава. Спаваюћи чинитисе да си на небу, и да ту пріятнѣйшу некакву музику слушашь! Ти люди као дасу насъ чакъ изъ Смирне ту дозвали да насъ часте! прве старешине све по реду; а лако имъ є частити; ако се мрси, а онъ заколѣ изъ свога стада овна, полакъ испече, а одъ друге половице начини две три пите съ скорупомъ; віна свакъ има у подруму, єръ га нема коме продавати: ако ли се пости, одъ рибе ту поста нейма, пошлѣ два момка сатъ ода у долину, гди између планина велика рѣка тече, пуна пастрма и различны други преслаткога вкуса риба; за варенѣ ту нећеду да знаду, нити за чорбу маре: зейтина преизряднога имаю до изобилія; зато и рибу или пржену єду, или съ питама, коє у постъ овако праве: обаре зелѣ, изцеде изъ нѣга воду, разложе га съ питомъ у тепсіи, успу зейтина безъ штеднѣ, пакъ онда разрећаю рибу озгоръ, и тако се испече съ питомъ заєдно у предивнога мириса зейтину; пакъ онда некъ се слободно предъ овакомъ питомъ сакрію таліанске паштете и инглеске пудинге! Ко бы радъ знати, како се то куша? како ли се у усти топи? и какову пріятность у гортану, туда пролазећи, причинява? то неће изъ овога описанія ни одъ стотине єдну часть познати. Ко ово прими за

велерѣчіе, веема се вара: ибо пріятность, кою толико хвалимъ, не состоисе у готовлѣню, него у природной сласти рибе, зеля и зейтина. Десетъ дана по нашемъ пришествію, старешине мѣста опредѣле послати некога попа Ђику у Приметъ и у друга неколика мѣста къ некимъ Албанезскимъ Агама, ради общи свои дѣла; єрбо Хормовити имаю своє договоре и союзе съ многи поглавары и Пашама у Епиру и у Албаніи. Запросимъ, да ми дозволе съ попомъ Ђикомъ поћи, за прегледати мѣста куда онъ има пролазити. *Μορὲ καλόγερε νά πὰς, μὰ τὸ θεὸ ἔχεις τὶ νὰ βλὲπης!* То єсть, море калуђеру да пођешъ, тако ми Бога, имашъ шта гледати! одговори ми Дима Дука, єданъ одъ првы старешина. Реченый Свештеникъ, за четири или петъ дана, могао є свршити свой посао, и вратитисе; но мени за атаръ, ходіо є овый човекъ самномъ равно петнайстъ дана, по таковы мѣсты, гди су Хормовитски союзницы и пріятельи. Свуда одъ Турака и Хрістяна Албанеза єднако смо были примани и чашћени, и одъ мѣста до мѣста пра-ћени. Попъ Ђика и два Хормовита съ ньимъ были су, како валя, вооружени; но и тако гди гди бывало є сумнѣніе, да се не намеримо на веће число Хормовитски и ньіовы союзниковъ непріятеля; зато у таковы мѣсты давали су намъ по неколико момака съ оружіемъ за пратню; 15. тый данъ доћемо дома, и нађемъ моєга друга весела, здрава и румена; но онъ се мени почне ругати, да самъ одъ сунца поцрніо: нека самъ, речемъ му я, кадъ самъ видіо, што у момъ животу нисамъ мысліо видити! И заисто доста самъ одао, али таковы великолѣпны и божіе красоте мѣ-

ста нигде нисамь видіо. Блаженство се некаково чувствує, само мыслити за онакова дивна мѣста; како бы дакле было, ту живити, да су нарави оны людій питоме, и да међу ньима закони, правда и просвештенъ разумъ царствую и ньима управляю? Непонятно и ужасно є помыслити! Докле ће онакови прекрасни, хитри, и храбри народи, и у онаки мѣсты, само за незнанѣ и слепоту ума, у варварству и у дивячеству нарава пребывати, и єданъ другога, за багателу, како истогъ зеца съ пушкомъ у чело или у срце погађати? Мени небы противно было, рече ми мой другъ, єдну годину овде провести: и я ћу съ тобомъ, отвещамъ я; навластито да бы чрезъ тебе къ већемъ совершенству Еллинскога єзика достигао. Дай руку! на! А кадъ ово нашимъ Хормовитцемъ обзнанимо, срдечно се возрадую; при томъ кадъ имъ іоште кажемо, да мы благодаримо на ньіовой любови и доброти; али за луду лебъ єсти, то ніе право; него нека долазе къ нами десетъ деце, да се што одъ насъ поуче, будући да мы за другій посао нисмо. Добро, одговори Дима Дука, кадъ сте вы таки, и мы ћемо знати, како ћемо васъ отпустити, кадъ одъ насъ пођете. У то исто време чуєсе по свой Албаніи, да є Стефанъ малый съ Черногорцы Турке, кои су на ньи пошли были, разбіо; и много се о нѣму говораше и казиваше. Прође то лето, и све се то выше о Стефану маломъ почну туда гласови разносити. Я самь већь могао доста добро албанезски говорити; ньіовъ є єзикъ простъ, и за то ласно се дає научити; а съ нашимъ словами пишесе, колико да су за нѣга начинѣна, и тако свакій данъ бы пи-

сао по кои разговоръ, и на изустъ изучіо; томе се Албанези чуђяху и радоваху, видећи што никадъ пре тога нису видли, да се и ньіовъ єзикъ тако лепо дає писати. (Я самь, на близо две године после тога, у Венеціи познао некога Попа Ѳеодора, учителя Мосхополскога, кои є и на штампу издао бьіо нешто албанезски съ греческимъ словама; али съ овима не може се ни трећа часть тако писати као са славенскима: зашто у Грековъ нема слова за изговарати жа, ча, ша, и ћа, а ово є све неотложно, за албанезскій како годь и за славенскій, нужно.) Ово прилажемъ овде за то, ако се по случаю ко нађе да проче, да ће съ временомъ албанезскій како годь и влашкій народъ съ славенскимъ словама кньига на своемъ имати єзику. Таковый, человѣческому роду доброжелателный прорицатель, нека се ни мало не бои, но нека слободно то пожелателно обще добро предсказує и прориче! вещь є то такова, коя се природно и ласно испословати може, и оће, кадъ се Богъ смилує на ону храбру націю, и на оне прекрасне землѣ. Како є мени мило бьіло, одъ исты Албанеза чути да говоре: Ко Сербіомъ облада, тога ћемо и мы за нашега владѣтеля признати: зашто сербски крални и наши су были. Не далеко одъ Хормова наодесе нека прекрасна поля, коя Албанези не зову другояче него: ЛЕПАЖИТА. Пытамъ іи я, шта то значи? Не знамо, кажу ми; то є име поля: а кадъ имъ я то изясни, казуюћи имъ да є сербска речь; море калуђеру! одговоре ми: не чудисе ты томе; мы смо са Сербльи єданъ родъ и племе у старо време были! При почетку месеца Септембра

запросе ме старешине Хормовитске, да имъ оправимъ неко дѣло не далеко одъ Корфа, о коемъ дѣлу морао самъ се бавити найманѣ четири месеца, поћемъ драговольно; допрате ме двоица до Светы Четрдесетъ; они се врате дома, а я поћемъ на мой посао, съ уговоромъ, да кадъ имъ пишемъ изъ Корфа, да доћу узети ме. За єдно писмо, Любимый мой! мыслимъ да є већь доста написано; ако ли се Вами выше него доста учини, изъ тога желимъ, да ништа друго не заключавате, него да сте Вы срцу моєму весма драги, кадъ Вамъ я толико пишемъ.

У Риги 3 го Августа,
1788.

ДРАЖАЙШЙ, ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Полазећи изъ Хормова казао самъ моєму другу, кадъ ми буде писати, да управи писмо на Антонія Шћавуна у Корфъ; будући да самъ я туда имао и проћи и возвратитисе. По петмесечному отсутствію доћемъ у Корфъ, и нађемъ ту два писма, коя ме весма оскорбе. Перво одъ Максима, гди ми дає на знанѣ, да на три месеца по нашемъ растанку зачну се велика смущенія у Албаніи измећу помѣстны Паша: у коя неотложно и Хормовите морали су се замѣшати: да онъ, видећи сву прилику злы слѣдствія, пре него се огань междусобне войне ужеже, одпуштенъ є быо и одпраћенъ до Іоанине, за прећи у

своѥ (по свой прилицы у подобнимъ обстоятелствама) отечество. Совѣтуѥ ме и заклинѣ вѣрный другъ, да нипошто не прелазимъ у Турску землю пре него се миръ заключи, и докъ не видимъ исте Хормовите у Корфу; ѥрбо Делфинскій Паша, чрезъ коѥга владѣніѥ надлежи прећи, сложіосе ѥ съ другима. Второ писмо было ѥ попа Ђике одъ стране Хормовита, кои ми то исто являю. Назначую ми, на кога да имъ управимъ писмо на Іоанину: веле ми, да причекамъ у Корфу кои месецъ, докъ се види што ће быти; и ако се по томъ небы хотео къ ньима возвратити, да ће ми послати мою торбу съ кньигама, коѥ су ми онде остале быле. Садъ ми ѥ већъ было у Корфу, како годь да самь у Банату; нити ми се ѥ греческій ѥзикъ чиніо одвећь ситанъ, него башь како валя за собеседовати съ Мусама и Граціама. На ма' се познамъ съ ѥднымъ, око седамъ година стаpіимъ одъ мене, но у Еллинскомъ ѥзику и наукама совершенымъ учителѣмъ, зовомымъ Андреѥмъ Петрицополомъ. Явимъ му желю мою, да бы весма радъ быо, у време моѥга ту бавлѣня слушати при нѣму изяснѣнія філологическа Ритора и Поета гречески. Овый добрый и благій мужъ, не само съ великомъ пріятностію и любовію, то што я просимъ, дозволи ми, него као да смо се отъ сложенія міра познавали и любили, моли ме іоште, да доћемъ узети и квартиръ башъ при нѣговой соби у школскимъ домовима, при церкви светога Іоана Крестителя; да смо свагда заѥдно, и кадъ годъ време узима, да ми и приватне лекціѥ даѥ. Учини ме познатисе са своимъ добрымъ пріятелѣмъ латинскога, и

італіянскога єзика учителѣмъ, Попомъ Хрисанѳомъ Закинѳійскимъ; при коємъ начнемъ (опетъ после Загреба) учитисе латинской Граматики, кою онъ чрезъ таліанскій єзикъ у общей градской школи предаваше, и классическе латинске списателѣ толковаше. Овде дакле, имао самь се о чемъ, полезно упражнявати, да ми є слабо Албанія и на умъ долазила; но выше изъ самога любопытства разпытивао самь, што се тамо дѣла, одъ куда све смутніи и гори долазау гласови. Таково є бѣдно состояніе землѣ безъ разумнога правлѣнія; гди свакій Паша оће да є Царъ! Одпишемъ Хормовитомъ о дѣлу, што су ми наложили были, и кажемъ имъ, да я већь у такове немирне землѣ не желимъ никада доћи. При моємъ добромъ и сердечномъ Андрею пребудемъ годину и месецъ; и правда да како онъ, тако и учитель Хрисанѳъ, подобнѣ и мой старый пріятель Антоніе Ерцеговацъ, слабо су ме пуштали, да кадъ у трактеру ручамъ, позивлюћи ме къ себи на трепезу; но опетъ колико толико трошіо самь и самъ по нешто, и доће већь време, да видимъ мою кесу готову изпразнитисе; но размышляваюћи, да самь съ помоћю Бога выше получіо, него самь мысліо и надаосе; чиниломисе да самь топрвъ богатъ постао. Кажемъ Андрею моему, да намѣравамъ поћи у Далмацію; него да поћемо распытати за кои корабаль. То є найлакше, рече ми; поћемо пытати, и чуємо да проведиторъ Цефалоніотскій, благородный Венеціанъ, полази дома са своіомъ фамиліомъ: корабаль на полакъ празанъ; погодимосе съ капетаномъ за три цекина, да ме одвезе у Венецію. Кадъ дамъ

ова три, остаю ми іоште само петъ; у Венеціи потреба стаяти на лазарету 21. данъ; ту се троши. Одатле до Далмаціе требую баремъ одъ све неволѣ три. Небы радъ казивати, да самь у тескоби, а боимсе да после горе не буде! Али шта неће нужда измислити? Полазећи изъ Смирне дао самь быо начинити єдну горню альину одъ фине инглезске чоє: майсторъ ми є начини одвећь и дугачку и широку: ову самь све потезао са собомъ, а нисамь є ни єданъ редъ обукао; у Корфу има трговаца, кои носе таке альине, а и Андрей такове носаше. Кажемъ му, да онде, кудъ я полазимъ, ніе обычай таке альине носити; стои ме око 40. піастра; а я бы є дао за 20 или за 15. до 20. Рече ми онъ: купи ћу є я; обуче є, таманъ како валя; радостанъ као да му се нешто весело случило, тай часъ изброи ми новце, а альину фалећи, и говорећи да бы у Корфу 50. піастрій коштовала, метне у сандукъ. Андрей мой, съ учителѣмъ Хрисанѳомъ, и съ честопоменутымъ Антоніемъ у слоги, спреме ми толико провизіона, да бы четворицы довольно за 10. дана было. Єданъ великачакъ подъ локотомъ сандукъ пунъ само бискота; два велика сепета съ различнимъ вещма, и 20 бутеля вина. Доће данъ растанка! Ласно себи свакъ може представити, каково є разлученіе, за никада се већь не видити, съ таковимъ сладкимъ душама, съ коима бы се за блаженство вменявало, савъ животъ овде на земльи провести! Али бы тешко моіой души было! да самь са свимъ Корфъ оставіо, не споменувши Матерь Андрееву и две сестре нѣгове. Нѣгова родителница да ме є роди-

ла, небы ми могла боля ни милостивія быти. Она бы ми често рекла: ὁ υἱὸς μου ἔχει καὶ ἄλλους φίλους, ὅμως τὲτοιαν ἀγὰπην οποῦ σοῦ ἔχει, ἐγὼ δὲν ἴιδα ἐις τὴν ζωην μου! Сынъ мой има и други пріятеля, но таку любовь какову къ теби има, я нисамь видла у животу моємъ! Старія сестра одъ две године за добрымъ и вреднымъ мужемъ, у кога бы морали сваке неделѣ по єданъ редъ сви заєдно частитисе. Млађа у 14 й години возраста; имађаше и два брата наймлађа у фамиліи. Небесни Ангели да се покажу у человѣческомъ виду, заисто небы се могли ни лепшіи ни больи показати одъ ове миле и предраге фамиліє. Наймлађему у све моє време ту, я самь давао лекціє; зашто Андрей чрезмѣрно милуюћи га, дете не мараше толико за лекціє: а я, кадъ бы му є задао, само то бы му рекао: чуєшъ Георгаћи! ако ми до то доба лекцію не научишь, нити ми више долази у мою собу, нити ћу я къ вами доћи! (ово є претня, кою я и до данасъ моимъ ученикомъ чинимъ.) Никада ми то дете ніє безъ изучене лекціє дошло. Али самь га и я умео лепо варати, даюћи му изъ почетка малене лекціє: а кадъ детешце добыє вкусъ, научи у два три месеца око петъ или шестъ листа наизустъ, за тимъ обыкне, буде му много лакше, и само ми почне искати повеће лекціє; свако вече фалећисе зету, сестрама, и матери, шта га є научіо. Они бы се чинили, као да му не вѣрую, а онъ бы имъ на ма' на изустъ очитао, за тимъ бы имъ толковао, и коє су части слова и сложеніє разказивао. Често бы му се зетъ и сестре заклиняле, да му вѣрую да зна, само да іи се проће! Како є ласно и пріятно учити, кадъ се лепо и

разумно предає! Нити є муке учителю нити ученикомъ: но сохрани Боже одъ замршена и безпоредачна предаваня! Природно є мрзско и отвратително человѣческой души то, што є замршено, тамно и одвећъ трудно. Напротивъ, пріятно іой се чини, мило и сладко, све што є чисто, ясно, удобовразумително, и чиновно расположено. Не валя ни ово што се Корфа каса молчаніємъ преминути: да како самъ ту дошао изъ Албаніе, желіо самъ поћи и устменно благодарити Старицы Игуменіи на доброти показаной ми, при моємъ првомъ пришествію у тай островъ; алъ се она већь была преставила; Богъ іой дао вѣчно блаженство!

Корабаль за Венецію была є велика Нава одъ линіе. Кромѣ проведитора, нѣгове госпоће и служителя, наоћахусе ту іоште четири Официра съ женама и децомъ, кои на истый начинъ у Венецію иђаху. Єдва смо 17. тый данъ къ Венеціи дошли, имаюћи по вышой части, или слабъ или противанъ вѣтаръ; ништа манѣ време ніе се дуго чинило при таковомъ лепомъ дружству. У Корфу познао самъ се био съ єднымъ младымъ, веселе и благе нарави Свештеникомъ, именемъ Даніиломъ Мораитцемъ, коєму кадъ кажемъ, да ћу у Далмаціи пребывати годину или две, рече ми, да бы и онъ радъ за неко време изъ Корфа изиђи; моє предложеніе да поће самномъ у Далмацію, єдва дочека; живили смо у крайнѣй любови свагда за две године неразлучени. У Венеціанскомъ лазарету, ту се сврши мой бискотъ, и на дну сандука наћемъ ону исту мою альину, кою самъ у Корфу моєму Андреи продао, и у овой писмо, у

коєму се извинява и проси проштенѣ, што ме є тако преваріо. Зовемъ Даніила, и речемъ му, да гледа и види, ако не вѣрує! Шта ћу гледати? пыта ме; майсторію и хитрость Андрееву, одговоримъ: купіо альину и платіо, пакъ є сакріо на дно сандука подъ бискотъ, као да є украо одъ некога! Зато међеръ онъ мени наручаваше, да сандукъ не оставлямъ отворенъ, догодъ не потрошимъ савъ бискотъ, зашто морнари краду како сотоне! Я самь по томъ посилао неке дарке нѣму; али то за ништа не држимъ спрама овой хитрости, коя се управъ може назвати греческе любови и дружества хитрость. Онъ ни тренуће ока ніє штудирао ни мысліо; него како я изреко, да ми та альина не требує, и да бы є за полу цѣне продао; на ма аки бы за дуго о томъ домышляваосе: што ћешь є другомъ продавати, кадъ ћу є я купити? ево ти новцы! Благородна душа! лепо, прекрасно, сладко срце Андреє моєга! Да є богатъ быо, нека бы тако поступао! но онъ поштено и лепо живяше, обаче съ своимъ трудомъ; нити имађаше за разметанѣ. Я му мою потребу ни єднымъ словомъ нисамь откріо; но паче дерзновенно самь му толико кратъ казивао, да до Далмаціє довольно имамъ, а онде самь дома! (у копіяма овы писама о штампи ништа не стои; но садъ издаваюћи іи на тѵпь, гди што придодаємъ.) Или є заръ нѣгова сладчайша, небесна душа предвидила, да ће се то дѣло на 20. година за тимъ штампи и вѣчномъ воспоминанію предавати? Но како є онъ могао знати, да ћу я за толико живити; ово блаженство дочекати; ову сладку утѣху имати; и таково

благородно, дружеске любови дѣло, кое бы у Персіяну или у Татарину съ сладостію срца, на велику человѣческу похвалу описивао, одъ Андреє любимаго моєго, мени истомъ показано и сотворено, описати, проповедати, и блаженой вѣчности предати и посветити? Света добродѣтели! Божественна, вѣрне дружбе и пріятельства любови! коєга сте вы рода и племена? кадъ вы такова чувствованія у нами возбуждавате! тако силно у прсима нашима дѣйствуєте! И колико већма време живота нашега пролази и изчезава, толико се вы болѣ и већма помлађуєте, процветавате, разплоћавате, у саму, саму вѣчность коренѣ своє углублявате и разпростиретє, и превыше самы небесны высина стабла, гранє и благородне верхове своє дижете и узвышавате! Сласти! тѣлесна угодія и воспріятія! богатства, славе, и величества! кадъ већь премину и кадъ іи нестане, єсу ли и када кадра оваке за собомъ оставляти слѣди? Ево ньіовы фалѣны слѣдій: яо и уви! Суєта суєтаа! н ништа него суєта! Сирома и бѣдный човечакъ на божіой земльи мора онай быти, кои, кадъ се обазре за собомъ, нейма ништа видити него суєту! Ехъ камо пуста младость! гди су віна, паштете и печеня! Ала є ядань човекъ ништа на свету него магла, сѣнь и суєта! Мора овако мыслити и говорити, кои не познає и не чувствує у себи моралну и духовну часть себе. Може ли се при читавой памети рећи, да є онай живіо, кои у све време живота нити є душу свою ни Бога познао! **ИХЪ ЖЕ БОГЪ ЧРЕВО И СЛАВА ВЪ СРАМОТѢ ИХЪ.** Никада іи нико небы тако лепо описао као

Апостолъ. Прекрасный мой Андрей Петрицополосъ Корфіотъ, любећи добродѣтель, Маріину є онъ часть избрао, коя му се довека неће узети! Добро є онъ знао, што є радіо! И ако онъ ніе предвидіо, да ће се овако о нѣму и о нѣговомъ дѣлу на двадесетъ година после писати и штампати: али є онъ добро и предвидіо и предпознавао, оно, што є безчисленократно веће и болѣ одъ овога; а то єсть оно, што є вѣчный и блаженый творацъ уготовао, обѣщао и одредіо благополучнымъ одъ синовъ человѣческихъ, кои любе Бога и добродѣтель. Славећи я Андреа моега, добродѣтель славимъ, коє се похвала, честь и слава къ самому Оцу небесному относи, зашто є онъ самъ по єстеству коренъ, начало и изворъ свакога добра и сваке чисте и вѣрне любови.

Изъ Венеціе прећемъ съ Даніиломъ другомъ моимъ у Задаръ, првый и поглавитый градъ у Далмаціи. Мени є познато было, да овде има довольно Сербаля Официра и Трговаца: и да самъ се съ коимъ годъ одъ ньихъ познавао, може быти да бы ме ту задржали: али я природно страшльивъ и стидльивъ, никада нисамъ могао себе препоручивати, и у познанство другихъ утискиватисе и наметати. Зато ти я поитимъ у она моя блажена села и поля, гди самъ я већь добро познатъ, и гди безъ найманьи, ни съ єдне ни съ друге стране церемонисаня, комплиментираня и у милость препоручиваня єдва ћемо се дочекати. У Котари негде око Надина, намѣра ме намери на некогъ Спиридона Горбицу, Драговићанина: айде крашаный, рече ми, самномъ у Плавно! Ты знашъ, какво є оно лепо и здраво мѣсто;

онде самь ти я съ нашимъ Мелетіємъ Протосинђеломъ на капеланіи; кућа црковна има за школу; тако ми леба и соли, што смо заєдно єли, оћемо стаяти онде како Паше! добро, речемъ му, докъ сте вы двоица онде; али ты добро знашъ, да се вы често променюєте; пакъ ако после дођу какви кавгаціє на ваше мѣсто, и узишту да ми игуманишу и заповѣдаю, а мени тога ніє фала Богу, нужде трпити. Шта! мы отиђи, докъ си ты онде? Нипошто. Обещамсе и дамъ руку. Пролазећи пођемъ на Косово, поздравити попа Авраама Симића съ фамиліомъ, коє съ великомъ радостію нађемъ све у здравлю. У Кньинскомъ полю нисамь те радости имао; єръ мой любимый протопопъ Новаковићъ тешко боловаше. На неколико неделя зовне ме изъ Плавна, синъ нѣговъ попъ Лазаръ, да му доћемъ на погребеніє; гди самь му изговоріо, како самь лепше могао, похвално на погребеніє слово. Онаковомъ добродѣтелномъ мужу ласно є было вѣнацъ похвале саставити, ибо савъ путъ живота нѣгова быо є покривенъ съ цвећемъ благонаравія и добродѣтельи. Стоєћи у Плавну, у сва три Далмаціє манастира и у друга различна села и вароши на церковне празнике позивали су ме проповѣди говорити. То є мени врло ласно было, єръ самь довольно, на то потребны кньига, како на греческомъ тако и на таліанскомъ єзику имао. На друго лето, оно исто што самь я предрекао збудесе; дигну изъ Плавна речене капелане, а на ньіово мѣсто доћу неки, съ коима ми ніє было мирно. Єдва то Скрадиняни дочекаю, и зовну ме къ себи за проповѣдника. Овоме самь радіи быо, ради моєга друга Данііи-

ла; зашто онъ деликатнієга стомаха него я, и у селу ніе наученъ био житити; а у граду, навластито при мору, како што є Скрадинъ, лепше се живи. Кадъ онде дођемъ, нађемъ нечаянна препятствія. Бискупъ латинскій, благородный Венеціанинъ, сопротивисе моєму, ту, подъ тимъ именемъ пребыванію, зато, што нисамь Венеціанскій подданикъ; нити оћу на то да се подпишемъ. Одавде опетъ у Венецію къ Аћиму Жарковићу, првому одъ наши трговаца у Скрадину, кои є пре мене отишао био, за искати одъ Сената дозволѣніе, да ми є слободно кою годину ту пребывати, подъ реченнымъ именемъ, и као капеланъ. У Венеціи се дѣла брзо не свршиваю; одемъ у Задаръ чекати конацъ. Овде су већъ были чули за моє проповѣди по Далмаціи, и за моє дѣло у Венеціи, запросе ме да имъ у недељу проповѣдь речемъ, и кадъ учинимъ; смилисе то некимъ Официремъ Черногорцемъ и Сарайліяма трговцемъ. Учине ми предложеніе, да се обѣщамъ остати при ньима, ако не дуже, за годину. Я се тога не одречемъ, но съ изятіемъ, ако Скрадиняни не получе дозволѣніе, да ме могу имати: и будући да се оно не допусти, тако останемъ у Задру, гди дође къ мени и мой Даніилъ, и пребудемо ту цѣлу годину. У Скрадину найжаліе ми є было разстатисе съ єднымъ трговцемъ, Маркомъ Параскевомъ, кои ми є велику любовь и доброту показивао; и съ прекрасне науке Докторомъ у медіцини, Господиномъ Леонардомъ Вордони, родомъ Грекомъ изъ Корфа. Ови двоица были су начална причина, да самь у Скрадину желіо кою годину провести; наипаче зато, што ми се реченый Докторъ о-

бещао быо, лекціе у маѳематики предавати. У Задру колонелъ Майна, Капетанъ Іово Грблянинъ, конте Зорзи Габо изъ Кандіе, Госпоѣа Анна Рапсоманиѣи, и мой любимый Лазаръ Славуєвиѣъ Мостаранинъ, съ своимъ другомъ Симатомъ, и прочи купцы Сарайліе, сви су ми ови тако добри и мили были, да ми ніе могуће словомъ ньіову благость и доброту описати. По исполнѣнію године, предрагій мой Данііилъ Мораитскій возвратисе у Корфъ отечество своє; а я прѣемъ у Трієстъ, и одавде у нашъ славный царствующій градъ Бечъ. Што самь овде радіо, то ћу Вамъ у слѣдующемъ явити писму.

У Класену въ Курландіи,
Авг. 28го 1788.

ПРЕЛЮБИМЫЙ И ДРАЖАЙШІЙ ГОСПОДИНЕ!

Кадъ у Бечъ дођемъ, нигде никога не познаюћи, немецки ни мало не знаюћи, пођемъ къ греческомъ капелану, Попу Анѳиму, изкажемъ одъ кудъ идемъ и зачимъ, и да бы желіо, ако бы се могло кою годину у Бечу пребывати, и чему полезномъ поучитисе, докъ самь іоштъ младъ. Овый ме любезно прими, повѣдаюћи ми да є и самъ у младости, безъ родителя и убогъ будући, доста странствовао и намучіосе, за постигнути Еллински списателя и єзика познанство. Онъ имаѣаше свой квартиръ у дому єднога одъ првы у Бечу, меѣу Грецы, трговаца, именемъ Ни-

колая Димитрія Стойчо; коєга запроси дозволити му, да ме прими при себи на квартиръ. Не само обиталище, одговори благій и добрый Господаръ, него и трапезу съ нама некъ има, докъ се овде позна и намѣсти. Обнадежди ме попъ Анѳимъ, да не токмо кою годину, него и савъ животъ могу у Бечу провести, ако узимамъ волю и усердіе, лекціе еллински предавати. Тада се ту наоѣаше єданъ искусанъ у томе учитель; но преко разлога винопія и єпавачъ; слѣдователно дошао си, вели ми, у найболѣ време, башъ како да си знао. При томъ обзнани ми, да се у Бечу наоди нашъ Архіепископъ Іоанъ; и да є нуждно, пре него се у каково упустимъ дѣло, да му се явимъ. То є найлакше, отвѣщамъ, и тай истый данъ отидемъ и прикажемсе нѣговимъ млаѣимъ. Ови за изиграти свою комедію, сутра данъ, равно у дванаестый часъ, кадъ знаду да є Митрополитъ одъ сви прочи 23 часа найлюѣій на свакога, за кога не мари да му у то време доѣе. И што є найгоре! реку ми, да га дочекамъ башъ у сали, гди є трапеза намештена. Удари 12. сатій, чуємъ гди заповеди Митрополитъ: єло на асталъ, и изиѣе у салу. А кадъ и мене ту опази, чисто се упропасти и ужасне; ко є оно опетъ садъ овде? ко га є звао! каже му протосинѣелъ нѣговъ, ко самь, одъ кудъ самь дошао, и да бы радъ у Бечу пребывати. Таке вике и псовке у моємъ животу нисамь поднео ни претрпіо: Иди кудъ ти драго, и чини што ти драго. Заръ ты мыслишъ, да я немамъ другога посла у Бечу, него да самь тебе ради овде дошао? И тако ти ме отера. Изиѣемъ изъ саале и изъ Маріен-

хилфа безъ обзира; улѣземъ у градъ и нађемъ моє домаћине іоште при ручку, кои се здраво изсмею чуюћи моє приключеніе. То є добро, рече ми Господаръ Стойчо, садъ си безъ бриге и ты и мы. По обѣду одведе ме и прикаже Конзиліару Філиппиду, даде ме записати гди надлежи, ко самь, да ћу ту, и ради чега пребывати. За два три месеца сакупи ти се къ мени около 12. ученика; одъ свакога имао самь на месецъ по дукатъ: то є мени довольно было. Узмемъ и за се два учителя, єднога за французскій а другога за латинскій єзикъ. У овимъ мени драгимъ и сладкимъ упражнѣніяма проведемъ у Бечу око седамъ година. Треће године и лекціе самь на французскомъ предавао єзику, наодећи се трговаца, кои су предпочитовали мене, другима больимъ одъ мене, зато што самь имъ я могао греческимъ предавати діалектомъ и кньиге толковатя; коє Французи небы могли. Подобнѣ и таліански различне самь обучавао: и ова предаваня велике су ми ползе бывала, не само за плаћу, кою самь зато получавао, но много болше, што самь себе у све то веће искуство и совершенство у реченимъ єзицыма доводіо. Мой последньій у французскомъ єзику учитель быо є (на велику мою ползу) човекъ, преизряднаго, у чтенію кньига, вкуса и познанства. Овай ми даде познати избранѣйше, не само французске, но и съ енглезскога на овый єзикъ преведене кньиге: у исто време слушаюћи одъ латинскога учителя Логику и Метафизику, одъ тога времена чтеніе кньига стало ми є бывати и много пріятніе и полезніе; будући у состоянію о предмѣты чтенія моєга судити,

нити свашто, тако како є написано примати. Чрезъ обхожденіе и разговоре съ достойнѣйшимъ, прекрасны наука, пространнѣйшаго искуства и вѣжества, честнѣйшаго житія и непорочнѣйши нарава, у исто време доброхотна и любезна срца мужемъ, Господиномъ Аѳанасіемъ Секерешомъ, много самь се ползовао; будући є ово и до данасъ моя начална и владичествующа страсть и похоть, болѣ и ученіе одъ мене люде съ крайньимъ услажденіемъ и вниманіемъ слушати, и одъ ньихъ се ползовати. Съ славнымъ, у націи нашей, Генераломъ Микашиновичемъ и съ нѣговомъ Госпоѣомъ (съ коима самь и єдно путешествіе у Хорватоку и Славонію къ топлимъ не далеко одъ Пакрца водама учиніо) многе самь веселе и блажене дне провео; даюћи при ньима двема прекраснимъ Господичнама, Мартицы Продановича и Екатерини Сапланцаи на французскомъ єзику лекціе. Могу слободно рећи, ово (кое знамъ да ће ми свако чувствително и благороћено срце посведочити и потврдити) да неисказано благополучіе и чувствителнѣйше услажденіе живота моєго у овоме се состояло: ко ми се є годъ показивао да ме радо има, я већь нимало не сумняюћи, да онъ мене совршено не люби, умирао самь за ньимъ, и чинимисе да животъ мой престао бы ми пріятанъ и сладакъ быти, кадъ бы я икада могао престати, оне, кои су ме радо имали, любити. Нити бы я две крайцаре за мой животъ дао, кадъ небы выше имао, о комъ мыслећи радовати се и услаждавати. У овомъ пункту нека ми нико не доће зановетати, да самь я простакъ быо, и да самь се варао; по тому

што хитри люди вредни су показивати, да радо имаю онога, башъ за кога не маре, и притвараtисе да мрзе на онога, кога у срцу весма любе. Ове су речи ништа и за ништа! Чинесе као да на нешто звече, а са свимъ ни майманѣ што не значе; зато, што є ово изванъ, и противъ натуре, и одъ стотине, єдва ће се у єдномъ случити случаю, и кадъ се случи, мора быти, Богъ вѣсть за какова обстоятелства, за неволю и силомъ; а то што не иде одъ срца, него изъ усиловенія и притворности, то ће свакъ ласно познати, ванъ да є са свимъ цепаница; а таковы фала Богу, међу людма єдва ће се наћи одъ десетъ иляда єданъ. Умѣрене умности и разума човекъ, природно већма мрзи и отвращавасе одъ оны, кои се чине да га любе, не любећи га. Надлежи знати, да є мое овде говоренѣ за такове люде, кои лепа и мирна склонѣнія имаю, и добро како себи тако и другима желе: а о противнима, то єсть, лукавствомъ и злобомъ покваренима, овде ніє ни слова, и одъ оваковы самь се я на свакій начинъ клоніо и очуждавао. Ласно може ко помыслити, какавъ самь я секретъ имао, множество оваковы добры людій наодити, и себе у ньіово благоволѣніе унѣдрити? Никакавъ секретъ на свету! но простымъ природнымъ путемъ ту самь долазіо. Людій добры и благи свуда има множество; само да човекъ са свое стране гледа да є поштенъ, некористолюбивъ, добаръ и разуманъ, и слѣдуюћи овимъ качаствама да се съ людма влада; пакъ онда умѣрено добри нѣму ће быти са свимъ добри. Како самь я у себи увѣренъ быо, да мои пріятельи нису ме ради ни у

чемъ увредити, тако самь се и самъ одъ тога свагда отстрегавао; а ово ми є ласно было, зашто самь познавао, да ми є найполезніє. За ньіове и ньіовы други пріятеля тайне нимало нисамь маріо знати, и ово ніє ми ни длаке мучно было, ибо спокойство срца и вѫутренню духа тишину весма желећи и любећи, на любопытства, подозрителства и на интриге мрзіо самь како годь на отровъ. Узаямъ што искати никада нисамь потребе имао, разве пре две прошедше године, кадъ самь се изъ Инглитере возвратіо, прво, што нисамь имао съ чимъ предиздану кньижицу са свимъ изплатити; второ, нисамь имао съ чимъ до Бечa доћи: и ово што самь узаймio, пре самь съ великимъ, као на великомъ дару, благодареніємъ, возвратити могао него ли самь обѣщао. Никомъ живу нисамь се наметао, нити самь могао, ни времена имао онде долазити, гди ме не желе. У дужности преко силе моє нисамь се увозіо; а што самь могао и подватіосе, то самь радо и вѣрно исполнявао.

Шестъ полезны и радостны година прођу ми у Бечу како шестъ дана. Умѣрено живећи нисамь никада узрока имао боловати. Непрестанно у пріятномъ упражнѣнію, или другима лекціє предаваюћи или своє учећи, само у неделѣ и на празнике учинили бы ми се дни као да су подугачки. По моєму сложенію и начину мышлѣня морао самь, у таковомъ прекрасномъ граду као што є Бечъ, благополучанъ быти; дѣла моя и дужности радо и весело исполняваюћи чинило ми се, да самь у совершенѣйшей независимости и свободи; нитъ самь кому есапъ да-

вао, нитъ одъ кога узимао. Савъ градъ Бечъ чиніо ми се мой, єръ самь могао по нѣму шпацирати, колико самь годъ хотео. Аугартенъ, Прадеръ, све шуме наоколо и ливаде по између ньи быле су у моіой власти; свакe неделѣ и празника могао самь по ньима на све четири стране ходити, колико ми драго. Сви славуи у Аугартену у пролеће, и кадъ бы я самъ ту быо, пѣвали бы колико да су найвећа господа у нѣму. Шенбрунъ, наши богопрославлѣны и велики Цесара и Цесарица предивна летня обыталища! и у нѣму лавиринѳовидне неисказане красоте башче и раєви! Белведере! безсмертнога Принца Евгенія дворови и сади, све є то было мени отворено! Предіградія сва око Беча, и вертогради, были велике Господе или граждана, гди є годъ слободно было улазити, ту ми нико ніє смео стати на путъ! За она пакъ мѣста, гди ніє дозволѣно было улазити, нимало нисамь маріо, колико да ін нема на свету, нити бы я ту ушао, да ме ко куми! кодъ толики други лепши мѣста. Нека ми нико не баца преко носа, да самь по вышой части пѣщице одіо; зашто ово є много болѣ за ме было, ради многи узрока; но ова два коя ћу казати, стотине вреде: Прво, што є за здравлѣ много полезніє, пѣшице одити, него у колы; а шта є болѣ на свету одъ здравля? Друго, ко є у колесы, ако ће быти праа да се загуши, онъ мора онымъ путемъ ићи, кудъ остала кола иду, ако му се и неће; другда се поизређаю по сто єдна за другима, да се не виде одъ пра, кои су годь онда у колесы, пуне имъ се не само очи, уши и альине праомъ, него и носови и уста, зашто мо-

раю дисати и отдисати. Пакъ ако найпредня кола стадоше, сва за ньима ако ће іи иляда быти, ту валя да стоѳ, гди су се нашла, и незнаюћи ни зашто, ни за колико ће ту стаяти. Они су све то принуждени трпити, а я не! зашто я и проче моѳ дружство пешацы, (коѳга насъ има доста фала Богу) нами ѳ лакше и обколити, и преко прећи, и гди годъ видимо ладъ или одъ кућа или одъ древеса, или ако ће и одъ плотова, а мы на ма' у ладъ, пакъ идемо лепо господски по ладу. Ко не види, да ѳ ово и полезніѳ и лепше? Али, рећи ћешь ми, кадъ ѳ блато и киша? А заръ я теби не могу рећи, а кадъ се у твои колы осовина сломіѳ? я те молимъ нека свашта не споминѣмо! Ко се кише и блата бои, некъ се не раћа на овый светъ, то му се пре каже, некъ не рече после, да ніѳ знао. Имао бы се іоштъ съ многима вещма фалити; као на примѣръ, да самь слободно могао у свы вишеречены мѣсты прве и найлепше Бечке госпоће, колико самь годъ хотео гледати; и нико, за обадва своя ува! зато небы ми смео речь рећи: алъ ово некъ стои, само ћу іоштъ ѳдно казати, пакъ ћу овый періодъ заключити. Редутъ Бечкій, кои ѳ оглашенъ на свету, комедіѳ, опере таліанске, музике, Царске Библіотеке, све ове веселе и полезне забаве и наслажденія, могао самь уживати, и уживао самь, како годъ ѳданъ одъ велике господе.

Садъ рецы любимый мой! но по души и совести рецы! Нисамь ли я у оно шестъ година у Бечу благополучанъ быо? Но како све овога света тече и пролази, тако и

њима доће време те прођу. Али іи я не жалимъ, за две причине: прво, што и до данасъ споминюћи іи радуємсе и веселимъ; ибо, Hoc est, vivere bis, vita posse priore frui. То значи, два редъ живити, кадъ ко може и прежньимъ услаждаватисе животомъ. А второ, што є іоштъ лепше, болѣ и слаће, да у то време што самъ знао, другима самъ предавао; што пакъ нисамъ знао, одъ други самъ примао и учіо. А ово є свагда было верховнѣйше намѣреніе и всегдашньій нишанъ моега по свету ходаня, коє неки, изъ ньіове высоке милости, скитанѣмъ називати удостояваю. Што самъ я кривъ, што они неће овако да суде: да безъ посла одити, то се зове скитанѣ, (ако ће быти само по єдномъ селу) а съ посломъ одити, то люди паметни другояче зову. Ако ли су ти исти, дома седећи, себе и друге болѣ ползовали, я имъ то честитамъ, и заисто не завидимъ: но и я съ моє стране, имамъ зашто, благому небеснога Оца промыслу, докъ самъ годъ живъ благодарити, што ме є сироту, безъ очина и материна совѣта и пристараня довде наставіо и довео; и знамъ, да ће ме и до конца временнога водити живота; и помоћи ми, да стагда, вѣчнымъ, нѣговомъ премудростію предписанымъ правилама слѣдующи поступамъ и живимъ.

Седме године у Бечу пребываня усудимсе већь и у немецкога єзика увести ученѣ. Кадъ у трећій овога моега предпріятія месецъ, доће у Бечъ нашъ Архіепископъ Викентіе Іовановићъ Видакъ. Овай Господинъ не само съ милостивымъ, но паче съ любезнымъ къ мени начиномъ са свимъ ме присвои къ себи; учини ми предложеніе, да поћемъ у

Модру къ нѣговимъ двома снновцемъ, Ѳоми и Павлу, предавати имъ француски и талiански за годину: обѣщаваюћи ми за то, да ће ме, на годину, или найдалѣ на две за тимъ, съ ньима заєдно о своємъ трошку у Гермарію у кои нибудъ универсiтетъ послати, а по томъ и путъ єданъ у Францію, Инглитеру и Iталію учинити. Кадъ я чуємъ за Германію и прочая, обещао бы се служити му не годину или две, но толико година, колико є светый Патрiархъ Iаковъ за прекрасну Рахилу Лавану тасту своме служio. Доћемъ у Модру, и ту самь, не само младимъ Видакомъ но и прочимъ Митрополитовимъ питомцемъ лекцiє на вышепоменутимъ єзицыма предавао, и съ ньима заєдно у школу, Баумайстерову фiлософiю слушати, одлазio, а одъ Конректора на немецкомъ приватне уроке узимао. У дому єднога благороднога господина, првога у ѣраду, зовома Такача, весма самь любезно примлѣнъ бывао, и често у лепомь дружству съ официры и съ господомъ частiосе; и при нѣму самь се съ прелюбезнымъ моимъ Ритмайстеромъ Бешинеомъ познао; съ коимъ самь у селу близу Модре, гди є онъ на штацiи быо, често по неколико дана проводio. По совершенiю овде године, прећемъ съ мои младићи у Карловце. Одавде поћемъ, по двадесетъ година отсутствiя, у Банатъ посѣтити сроднике моє, поклонитисе гробовомъ родителя мои, и цѣловати мени свету землю, у коима ньiове почиваю кости. У Бечкереку по случаю доћемъ у домъ єднога благообразнога господара, именемъ Филипа Селяковића, кои ми се каже, да є ближньiй сродникъ оца родителнице моє Круне. Овай пре-

честный старый, кои бы и туђина радо причекао, како є мене приміо и угостіо, то свакъ Србинъ може себи ласно представити. У Итебею пођемъ искати сестру матере моє Єврy, но не нађемъ є, єръ се давно была преставила. Попъ Давидъ, уяцъ мой, пође самномъ у дружство: у миломъ Семартону, предрагомъ селу, и месту рожденія сладке родителнице моє отидемъ на ма' къ цркви съ попомъ Радуломъ, порохомъ села, коєга самъ іоште у детиньству ту познавао. Овай ми покаже гробъ матере моє и миле Юле сестрице! Мати! Мати! и рођена сестрица! какова су то чудна имена! и садъ ми ово пишући изъ самога срца извиру сузе, и наводняваюћи очи моє єдва ми даю писати. Паднемъ на ону пречестну землю, излюбимъ ю и сузами оросимъ. Молимъ Свештеника, да зове кога, да ми помогне разкопати землю, да видимъ кости богинѣ моє! чрезъ кою ме є Богъ на светъ произвео. Но онъ ми каже, да я всує то желимъ! да за толико година ту су и други многи соплененицы стари и млади погребени; и ко ће кости одъ костію разазнати? Кадъ ово чуємъ, и чрезъ излитіе суза себе облакшамъ, дођемъ у се и помыслимъ: Боже мой! како смо мы люди свагда къ земльи прилеплѣни! На мѣсто што бы возводили умъ нашъ къ безсмертнимъ любезныхъ нашихъ душама, мы иштемо кости ньіове; коє се мораю съ другимъ подобнимъ костима помешати, изгубити, и найпосле чрезъ стотине година у ништа обратити. Ево на кои су начинъ постала сва обоженія и поклонѣнія мощію и икона. Горећа и сердечна любовь и высокопочитаніе, само єданъ коракляй

потребує за преобратитисе у любимаго и высокопочитаємаго предмѣта обоженіє. Овымъ природнымъ и краткимъ путемъ долазили су люди къ идолослуженію и къ свимъ суєвѣріямъ, кадъ годъ просвештенъ разумъ съ ньима ніє управляо. Зато толика старость и вика за гроблѣ и гробнице! Шта є человѣческо тѣло безъ словесне и разумне душе, коя га оживлява, и у нѣму мысли? Ништа него смрадна альина, опредѣлена за црве, за трулость и за уничтоженіє, было на кои му драго начинъ. Ова размышлѣнія тада ми се топрвъ представе, кадъ сву надежду изгубимъ, останке Круне моє и Юле наћи. Онда ми падне на умъ и разговоръ премудрогъ Сократа пре смрти своє. Овый добродѣтелный и божественый човекъ, одъ свои граћана неправедно осуђенъ, да отровомъ убієнъ буде, запыта га нѣговъ любимый Критонъ, како, и гди жели да га погребу? Тада се онъ окрене къ прочима, кои ту быяху, и рече: како худо мой Критонъ о мени умствує! мислећи, да почемъ я отровъ испіємъ, и остане ово тѣло ту пружено и бездушно, да ћу и тада я овай истый быти, кои садъ съ вама беседимъ. Неће већь оно, Критоне мой! Сократъ быти! но само альина нѣгова излишня, и ни нашто непотребна; закопай є гди оћешъ, и предай землю земльи, закопай є само дубоко у землю, да тамо изтруне, и да воздухъ смрадомъ своимъ не трує. Сократа ты укопати нећешь! Простите, (самъ у себи попогледавши къ небу мислећи речемъ) О вы моєму срцу свете, божествене и сладке душе! Простите слабость и неразуміє моє! зашто васъ иштемъ я у земльи, знаюћи да

су праведне душе у рукама божіима? Єдва принудимъ честнога Свештеника Радула, да узме неку багателу одъ мене за споменути іи на служби. Я бы ньи и безъ тога споменуо, рече ми добрый Свештеникъ, али да Богъ да, да и моя душа буде гди су ньіове. Преноћимъ у дому Уяка мои, Павла и Ђуке, и сутра данъ пођемъ къ Чакову. Любимый другъ мой! Я се небы усудіо комъ другомъ, кромѣ теби овако дугачко писати писмо. Нѣжность твоя къ мени позната ми є, и увѣренъ самъ, да ћешь ты баш тако радо ово читати, како є мномъ радо написано. А уздамсе, да се не варамъ, мислећи да и другій ко, само нека представи себи своє родителѣ, пакъ онда читаюћи ово, неће за безместно судити, што я овако мыслимъ, чувствуємъ и пишемъ, о оной, коя є после Бога Творца моєга, светѣйша, честнѣйша и сладчайша души и срцу моєму.

У Кенигсбергу,
Септ. 14. 1788.

ЛЮБИМЫЙ, ПРЕДРАГІЙ МОЙ!

Οὐδὲν ἐν ἀνθρώποισι μένει χρήμ' ἔμπεδον; οἵη περ φύλλων γενεὴ τοιήδε καὶ ἀνδρῶν! Никакова въ человѣцѣхъ не стои вещь постояна; какавъ є годъ лишћа родъ, такій є и людій! Истину овога Омирова стиха никада и нигде у житову нисамь тако почувствовао, како, кадъ на толико година после, дођемъ у мило мѣсто рожденія моєга. Упутимсе управъ къ родительскомъ дому,

предъ коимъ нађемъ у глубокой старости стрица моєга Грую, познамосе и поцѣлуемо: кћи стричева, кою самъ при сиси оставіо, она садъ домаћица и съ синомъ великачкимъ. Пытамъ за єднога комшію, чичу Міяила, нейма га, давно се преставіо! За другога съ друге стране чичу Лазу, и онъ такођеръ. Децу у неко време, и моє врстнике поизналазимъ прве у вароши, єдне съ синовы на женидбу, а друге съ кћерма на удаю. Дечица, коима самъ бабинѣ чувао, и по томъ у наручи носіо, садъ су оцы и матере. Ето ти га, помыслимъ у себи, иди садъ те се калуђери, пакъ ћешь и ты быти човекъ на свету! Алъ оће паметно момче да се посвети, и да твори чудеса по Срему! Но већь што му драго, што є учинѣно, то се не одчини. Я самъ већь быо и прошао, и свакъ ће ласно погодити, да я ово выше за друге него за себе говоримъ. Пре тридесетъ година нека се нико за главу не калуђери; а кадъ му буде толико, опетъ некъ не нагли; некъ причека іоште десетакъ, кудъ є прошло тридесетъ, некъ проће и ово десетъ, и некъ се не бои да неће проћи, прошло бы да іи є іоштъ толико. Ко се годъ опари, а не каже дружству да чорба жеже, ніє добаръ за дружство, а кадъ онъ каже, после други некъ чине што имъ драго. Две вещи што самъ познао башъ у компилуку, съ єдне и друге стране родительскога дома, толико су знамените, и тако се касаю інтереса цѣлога човеческога рода, да бы заисто смертный грехъ быо, да іи овде не споменемъ. Зашто, кадъ се ово могло случити башъ у моємъ комшилуку, не далѣ, него у прва два дома; а да шта нейма

далѣ и далѣ у вилаєту. За то предлажемъ ово на разсужденіе Богу, и Цару и свимъ паметнимъ людма, кои маре, и коима є све то важно и велико, што се человѣческога каса рода.“

Речь є овде о двема женама; о коима никада не могу помыслити, да чувствително моє о ньима не соболѣзнує срце. Єдна є Іованка кћи чиче Лазе; ова се уда за некога, кои роди съ ньомъ (не памтимъ добро) єдно или двоє деце, пакъ є онда остави, оде некудъ и степесе, и за неколико година нейма му ни гласа ни трага. Жена іоште здрава и млада, слѣдователно за рађанѣ людій: Пытамъ є, заръ не може другогъ мужа наћи? Каже ми сирота уздишући, нашла бы я давно себи мужа: али веле да црква не допушта. О люди, што васъ є годъ на свету! Докле ће се коєкакви пустиника и монаха закони за цркву држати? У Цариграду и у Смирни, очима самь моима гледао, да Црква и Патріарси за много маньій узрокъ дозволяваю женама, за другога поћи мужа. Ніє ли ово управъ противъ божіє волѣ, слѣдователно противъ свакога паметнога закона, возбранявати да се люди на божіи светъ плоде и рађаю, и Бога славе и познаю. Али ако првый мужъ доће? Ако доће, томе ласно има лекарство, некъ узме себи другу, пакъ некъ є болѣ чува; алъ ако не доће, какво ћешь онда лекарство наћи? Съ друге стране Марія, чича Міаилова кћи; около тридесете године возраста, но гледаюћи на ню, бы се заклео ко, да іой нема выше него двадесетъ. Млада, здрава тѣломъ и разумомъ; пракрасна до удивлѣнія; поштена и благона-

равна; и овой будући и трећій умрео мужъ, више се удати не може. За правду божію! Што є жена крива, ако се случи, да іой три мужа умру? Што ли мужъ, ако му три жене не живе? Есу ли они владѣтельи живота и смерти, и могу ли другъ друга одъ смерти избавити? Али су свети оцы тако узаконили! Ти исти свети оцы, кои су то установили, были су пустиницы и калуђери, заклети непріятельи брака и чадородія; зато да се они у туђе после нису мешали, иляду бы пута паметніе учинили. Ово є посао мирски людій, старешина и поглавара, кои су не само словомъ него самымъ дѣломъ прави свети Оцы. Ко є мени (за Богомъ) найвећій светый отацъ, разве онай, кои ме є родіо и одраніо? Да се онъ (сачувай Боже) ніе оженіо, и мене съ моіомъ сладкомъ родителницомъ да ніе зачео, мене не бы на свету было; нити бы ми міліонъ светы отаца помогао! То є све за луду, постъ и молитве децу не рађаю, него честный и светый законный бракъ, єръ тако оће Богъ, и тако мора быти во вѣки вѣковъ, а не иначе. У почетку овога писма рекао самъ, да смо мы люди, као лишће; у пролеће се рађамо, а у єсенъ зрелости спадамо. Ово се дакле не говори толико за Марію и Іованку; и оне ће у мало времена увенути и преминути; али є праведно постаратисе за будуще родове. Ово исто случава ће се и унапредакъ многима и многима; пакъ, люди браћо! зашто да синови и кћери, и унуцы ваши страдаю, да уздишу, и да су злополучни, у чему нимало нису криви? Я самъ о овомъ послу, како годъ овде пишемъ, покойномъ Митрополиту

Викентію говоріо; ево што ми є одговоріо: Я знамъ да є то тако; али нека они отвѣтъ Богу даю, кои су то тако узаконили; мы садъ морамо слепо држати. А коя ће полза бити онима што страдаю, одъ тога, што ће други ответъ Богу давати? И зашто? за кои узрокъ и нужду слепо држати єдну стварь, кадъ се већь позна да є безъ разлога и слепа? Знамъ да ће ми на ма' кои намргођеный меланколикусъ и тврдоустъ рећи: то се тако кодъ насъ нашло, пакъ тако народъ оће да то стои; но знасе и ово, да тешко ономъ обществу, гди се никакво исправленіе не уведе, догодъ не соизволе и неузхоћеду, и касапи, и бакали, и лончари и прочая! Зашто свако общество има своє поглаваре и управителѣ, разве да іи слуша, и да имъ се повинує? Ко не зна, право є да се да упутити и научити одъ онога, кои зна; а гди ово не быва, ту мораю ствари ићи наопако. На примѣръ, стара баба, коя већь ніє за рађанѣ деце, некъ се не удає ни првый редъ, некамо ли трећій и четвртый. А човекъ и жена іоште при младости и снаги, кои могу чада рађати и ранити, а несрећни су были у три брака, безъ сваке ньіове кривице; зашто да не могу и у четвртый, (и ако по несрећи буде потреба) и у петый уступити? Намѣреніе и конацъ брака мора быти чадородіе и воспитаніе, и кадъ годъ за овый конацъ быва, онъ є по божіемъ закону и уредби. Безпосленъ и лудъ, остави жену свою младу и здраву, оде, изгубисе, и нейма му ни гласа ни трага! Зашто да жена стои шестъ година за луду? Она бы ласно за толико времена троє дечице имала; и рада іи є и-

мати, доити и ранити. Зашто дакле ова створеня светъ божіи да не виде? Чевекъ паметанъ ни овцу ни краву ялову за толико неће држати, не камо ли жену свою. Но сохрани Боже робства, или немощи; ово има свой узрокъ.“

Изъ Чакова вратимъ се у Карловце, за чекати пришествіе Митрополитово изъ Беча, (гди є позватъ бio ради Вершачке смутнѣ) у надежди, како доће, да ће насъ оправити у Германію. Доће Архіепіскопъ, и я пођемъ съ братомъ нѣговымъ Г. Інспекторомъ Трифуномъ у Даль къ нѣму; али се нашъ путъ опетъ отложи, за смущеніе, коє се у Германіи тада Баваріе ради догоди; и тако проведемъ другу годину у Карловцы. По берби винограда отправе насъ у Пожунъ, гди заєдно съ млады Видацы десетъ месецій пребудемъ. Они постигну доста добро францезски и таліански, а я већь умѣренно могахъ немецки говорити. Между тимъ постане совершеный миръ у Германіи, ништа манѣ, о вышепреченомъ путу нико не мысли. Пишемъ Митрополиту о томъ, и найпосле явимъ му, да є већь доста три године, и да више нећу чекати. Ни одговора. Чудна є вещь, кадъ слабый има съ якимъ погодбу! зашто єданъ чини што оће, а другій принужденъ є трпити. Ове три године быле су ми найнепріятніе у животу; и срећа моя, што су, мой Ѳома и Павелъ сасвимъ добри были, коє самъ совершено любіо како и они мене; а безъ тога іошть бы ми горе быле. При томъ, добро за ме што самъ, како у Модри, тако и у Пожуну єдикогъ ученика имао, те нисамъ сасвимъ остао бio безъ новца. Тада самъ

весма жаліо на Архіепіскопа; но на неколико месецій за тимъ познао самь, да є много болѣ учиніо не исполнивши обѣщаніє; ибо будући науміо скоро преставитисе, да насъ є послао быо тамо, бы се у великой заплетки нашли, неимаюћи одъ кога векселе чекати. Моя надежда, поћи у Германію и далѣ, за садъ воспетисе и утиши, но не изкорени. Я самь већь дугимъ опытомъ познао, да валя, да се добро чувамъ, да не наумимъ кудъ поћи; єръ ако науми, одо, самъ не знамъ како! Прећемъ у Тресте; овде господа Конти Войновићи и прочи господари трговцы запытаю ме, бы ли хотео ту за кою годину децу учити. Радо и весело за петъ стотина форинтій на годину, одговоримъ; выше, ако оћею, могу ми дати колико имъ драго, узе ћу; али не манѣ за главу. Обнадежде ме да толико могу имати: между тимъ за некій политическій узрокъ, реку ми да се поћемъ проодати по Венеціи, и у 15. дана да се вратимъ, и да ће све быти готово. Одемъ; а кадъ се вратимъ, нађемъ посао горе него кадъ самь пошао. Каже ми мой Харалампіє, будући да се ніє могао успѣхъ у некомъ надѣемомъ предпріятію имати, выше ми се не може дати одъ триста Ф. то значи: 500 манѣ 200. зафалимъ и одкажемъ. Я добро знамъ, да има таковы мѣста, гди могу имати 500. съ plus 200, зашто бы дакле узимао съ minus? Али ево неволѣ, нема се съ чимъ дотле доћи.“

Одъ кадъ є Трієсть на своммъ мѣсту, у болѣ време за ме, ніє у нѣга могао доћи Господинъ Варлаамъ, Россійскій Архімандритъ, съ намѣреніемъ поћи у Італію. Обѣщава ми платити, да поћемъ съ ньимъ, и да га поу-

чимъ таліански. Не иштемъ никакве плаће, обећамъ се быти съ ньимъ сву зиму, само изъ Ливорна да ме отпрати на пролеће у Цариградъ; гди знамъ да се франзескій и таліанскій єзицы (навластито кадъ ји ко съ греческимъ уме предавати єзикомъ) добро плаћаю. Незнамъ, одъ насъ двоице, ко є себи за веће счастіе вмѣнявао: Онъ ли, што ме є ту нашао, или я, што се онъ ту, у таковимъ моимъ замршенимъ обстоятелствама, на ме намѣріо! Заисто, да смо се за дуго распытивали и тражили, болѣ не бы се могли напытати и наћи. Влашки є знао како правый Молдованъ, зашто є у той провинціи изъ детиньства до савршенога возраста живіо; и ту є у прошестой войни Россіи лепе учиніо заслуге; и зато, одъ ВЕЛИКЕ ЕКАТЕРИНЕ многоцѣный на плаветной пантлики крестъ и господску пензію за живота получіо. Што кажемъ да є влашки знао, чрезъ то даємъ знати, да є у таліанскомъ єзыку на по пута быо. На ма' у Трієсту почнемо, онъ мене частити, а я нѣга учити. У овакомъ лепомъ послу проведемо ту цѣлый божићный постъ; и таковъ лепъ постъ небы се човеку за дуга живота омразіо. По божићу у Венеціи карнавалъ; луди бы были, кадъ бы у Трієсту стаяли! Айде у Венецію. Да намъ є и ту лепо было, то свакъ зна, да му се и не каже. Четвртакъ прве недељ поста укрцамосе у кньигоносну лађу за Болоню; сила божія музиканта и комедіанта, мужескога и женскога рода и племена. Преко данъ, лепо време, такове музике и пояня, ванъ да опетъ ту. Око неко доба ноћи пођемо крозъ широкій каналъ; кадъ ти ту нападе на насъ

такова страовита бура, да нико ніе већь мисліо главе на суво изнети. Те музике опетъ! и тога завіяня! ко ніе чуо, некъ не жели чути. Да насъ срећомъ яка не одржа лађа, мышлясмосе сви заедно утопити као мишеви; съ овакимъ дружствомъ утећи, то се зове Харону рећи МАЦЪ! Свима самь сутра данъ рекао: чуйте браћо и сестрице! кадъ овде шкапуласмо, заисто оћемо іоштъ кои данъ поживлѣти. Одавде све изъ канала у каналъ, на Ферару до Болонѣ. У овомъ предивномъ мѣсту и граду задржимосе до воскресенія латинскогъ: што є годъ достойно было видѣнія, како у граду тако и наоколо, све смо видили. Кадъ бы све хотео описивати, каковы смо се неизказаны и неописаны красота нагледали у Болоньи, Флоренціи, у Пистои, у Луки, у Пизи; и просто у свемъ ономъ земномъ у Італіи раю, велика бы се кньига хотела. Преко высоки Апенински гора, и крозъ именоване градове предивне Тосканске државе, друге неделѣ на наше Воскресеніе дођемо у Ливорно, гди одпразнуємо не три дни, него равно три неделѣ дана. Већь пролеће тихо и лепо, за мореплаваніе найлепше, но нами се мучно растати; али што мора быти, то валя да буде. Наћесе корабаль за островъ Хіосъ; мой любимый Архимандритъ Варлаамъ плати за ме капетану, за превозъ и препитаніе до тога острова; и башъ излазећи изъ корабля, гди ме є допратіо быо, метне ми у џепъ пруслука самъ своіомъ рукомъ, 12 венетски цекина.“

Капетанъ корабля Дубровничанинъ, поштено ме є и господски содержавао. Овай имаюћи свои дѣла, у различна се мѣста на-

враћао, како у Корсику, у по томъ землѣтресенiемъ разореный градъ Мисину у Сициліи; прођемо и покрай горе Етне, гди цѣлу єдну ноћь нисамь хотео лећи, за нагледатисе онога чудеснога видѣнія: 21. вый данъ одъ Ливорна угледамо островъ Хіосъ, и тай данъ улѣземо у пристанище града. Да самь хотео, могао бы тай часъ у другій корабаль прећи за Цариградъ, но увѣраваюћи ме капетанъ, да се ту свакій данъ може пригода за то мѣсто наћи, намыслимъ остановитисе овде кои данъ, за прегледати тай предивный островъ. И будући да противъ свакога намѣренія и чаянія, на мѣсто десетакъ дана случи ми се пребывати ту равно толико месецій, а зашто се то случило, и што самь у то време чиніо? наодећи достойно Вашега любопытства, и подугачкога описанія, заключавамъ ово писмо пребываюћи. и. пр.

У Берлину Септ. 30.
1788.

ЛЮБИМѢЙШІЙ И ДРАЖАЙШІЙ МОЙ!

У Граду Хію, узмемъ на 10. дана подъ кирію єдну собу у Іерусалимскомъ метоху башъ при мору, и наймимъ сутра данъ момка, да ме води по острову. Овде како се изиђе изъ града, на ма' починю велике башче пуне лимунова и помаранчій, съ прекрасны созиданы, и различне боѳ мармора украшены домовы. Рекао бы ко, наодећи се овде, не да є у Турскога владѣнія острову, него у средъ

Тоскане. Грађани Хіотцы, кои су почти сви купцы богати, имаю своє башче, и у њима лепше домове него у граду. Казивали су ми, да само одъ лимуна и поморанчій, полъ миліона піястрій има овый островъ доодка, коє свуда съ корабльи, а найвыше у Цариградъ разшилю. Цѣлый островъ дакле, кромѣ са стране высоки камениты планина, представлясе, као чрезвычайне ширине градъ, пунъ съ велики камены зидовы окружены садова, и у њима кастела, у коима одъ месеца Марта до Новембра фамиліє живе. Овде є найвећа зима као кодъ насъ у Банату другда у Октомвру. У лето ту за щестъ месецій нема кише, и врућина бы была врло велика, да свакій данъ морски вѣтрови не разлаћую воздухъ. На оны, лимона и поморанча древесы, чрезъ сву годину видисе цвеће съ зеленымъ и сазрелымъ плодомъ. Свака башча има свой бунаръ съ преизобилномъ водомъ; рекао бы, да у свой той земльи, на неколико фатій дубльине, ништа нієнего вода, кою, свако ютро и вече чрезъ малене каналиће крозъ сву башчу навраћаю и древеса напояваю. Воду извлаче на чекркъ; вежу мазги очи, да не види што чини, запрегну є и потераю; ова како ти поће, све иде и путує, мыслећи ко зна куда, а не зна да се све на єдномъ мѣсту око бунара окреће.“

Свакъ може себи ласно вообразити, како є одъ Марта до конца Новембра по овомъ острову ходити! Мирисъ таковы плода и цвећа, да бы чисто помысліо ко, да є у раю. У почетку Юнія дошао самь овде, петый данъ за тимъ доћу гласови, да у Цариграду куга мори. Иди га садъ у Цариградъ!

TAYLOR INST. OXFORD

помыслимъ у себи: но ништа не маримъ, у добромъ самъ мѣсту: свуда Грецы наипаче имући, любе мусе и странне єзике, само валя дати имъ се познати. Пытамъ домаћина Архімандрита Іерусалимца, какове се школе и учительи у мѣсту наоде? Овай ми каже да су ту две школе, у коима се Еллински предає, и да у лето учительи предаю у свои домовы садовными; одъ коихъ є єданъ близу града. Сутра данъ пођемъ къ ближнѣму; представимъ му у каквой се сметньи наодимъ, не смеюћи у Цариградъ на кугу насртати; и да бы радо, докъ она тамо престане, таліански и французски лекціе, кадъ бы имао коме, предавао, само да могу свой трошакъ добывати. Не само трошакъ, но и пробытакъ можешъ имати, отвеща ми учитель: мени ћешь првомъ францезски предавати, а знамъ да и одъ мои ученика има ћешь неколико за таліанскій єзикъ, кои є трговцемъ весма нужданъ. Рече ми да останемъ съ ньимъ обѣдовати, и между тимъ докъ онъ свршн предаванѣ лекція, да се или съ коіомъ кньигомъ забавлямъ, или пођемъ по башчи одати. Нађемъ при нѣму єдногъ свештеника изъ варопи, у Елинскомъ весма искусна, съ овымъ пођемъ у садъ; гди ходаюћи и разговараюћисе покаже ми се човекъ любезанъ и благопріятанъ. Зовну на обѣдъ; мой новый познаникъ, Попъ Агапіе, пође у компилукъ къ єдномъ одъ првы трговаца, на обѣдъ, а я останемъ съ учителѣмъ. При ручку сазнамъ, да овый словесный мужъ доста добро латински разумева, и у своей библіотеки избраннѣйше на овомъ єзику списателѣ има. Обрадуесе кадъ га увѣримъ, да разумѣваюћи латински, у шесть месецій по-

лучи ће совершено разумѣніе францезскога, будући є овый діалектъ онога. За толико времена, рече ми, извѣстно ты ћешь морати овде пребывати: ибо кадъ годъ кужный моръ касно у лето у Цариграду почне, чрезъ сву зиму, иногда, не престає. Докъ се мы овде разговарамо, повишеименоватый Попъ Агапіе оправи ми другій лепъ посао. Онъ є съ таковымъ усердіемъ о мени овомъ купцу бесѣдіо, да човекъ обеща не само за свога наймлађега одъ седамъ синова плаћати ми, но савыше у своємъ дому, у саду и у граду, докъ самь годъ у Хію, квартиръ и трапезу давати. Зовну насъ на кафу, и ту се познамъ съ моимъ будущимъ домаћиномъ, честнымъ старцемъ одъ 74. године, іоште при снаги и здравлю, зовомымъ Миссе Маноли Стратипетрококино. Пренесемъ мое вещи изъ метоха; слѣдующій данъ преда ми учитель, зовомый Николай Аргентіосъ, свои 12. ученика, за обучавати іи у таліанскомъ, и онъ почне францезски. У овомъ предивномъ острову пребудемъ до конца идућегъ Февруарія у великомъ задовольству; прегледамъ цѣлый островъ и богатый царскій манастиръ, зовомый Неа Мони, и у нѣму древню гречески рукописны кньига библіотеку. Мои ученицы получе одъ мене све што су желили: а я добыємъ око 60. дуката. Іоште у Децембру получимъ извѣстіе, да є куга у Цариграду престала; обаче за већу ползу мои ученика, и за дочекати лепшій за мореплаваніе путъ, изостанемъ повыше. Последныій Февруарія поздравимъ мое добре пріятелѣ, ученога медика Господина Скилицы; старога Инглеза Самуела Брецбридчъ, кои одъ много година

ту живляше, любимога попа Агапія; учителя Г. Николая Аргентіа, и првогъ Марта пређемъ у корабаль за Цариградъ. Неваля премолчати, да Хіотцы имаю на найлепшемъ мѣсту предградія при мору, преизрядноустроенный оспиталъ съ широкимъ садомъ за 50. болны, странны или домаћи. По далѣ одъ града велика зданія за лазаретъ; и око по миля далѣ, другій оспиталъ, зовомый светога Лазара за прокажене.“

Путујући къ Цариграду био самъ у лепомъ дружству трговаца Хіотски. Спрама острова Мармаре дуне якъ, нама противанъ вѣтаръ, и задржи насъ у єдномъ маленомъ пристанищу овога острова 15. дана; єдва се одавде отиснемо, и съ великомъ мукомъ дођемо у Константиновъ градъ. Квартиръ самъ у Валеде хану съ Хіотски трговцы имао, не далеко одъ С. Софіє и царевы дворова. Мои Хіотцы водили су ме свуда по Цариграду, по мору и по суву, али ко ће ту ужасну величину града обићи! Познамъ се у Патріаршіи: Протосингелъ патріаршескій рече ми, да причекамъ докъ проће цветна и велика неделя, и да ће ме по воскресенію съ таковимъ двема или трима фамиліяма упознати, и при ньима намѣстити, да ћу моћи на годину найманѣ иляду піястрій имати. У Перу и Галату мало кои данъ нисамь прелазіо, и ту самь се приказао Цесарскому Министру. Кадъ ти велике неделѣ, почне се по граду разглашавати куга: Смушесе мои Хіотцы, и неки почну се спремати да бѣже у Хіосъ, а я ти онда бѣжи у Перу; но и овде што ћу? Сви се дворови елчійски позатвараю, кудъ се годъ окренешъ, страхъ и ужасъ!

Аратосъ речемъ, Цариграда, и колико є годъ у нѣму иляда пара, піястра и руспія! Ако ме гди куга заквачи и счепа, што ће ми онда піястре помоћи! Она нимало за шалу незна, нити ће марити што я іоштъ нисамь Паризъ ни Лондонъ видіо! Наймимъ момка, да ми понесе моє вещи до мора; ту узмемъ барку, да ме одвезе у кои му драго корабаль за црно море; иде ли у Кримъ или у Трапезонтъ, или ако ће и у Кавкасъ, и я ћу съ ньимъ, само некъ нисамь онде, гди є куга, єръ съ ньомъ за главу небы се радъ пріятельити ни пачати! Првый корабаль, гди запытамо кудъ иде, кажу намъ у Галацъ у Молдавію. Запытамъ управителя, оће ли ме повести, и шта ће искати дотле? Пеньисе овамо, не пытай, речеми: ако дашъ найвыше за превозъ и за рану, даћешъ петъ или шестъ піястара. Корабаль є празанъ, само єдногъ пасажира имамъ, кои є закупіо сву велику собу, и добро ми плаћа, али ево неволѣ незна човекъ ни турски, ни грчки ни влашки; а мы сви што насъ є годъ у кораблю, незнамо оно штo онъ зна! На мѣсто 10 пара, по погодби, дамъ моме баркаруолу што ме є тако лепо довезао, 30. Улѣземъ, нађемъ ту великогъ некаква прелата Польскога, кои имаю фермане, да одкупую изъ Турске сваке године роблѣ Хрістяне одъ Турака. Овомъ кадъ кажемъ латински съ ньимъ говорећи; да и гречески и влашки знамъ: Ахъ кариссиме, рече ми, Богъ и моє молитве су те овде донеле: Ништа ти недамъ потрошити до Галаца и до Яша, само да ми пюмажешъ съ овимъ людма беседити. Овай є млађега свога попа съ откуплѣны робовы оправіо

быо по суву, и за убѣћи великогъ труда, вознамѣри до Молдавіе моремъ доћи. Противни вѣтри задрже насъ између Дарданела 20. дана; овде се случи, да смо предъ Капетанъ Пашу излазили, и съ ньимъ чрезъ Мавроіени драгомана нѣгова беседили.“

Ту намъ є добро было: одъ куге смо утекли; єсти и пити до изобилія, што намъ годъ срце заиште; на єдной и на другой страни брегова прекрасне башче и домови цариградске господе; славуя сила неизчислима, кои намъ неусипно пѣваху. Доће и нашъ вѣтаръ, изиђемо 25. данъ Априла у ютру; тай данъ летили смо како на орловы крилы, кадъ на ноћь чисто се помами вѣтаръ, и море сасвимъ побесни. Ту самь найболѣ почувствовао, што ће рећи зло море и непостоянство волна и вѣтрова, кои кадъ насъ почну дизати у высину, рекао бы, одосмо живи на небо! А кадъ ти насъ почну низъ брдо терати, тога опетъ летеня и сіясета, нитъ самь чуо ни видіо! Шта є бездна и пропасть? ништа, спрама ономъ кудъ смо мы пропадали! Ништа ніе ядніе слушати, него гди даске око насъ шкрипе, и балвани испод насъ єче. Чудо дивно, како се не разглаве! те бы насъ было до ушію поквашены. Ништа се ту толико не жели, него да се о какавъ каменъ у мору не лупи, єръ не бы намъ остало ни ноге. Кадъ бы се годъ пеняли узъ брдо, онда ти мой прелатъ чита брзо брзо, башъ као да се съ моремъ утркує, а кадъ бы доле полетили, онда бы заборавіо читанѣ, и стаялобы га вика: кариссиме, одосмо, пропадосмо! Већь ми є досадіо было пытаюћи, што говоре они озгоръ? Шта ће говорити? псуюсе,

ето ти га: O impii homines! рекао бы: пакъ опетъ почне читати. Правда, да є было страовито, но ништа манѣ морао самь се неколико реди моєга Прелата вики и плашньи смеяти. Около поноћи послаби мало вѣтаръ, и поутиша море, онда ти се мы почнемо инатити. Виче Прелатъ на ме, зашто се и я Богу не молимъ, него се іоште смеємъ. Чекай речемъ му, некъ дође лепо време; ако се и самъ своіой плашньи и вики не будешъ смеяо, некъ самь другій! А у овакимъ обстоятелствама я за друге молитве нећу да знамъ, разве: Благій, премудрій создателю Боже, буди света твоя воля! Ако допустишь да се утопимъ, прими у милость и у отеческа твоя недра душу мою! Ниси ни то говоріо, вели ми: молимъ га да ме се проће! што ћу я съ Богомъ говорити, заръ є Богъ као човекъ. Онъ болѣ види и познає, што є у срцу моме, него я истый. П. А ніє ли ти жао, да те рибе изеду? Я. Шта га самь и я риба изео, коє чудо, да и оне мене єданпутъ изеду! П. Али су рибе за човека створене, а човекъ ніє за рибе. Я. Ако се овде утопимо, онда ћемо быти башъ за рибе и за морске раке. Душа моя знамъ да ніє за ньи, то ми є доста знати; а за тѣло, та га црви изели та рибе, мени є то све єдно. П. Какавъ си човекъ, дакле ты све ово за шалу држишъ? Я. Нећу ти лагати, и я се и плашимъ и боимъ; али да ми є могуће, да се башъ ни мало не боимъ, много бы болый и паметніи быо; и самъ бы себе по иляду пута выше почитовао. Ніє ли паметніе и поштеніе онде не страшитисе, гди страхъ ни найманѣ мрве нити ползуе нити помаже? П.

Заръ ты за смрть ни мало не маришъ? Я. Маримъ те веома! А да зашто самь изъ Цариграда побегао? али овде моя марня ништа ми не помаже. Ко се просто смрти бои, у горемъ страху валя да живи него зецъ, и ништа да не чини него да се плаши, зашто се свакій божіи данъ умрети може. П. Кариссиме, ты или си лудъ, или си правый светацъ, тако мыслећи. Я. Да ми опростишъ Господине! Светацъ знамъ да нисамь, а лудъ небы радъ быти; али овако мыслити желіо бы срцемъ и душомъ! Свакій, не само поштенъ официръ, него и найпоследньій солдатъ, овако валя да мысли, ако жели да є свога званія достоянъ. А то што є ньима поштено, зашто и нама небы было? Поћути мало добрый прелатъ, пакъ онда ми рече: Dulcissime amice, beata illa hora, qua tu ad me venisti! Сладчайшій друже, блаженъ онай часъ, кадъ си ты къ мени дошао! Замоли ме, да ако се како могу до канавета привући, и стакло съ ракіомъ извадити. Могу то, како небы могао! рече ми да найпре нагнемъ; и у овомъ га радо послушамъ, видећи да ми сердечно допушта. Прекрасна ракія съ Хіотскомъ мастихомъ. Напієсе и онъ, и я спремимъ стакло. Чисто двоиномъ оживимъ одъ пріятнѣйшегъ ликвора, за кои ни мало не маримъ разве кадъ самь на мору. Не боймосе господине, речемъ му, я мою главу полажемъ, да се нећемо утопити. Заклинѣ ме да му кажемъ, како я то знамъ! Искусствомъ, одговоримъ му: познао самь да є море лажльиво; већь ме є до садъ выше одъ десетъ редій уплашило, пакъ после престане и буде лепо, зато га се већь не боимъ, нити вѣруємъ ни нѣговой доброти

ни злоћи; при лепомъ времену чекамъ ружно, а после овога чекамъ опетъ лепо. Вѣтаръ іоште здраво дуваше, али онога првога зла ни полакъ; овако разговараюћисе и шалећи заспимо, а кадъ се пробудимо по десетомъ часу, видимо прекрасный данъ, и угледамо бело море одъ смешенія съ водомъ дунавскомъ, у кои после подне и улѣземо.

Узъ Дунавъ путуюћи идесе лагано, но мирно и безбрижно, нити є другогъ страа развѣ одъ комараца, а ньихъ тада іоште не быяше: слѣдователно доћемо мирно све частећисе и разговараюћи, до Галаца. Овде, по обычаю, поћемо се приказати управителю вароши, єдномъ младомъ господину одъ првы фамилія боярски у Молдавіи, зовомомъ Балса. Овай господинъ прими насъ съ великомъ учтивостію. Прелатъ нађе лепо дружство Руса и Поляка за прећи во своя, и овде се съ ньимъ съ великомъ любовію растанемъ, ибо трећій данъ поће съ Богомъ: а мене реченый господинъ оправи къ брату своєму у Фокшане, первомъ Спаѳарію, Ѳеодору Балси, кои ту Староста быяше, и потребу одъ учителя за сина свога имаћаше. Овде се найпре познамъ съ Епіскопомъ Романскимъ, господиномъ Леономъ Ћиукомъ, кои ми є по томъ великій пріятель быо. По неколико дана поћемъ съ моимъ ученикомъ у Яшъ, у домъ великогъ прінципскогъ Вестіарія, Господина Георгія Балси. Одъ ове благородне фамиліе прекрасно самь содержаванъ быо, и лепо негражденіе имао. Архіепископа Молдавскога, Господина Гавріила Калимахи, синовцемъ лекціе на француз-скомъ єзику предавао самь, и одъ нѣга самь

добру плаћу имао. Мой любимый Романскій Епіскопъ доће зимовати у Яшъ; и како бы гекціе изпредавао, све самь проче съ ньимъ време проводіо. На друго пролеће прећемъ съ ученицы мои къ нѣму у Романъ. Како самь овде оно блажено пролеће и лето провео, описати ніе ми возможно. Къ єсени полазе трговцы за Лайпсикъ; а я имамъ близу триста дуката! ево дакле оно желаємо време за Германію и далѣ. Совѣтую ме мои добри пріятельи, да останемъ іоштъ годнну, и да стечемъ выше. Не! нипошто, єръ се боимъ да се не усладимъ у новце и у спокойство, пакъ оста ту до гроба. Како самь далѣ путовао, и у пожелѣна мѣста дошао, и што самь ту радіо; за ово видите сами любимый мой, да се оће особито писмо. Зато, любећи Васъ срдечно, пребывамъ,

У Витемъбергу,
Октомб. 8. 1788.

ДРАЖАЙШІЙ, СЕРДЕЧНЫЙ ДРУЖЕ!

Оставляюћи Молдавію, мой добрый пріятель, Романскій Епіскопъ наложи ми, кадъ доћемъ у Саксонію, да примимъ у моє надзирателство нѣгова два младића, Александра Ћиуку синовца нѣгова, и Герасима Діакона, коє є быо пре мене тамо послао. Путъ намъ є быо крозъ Лембергъ, Польску и Слезію; у Бреславіи трговцы имаюћи дѣла свога, задржимосе седамъ дана, и крозъ Лайпсикъ прећемъ у Халу, и примимъ вышереченне мла-

дић̃е къ себи. Овде се преобучемъ у светске грешне альине, као и остали люди человеческога чина; дамъ се записати у каталогъ Университета, и по̑ћемъ слушати фїлософїю, есѳетику, и натуралну ѳеологїю, у славнѣйшега у Германїи фїлософа Професcора Еберхарда. Сматраюћи у овомъ, муса и сваки божественны наука сѣдалищу, како се выше одъ хиляде млады людій уче! како непрестанно изъ єднога у другій колегіумъ трче! како се сва прекрасна и благородна душевна способствія размршаваю, просвещаваю, и у многообразнимъ знаніяма разширава и разпростиру! И сравньиваюћи ова мѣста и люде, съ прекрасномъ но бѣдномъ варварскомъ Албаніомъ! съ колико дражимъ и миліимъ, толико већегъ сожалѣнія достойніимъ земляма, Сербіомъ, Босномъ и Ерцеговиномъ, уздисао самъ и често горке проливао сузе, самъ съ собомъ говорећи: кадъ ће у онимъ прекраснимъ земляма овака училища быти! кадъ ће се и она младежь съ оваковимъ наукама напоявати! Милліони народа! Ядни Турцы чекаю да што паметно чую одъ дервиша! А бѣдни и удручени Хрістяни одъ калуђера! Но шта ће имъ ови казати, кадъ нигде ништа друго подъ небомъ незнаду, него: дай милостиню! дай све што годъ имашъ, а ты умири одъ глади, и мрзи и проклиньи све люде на свету, кои твоє вѣре и закона нису? Гледаюћи какве се овде кньиге свакій данъ составляю, пишу и на светъ издаю! Жалость нападаше на мене, кадъ бы годъ помысліо, како кодъ насъ вичу: дай носи кньиге изъ Руссіе! А какве кньиге? За оне, кое се ту преводе съ учены єзика, составля-

ю и издаю на славенскомъ, ни каталога нейма, баремъ да имъ се имена знаду. Размышляваюћи непрестано о овима вещма споменемсе, іоште у Далмаціи зачетога желанія и намѣренія, да є крайнѣ потребе и нужде дѣло, на общемъ народнѣмъ єзику што написати и издати. Я самь чисто предъ очима имао, какву су буру и метавицу на себе сви они привлачили, кои су се усудили найпре и найпре цодобна представленія народу чинити; но мора се кадъ годь ко, єданпутъ, наћи! Айде у име божіє некъ се почне. Сила се никомъ никаква не чини; нека каже ко што наоди за добро и полезно; а разумни люди и садъ и после о томъ нека суде. Знамъ да ће неразсудни и невѣже псовати и ружити; неразумни ревнитељи проклиня ће и претити. Али съ друге стране знамъ и ово, да разумни боголюбителъи, истинолюбителъи, и общега добра и ползе желателъи, благе душе и поштена срца люди, церковни и мірски, поче ће се разбуђивати, и сверхъ овы вещій съ већимъ проницателствомъ разговарати и разсуждавати; а ово є почетакъ къ исправлѣнію, и то што се за садъ жели. Пакъ шта ће изъ тога слѣдовати? (рећи ће ко) Да се опредѣленимъ на свештенство, безъ свакогъ далѣгъ оклеваня и закоснѣнія наука и такове кньиге даю, коє читаюћи, ученіи да постаю, и да су кадри себе и народъ свой учити, на добро наставляти, и просвештавати; ево шта ће у име божіє слѣдовати!

Наумивши дакле што годъ издати, на пролеће прећемъ заєдно съ мои младићи у Лайпсикъ; будући да ту и штампа славенска има, (гди се и за исту Россію неке кньиге

штампаю) и Університетъ како и у Хаали. Овде на истый начинъ запишемсе у каталогъ Університета, поћемъ у Професcора Борна слушати Фѵзику, и почнемъ издавати мало сочинѣніе, о моимъ приключеніяма, у коемъ самъ два поглавита намѣренія имао. Прво: показати безполезность манастира у обществу, а второ, велику нужду науке, самога способнѣйшега средства, избавити люде одъ суевѣрія, и привести ихъ къ правомъ богопочитанію, къ разумномъ благочестію и къ просвештеной добродѣтельи, чрезъ кою словесный човекъ на правый путъ своега временнога и вѣчнога благостоянства долази. Чрезъ Совѣте Разума хотео самъ, на кратко и во обще, само почетакъ наравоучителне філософіе дати. О овомъ забавляюћисе проћу ми кое у Хаали кое у Лайпсику равно две године; радъ самъ быо, ради млады Молдована и трећу годину у Лайпсику заостати; но предвидећи да ако то учинимъ, оста ћу безъ новаца, пакъ после како бы у Паризъ и Лондонъ пошао? Свагда о овы градовы читати и слушати, овы просвещены народа кньиге у рукама имати, а ньихъ во обще не познавати, и ньова пресловута мѣста и градове не видити, то бы за ме толико значило, као у мраку живити. Не остае ми выше него 50. дуката; за такова мѣста мало, и ништа, али што му драго, (помыслимъ у себи) нећу я ни прбый ни последньій быти, кои е по Франціи и по Инглитери пѣшице одіо. Моега благороднога и любимога Романскога Епіскопа већь самъ о моемъ намѣренію предувѣдоміо быо; онъ ми пише, да нѣгове питомце съ трговцы отправимъ у Мол-

давію; и мени на даръ пошалѣ 35. дуката. Триста у друго време небы ме тако обрадовали, како су ме ови садъ; предамъ младиће купцемъ изъ Яша, и нађемъ преизрядна калеса, што су довезла трговце у Лайпсикъ на пазаръ, и коя празна у Франкфуртъ на Майну назадъ одлазаху; у овима іоште съ єднымъ живописцемъ Таліаномъ о малой цѣни поћемъ. Прећемо крозъ различна владѣнія, градове и лепа мѣста Германіє, коє кадъ бы хотео подробно описивати, одвећь бы дуго было. У дивномъ граду Франкфурту задржимсе съ реченымъ Таліанцемъ (кои и самъ у Паризъ ићаше) четири дана, ходаюћи по граду и наоколо. Манхаймъ у Палатинату, и онъ насъ задржи двадни у себи; по томъ чрезъ Алсацію стигнемо у Страсбургъ, гди прегледамо универсітетъ и каѳедралну велику церковь, за кою кажу да є правлѣна 120 година; и ако ћемо право рећи, выше одъ триста иляда светаца, анђела, и различны свакояки образа и видѣнія, одъ камена као да су одъ воска изрезана, и одъ ньи сва црква, као градъ некакавъ, одъ дна до врьа сазидата, чудо да су є и за толико докнадили и савршили. Овде погодимо кочіяша съ каруцама башъ као интовъ (у таки се колы овуда путує) до Париза съ уговоромъ, да се сврати у неке градове изванъ друма, како у Люневилъ, Нанси, и Мецъ, да іи видимо. Кочіяшъ нашъ кадъ доће да се погодимо, я самъ мисліо да є господаръ, кои слуге своє съ колесама шалѣ; тако лепо быяше обученъ: а кадъ поћемо, мећеръ онъ истый съ перукомъ; кадъ бы другда покрай коня касао, све бы му кеса паруке по лећи скакала. Смеяо самъ

се мыслећи, да овый види нашегъ бачкогъ кочіяша, ко бы се одъ ньи, другомъ већма чудіо? То знамъ, да бы му бачванинъ на ма опсовао кесу. Изъ Меца поће съ нами у дружство єдна госпоћа Адвокаткиня, коя у цѣломъ своемъ животу ништа не піє, то єсть што се піє, ни воде. А совершено здрава и прекрасне крви и вида. Кадъ бы гди по лепы мѣсты пешице одили, ишла бы ова жена, као да є вѣтаръ носи, но намѣсто пића, єла чорбовита, зелѣ, и воће єћаше. Мой Таліянъ и я, ни мы нисмо хотели ништа друго пити, него шампанско вино, овуда є изобилно и єфтино. Паризъ ме є задржао три недељѣ равно; да самъ се могао у кесу поуздати, бы и три путъ три месеца. И ово є ништа! Триста година да живишъ, имашъ туда шта гледати. Петъ дуката самъ дао само момку, кои ме є свуда водіо. Свакій божіи данъ одъ ютра до ноћи ту се све одило, ручали бы онде, гди насъ подне затече, а пило бы се гди се годъ ожедни. Ко бы радъ быо знати, шта самъ овде видіо, ево поглавитый узрокъ, зашто га у томе не могу послужити. Табакъ єданъ наштампати коштує ме 12. талира; а за овый посао хотело бы се найманѣ десетакъ табака. Дакле, ко оће то да зна, а далеко му се чини поћи и видити; а онъ ако не зна француски, нека научи, пакъ нека купи кньигу, зовому описаніе Париза и Версаля, са свима знаменитима вещма у ньима и наоколо. Ова кньига ако узкоштує два форинта, неће выше; то є ништа: и ту ће све наћи, што самъ годъ я видіо. Краля Француского, Лудовика Шеснайстога и предивну Кральицу, блаженнѣйшега

воспоминанія наше преславне Цесарице и Матере МАРІЕ ТЕРЕЗІЕ Кћерь, и НЮ самь видіо у Версалю. Ово не валя премолчати: Новый Лувръ, дворови кралѣва Французски, кои є миліоне коштовао, и може се назвати єдно одъ седамъ чудеса на свету. Половина овога зданія опредѣлена є за библіотеку и за Академіє высоки знаня. Ево людій на свету! гди Цареви своє дворове кньигама, мудрости, и наукама даю и посвећую! и себи за высоку вменяваю славу, съ мусама заєдно обытавати. Некъ изиђе садъ ко, да ми каже, шта я нисамь видіо! Како ми є мучно было изъ Париза поћи! Али што ћу, нужда є тврђа одъ челика; каквы бы прекрасны кньига ту могао накуповати! Чинимисе да самь ту првый редъ за живота, на оне кньиге гледаюћи, сожаліо што неймамъ новаца. Одъ Лайпсика съ ове три неделѣ у Паризу оде четрдесетъ дуката: камо гди є Лондонъ? Ніє до станя, напредъ! Намересе два поштена трговца управъ за Калее, съ коима о маломъ трошку до Инглезскога канала могахъ доћи. У Камбрею посѣтимъ гробъ блаженога и светога Архіепископа Фенелеона, Телемахова списателя. Разговараюћисе путемъ съ трговцы, кажемъ имъ, да я нисамь ништа друго, него греческога, и таліанскога єзика учитель; да идемъ у Англію, за поучитисе колико будемъ могао инглезскому єзику, и предвидећи да ћу ту сасвимъ остати безъ новаца, самъ се чудимъ што ће одъ мене быти. При томъ, да я нити самь кадъ имао другога капитала, нити садъ имамъ, разве учећи децу добывао самь гдишто, и съ тимъ одъ мѣста до мѣста пре-

лазіо, и што самь могао научіо самь. Куражъ монъ ами! одговори ми єданъ одъ ныій: Промысалъ небесный, кои те до садъ ніе оставіо, неће ни одъ садъ. Кадъ све потрошишъ, штогодъ имашь до последнѣгъ новца, ако между тимъ не нађешъ начинъ, да можешъ ту дулѣ пребывати, отићи ћешъ томе и томе купцу, моєму корреспонденту, на кога ћу ти я дати писмо, и онъ ће те отслати о моємъ тропшку у Калесъ: Овде ћешь годину дана у моємъ пребывати дому, и моимъ двома синовомъ на таліянскомъ єзику лекціе давати. Я ћу ти дати за годину 50. дуката и трапезу; а іошть толико можешъ одъ други заслужити, я ти за то стоимъ добаръ; пакъ на концу године има ћешъ довольно за поћи кудъ оћешь. Зафалимъ му сердечно на овомъ утѣшителномъ совѣту, и тако безъ сваке бриге и мысли превеземсе крозъ каналъ, и Децембра 1. 1784. доћемъ у првый Инглитере градъ Доверъ. Ово бы писмо могло и подуже быти, обаче и у краткомъ, доста самь протрчао: одъ Молдавіе до Инглитере подоста є проћи; време є већь одпочинути, желећи Вамъ дакле любимый мой! свако добро, остаємъ.

У Лайпсику Окт. 20.
1788.

ЛЮБИМЫЙ, ПРЕДРАГІЙ ДРУЖЕ!

Ево ме већъ, фала богу, у одавно чувеной и за дуго пожелѣной Инглитери, у граду До-

веру! По Франціи одећи и пролазећи, чињашемисе на некій начинъ и земля и люди познати, єръ єзикъ ньіовъ знаћахъ, и са свакимъ могахъ говорити? а овде, нигде ни слова! Старо и младо, жена и дете, све ти то инглезски говори, нити имъ можешь разабрати, шта тіи люди мысле шта ли оће! Гледамъ жене, и девойке: лепа су то створеня, да ништа на свету нити є могуће видити ни помыслити! Иляду очію да самь имао, и за иляду година небы іи се могао нагледати! Колико іи више гледашъ, толико ти се лепше чине! Ећешъ ли да си читавъ? иди своимъ путемъ, нити іи гледай, єръ ако диже очи и погледа, већь не оде далѣ, ту ћешь остати до века. Та и по другимъ земляма има лепота; али су свуда, по вишой части, лепе поносите, пакъ како іи човекъ види да се горде, и чудеса о себи мысле, не мари за ньи, некъ иду своимъ путемъ: алъ ево чуда овде, гди, рекао бы, да оне нити маре, нити мысле, иити знаду да су прекрасне; него гледаю на свакога съ таковымъ природнымъ и простосердечнымъ очима, а у исто време, съ отворенымъ, пріятельскимъ и благохотнымъ лицемъ, башъ као да га одавно познаю. Садъ нека представи и вообрази себи ко може, како є мени морало быти, кадъ самь се међу оваковымъ божіимъ прекраснымъ створенѣмъ нашао, не могући съ ньима ни речи проговорити! Милостивый благій Боже, мышляхъ у себи: тешко ли су ти люди сагрешили были, кадъ си имъ толике и тако различне єзике дао! То ти є ньима ньіовъ торонь донео, и пре времена на небо пенянѣ, као да имъ є мало землѣ было да по ньойзи оде! А кадъ се

већь здраво на оне прве изсрдимъ люде, онда топрвъ почнемъ се самъ на себе срдити; гди толики живише, и живе и данасъ, безъ инглезскогъ єзика и кньига, а мени се не може живити, ако не сазнамъ шта мысле ови люди! како живе! шта ли се и у ньіовимъ наоди кньигама. Оћешь Инглитеру? Ево ти є, айде садъ говори съ людма! Душа човеческа има ово у себи добро свойство, како є о чемъ ни будъ оскорблѣна, она природно, бржеболѣ тражи способно средство, како ће себе утѣшити. Изъ овога заръ узрока и мени дођу на паметь неки лепи латински стихови, но нипошто не памтимъ, ни гди самь іи читао, нити ко є ньіовъ списатель; доста они мене утѣше; ово су:

Non quisquam fruitur veris odoribus,
Hyblaeos latebris nec spoliat favos,
Si fronti caveat, si timeat rubos;
Armat spina rosas, mella tegunt apes.

Нико не ужива пролећне мирисе,
Изъ Хиблейски пећина не извлачи сате,
Ако чело чува и боисе купине;
Вооружава трнъ ружицу, медъ бране пчеле.

О неваляло малодушіє! (помыслимъ у себи) Ако незнамъ инглезски, а я самь башъ онде гди валя, за научити; многоцѣнне вещи не купуюсе за малу цѣну. Єданъ младъ Свештеникъ Римокатоликъ изъ Ирландіе, кои се є у Франціи учіо, садъ иђаше натрагъ у своє отечество, и путъ му бияше на Лондонъ;

съ овымъ поћемъ у дружство. Предъ вече остановимосе у древнѣйшемъ Инглитере, на предивномъ высокомъ положенію граду, зовомомъ Канторбери, за преноћити овде. Имали смо пре ноћи два часа времена, за обићи велика зданія Архіепіскопіе и великолѣпну старинску церковь; подобнѣ и по бедены града ходећи, немогохъ се довольно нагледати, сматраюћи различно устроєнно и одъ саме природе величественно положеніе околостоећи мѣста; и тако преисполнѣнъ внутренѣйшаго чувствованія и удивлѣнія дивнаго въ дѣлѣхъ своихъ Творца, у саму ноћь дођемо на квартиръ. Како ми є пакъ было сутра данъ, съ высоки мѣста, на ужасне величине, непрегледаногъ пространства, краснѣйшій и славнѣйшій на свету градъ Лондонъ гледаюћи, о овомъ не знамъ ни речи рећи. Свештеникъ Ирландезъ и я, имали смо прво сѣдалище у великомъ инглезскомъ интову; но полазећи изъ Канторбера, дао самь мое мѣсто другомъ, а пошао самь сести на покровъ интова (и ту се на лепомъ времену комодно седи) за моћи болѣ свуда гледати. И самъ самь се себи крстіо и чудіо: у какавъ ме є блаженъ часъ мила мати моя зачела! Гди самь я ово садъ? ко ли самь я? чиняшемисе као да самь се изъ нова, у некакавъ новый светъ родіо! Необычно представляшемисе постигнути, єсамь ли я онай истый, кои пре неколико дана съ моимъ комшіомъ Никомъ Путинимъ изъ Баната, све покрай Бегея у Сремъ; а одавде у црвены айдучки опанцы съ Аѳанасіємъ покрай Дунава у Хорватску, у великой итошти иђахъ? Садъ на покрову таковогъ интова, (у кои, за

улѣсти валя се пеняти по мердевинама) седимъ као некій Римскій Диктаторъ; и побѣдивши люту скудость и суровогъ мучителя Убожество, аки у побѣдоносномъ тріумфу улазимъ у славниіи и лепшій градъ, него є икада Римъ быо! Вменяваюћи себе тако благополучна зато што га видимъ и у нѣга улазимъ, аки бы савъ мой быо прекрасный ЛОНДОНЪ.

Любимый мой! Ласно є предвидити, да Сарданапалскаго духа и мудрованія любителыи и почитателыи, кои све блаженство у наслажденію гортана и у пріятномъ и изобилномъ преисполнѣнію црева полажу; и кои, по теготи кесе и злата, цѣну душе и достоинство ума мѣре и цѣне; такови ће се безъ сумнѣнія овомъ моємъ хвалѣню и диченю, не само као детиньскомъ и простачкомъ, него као безумномъ посмеявати. Но съ друге стране, они, кои познаю небесно и божественно благородство словесне и разумне душе, кои умею разпознавати несравнѣнно отличіє безсмертнога и вѣчнога богатства разума, срца и нарава, одъ привременога и земнога; они (были Инглези были други) кои Списанія Адизонова, Свифтова, Попе, и овима подобныхъ, безъ свакога сравнѣнія выше него сва зданія Лондона града почитую и цѣне, заисто неће се посмеяти, по весма ће похвалити и даће ми право. Ево овоме просто и осязателно доказателство, коє и слепъ, ако не видити, а онъ опипати може. (Нека свакъ примѣти и нека не заборавля, да се овде, само у онима богатство и тѣлесна услажденія опорочаваю, кои за преимущества душе и разума нимало не маре.) Ко є быо и када ве-

ћій и богатіи одъ царева Персійски, Македонски и Римски? Ко се є већма у сласти валяо одъ Сарданапала, Криса и различны други Султана, Хана, и Сатрапа? Пакъ гди є то све садъ? нигде! Нестало, пропало и изчезло, да му ни трага нема, како годъ ластавицы, коя крозъ воздухъ лети! А списанія просвещены наукомъ умова; нећу ни Омирова ни Аристотелева спомињати, зашто њіовы има одвећь много; него само неколико стихова Симонидовы, Фоцилидовы, Солоновы, и Менандровы, коихъ є врло мало, али су свету полезніи, и народу овы речены людій славніи, него све, оны вышепоменуты, сласти, богатства и суєтне помпе. Изъ истога овога узрока дакле, и на овый самый простый начинъ, већа ће полза нашимъ Серблѣмъ быти, докле іи годъ Богъ на свету буде држати, ако имъ (на примѣръ) я, съ помоћю премудры божественны инглезски кньига, само десетакъ врстій што полезно и разумно после себе оставимъ, него да самъ я савъ Лондонъ, и као Соломонъ иляду найлепши жена имао, и съ ньима се веселіо, и у сласти до преко ушію пливао. Но, о семъ доздѣ; (што' но речь) айдемо опетъ онде одъ кудъ смо изишли, у славнѣйшій света градъ Лондонъ. Свештеникъ Ирландезъ учини ми любовь, и позна ме съ єднымъ Магистромъ деце Инглезомъ, кои умећаше коєкако француски; съ овымъ се погодимъ да ми дає лекціє, квартиръ, и рану за три гинее на месецъ, то чини око 25. фор.; купити нужне кньиге, и за то се оће неколико; кадъ учинимъ мой есапъ, нађемъ да имамъ трошити за три месеца. Плаше ме, да є изговаранѣ инглезскогъ

єзика весма мучно, а нѣга разумѣніє, за єдно-га ко зна немецки и французски, притомъ и латински, да є весма ласно. Што Богъ да, мыслимъ; кадъ є мени разумѣніє єзика готово, нѣговомъ изговору преодолећу я, ако ће онъ быти седамдесетоглавна Ѵдра! А кадъ ли ме почну учити, чисто ми се кожа узме єжити, и длаке на мени узъ гору дизати, загазіо самъ, айде напредъ! Трудолюбіе, у дружству съ постоянствомъ, многомъ послу доће на край. Овый се узао не да пресећи као Гордієвъ; самъ Александеръ овде да доће, морао бы га размршивати; мачъ нѣговъ небы му ништа помогао. И да самъ самога учителя имао, о єдномъ сату на данъ, ништа небы учиніо, но велико добро за ме, што самъ по васданъ у кући, за сваку речь, и по много редій за исту речь, имао кога пытати. Старица мати учителѣва, жена нѣгова, сестра, братъ, снаа, и ко бы годъ у кућу изъ комшилука допао, сви су то были мои предраги и мили учительи; и желимъ имъ срдечно благополучанъ одъ Бога животъ, любезно су ме и радо наставляли и учили; и често бы се отимали, ко ће ми што болѣ и лакше казати. Кадъ бы годъ лепи дни бывали, и домаћинъ мой, Мастеръ Лаардъ зовомый, кадъ небы лекціе давао, свагда бы ме водіо, кадъ по єдной страни града кадъ по другой. У комшилуку познамсе съ єднымъ купцемъ зовомымъ Іанзономъ, кои не само латински лепо говораше, но доста добро и Еллински, и чисто изговараше; и овый ми є у моимъ лекціама помагао, и често частіо; чрезъ овога познамъ се съ єднымъ благороднымъ Грекомъ, родомъ изъ Ципра, одъ древне фамиліе Лу-

зиніана зовоме, коя є у неко време съ тимъ островомъ владала. Овый Господинъ одъ много година у Лондону живляше; коєга познанство было ми є полезно. На овый начинъ, данъ по данъ, проћу три месеца, и я потрошимъ почти све што самъ имао. Последнѣ тримесечія недељ одемъ поздравити господина Лузиніана, и явимъ му, да намѣравамъ возвратитисе у Калесъ; представляюћи му, да самъ изговоръ єзика одъ части постигао, а што ми іоште недостає, могу и на другомъ мѣсту наћи учителя. Єданъ мой добаръ пріятель, говори ми Г. Лузініанъ, кому самъ о теби казивао, просіо ме є, да те поведемъ сутра на ручакъ, жели да те позна; онъ є инглезске порцелане трговацъ, но ученъ човекъ, и великій любитель еллинскога єзика и књига, како онъ тако и госпоћа нѣгова; уздамсе да се нећешъ одрећи, поћи сутра къ њима на ручакъ. Ћути Бога ти, одговоримъ му; та лудъ бы было, кадъ бы се къ добримъ людма на ручакъ одрекао поћи, къ коима бы и безъ ручка радостанъ пошао. Насмеєсе онъ на мой одговоръ, и тако проведемо то послеподне, а за тимъ съ пунчомъ, разговараюћисе о Греціи и о нѣйзинимъ приключеніяма. На концу увѣраваюћи ме онъ, да ће ми драго сутрашнѣ познанство быти, у само вече поћемъ дома, подалеко ми є было ићи, алъ се види лепо одъ безчисленны фенѣра, а путъ ми є познатъ. Пре него опишемъ ово, о коємъ є речь, за ме знаменито познанство, оћу слѣдуюће примѣчаніе предположити. Они люди, кои неимаю за свою потребу нужны новаца, а неумеду, или за кои му драго узрокъ нису кадри стећи, были учени

філософи, или неучени простацы, кои оде издрпани, леже на крпетинама, и живе у непочишћеномъ мѣсту; пакъ на мѣсто што бы се зато стидили и скорбили, іоштъ се тимъ поносе, воображаваюћи себи изъ тога некаково достоинство; седе, и као одъ некаквы велики и дубоки наука намргоћенымъ лицемъ, чине различна примѣчанія сверхъ суєте, богатства и новаца, іоште су къ тому такове деліє, да се ругаю онима, кои су кадри стећи, и не само спокойно но и лепо живити. Таковима, свакъ ласно може видити, да мозакъ ніє на найправіємъ месту. Али кадъ видимо Праведнога Аристида, кои є све богатство побѣжденнога Персійскога цара у руку имао, и найславніимъ, у своє време, на свету владѣніємъ управляо, да сирома умире, и да се нейма съ чимъ, по своимъ достоинству, погребсти; Кадъ видимо божественногъ Сократа, да дарове славолюбивога Алцібіада шалѣ на трагъ; И на конацъ, кадъ упазимо славногъ Фоціона, да самъ изъ бунара воду черпе и себи ноге пере, докъ му при томъ жена нѣгова хлебъ меси и вечеру готови, а у исто време посланицы великогъ Александра одъ ютра до мрака за ньимъ пристаю, моле га и заклиню, да не чини Александру такове обиде, не примаюћи сто иляда талира, што му онъ на даръ шалѣ; о овимъ, у самой вещи и истини, великимъ людма, ко има само зрно памети, са свимъ другояче валя да мысли: а ко іи годъ съ онима првима почне мешати, некъ ни мало не чека, да га воде у оспиталь лудій, него нека самъ иде, єръ му є онде право мѣсто. Єстъ начинъ у вещма! Ово ни у чему не валя за-

боравляти, и по овомъ правилу о свачемъ судити, и изреченія чинити.

Одъ кадъ є годъ градъ Лондонъ онде гди є, незнамъ єли ико у нѣму, само зато што новаца ніє имао, тако благополучанъ бio, како што се є мени случило быти. Какавъ є то галиматіасъ? (замршено говоренѣ) рећи ће ми кои усекнута носа оштроумацъ: разсудимо само, пакъ ћемо видити, да ніє галиматіасъ, него су чисте и понятне речи. Да самъ имао у нужди новаца за обстаяти іоште три месеца ту; и тако може быти да бы се съ овимъ людма, о коима ће слѣдовати речь, познао; али бы іи само мимогредъ и слабо познао; зашто, неимаюћи никакове потребе одъ ныій, небы нипошто бio у состоянію доброту и благость срца ныова, и прекрасно благородство душе ныове искусити и познати. Остао бы при моємъ учителю, докъ бы оправіо свой посао, пакъ бы се вратіо своимъ путемъ; и тако бы за ва векъ душа моя лишена остала сладчайшегъ познанства, коєга самъ у животу имао, и многоцѣнніѣйшегъ сокровища честности, добродѣтельи и пріятельства овы благи и божествены у Англіи людій. Около єданаестогъ часа доће къ мени Г. Лузиніанъ, оћемо ли поћи? пыта ме: Я самъ већъ давно готовъ; одговоримъ му, и све самъ се бояо, да Вы не одете безъ мене. Насмеєсе онъ, говорећи: за добра смо времена, има ћемо цѣлый сатъ одити, но и тако ћемо за рана доћи; познато ти є, да Инглези у два и у три сата по подне обѣдую. Проћемо покрай Лондонске фортеце зовоме Тауеръ, іоштъ Богъ га знао кудъ, докъ єдва и єдва доћемо у стра-

ну града именуєму Хермитечъ, у домъ наричаємый Чайне Хаузъ, то єстъ хинезска кућа. Овде кадъ улѣземо, нађемо дома госпођу, гди нешто одъ финога беза шиє; по обычномъ поздравлѣнію рече намъ да седемо, и она седне, шиюћи као и пре; почне разговаратисе съ Г. Лузиняномъ о томъ, што є читала у новинама (коє стаяху іоште на асталу) о дѣлама Парламента, о Индія компаніи, о новопришедшимъ одъ туда кораблыима, о купечеству, пакъ найпосле и о новоизданимъ кньигама; коє су; какови су люди овы кньига спиѕательи; и о чему пишу: све то она каже просто, ласно и чисто. Да є нисамь гледао моимъ очима да шиє, бы заисто мысліо да она чита нешто изъ кньиге. Све нисамь могао разумевати, али за чисто и ясно нѣйзино говоренѣ мало ми є што утицало; у овомъ разговору прођу два сата, колико да ім ніе ни было. Кадъ бы што Г. Л. почео говорити, єдва бы чекао да онъ престане и да ћути, а да она говори; цѣлый божіи данъ небы маріо за ручакъ, кадъ бы само она беседила, да не престає. Могао самь є слободно у све то време гледати, єръ она мало бы кудъ гледала кромѣ у свой шавъ. Она не бяше оно што се свойственно зове Инглезска лепота; али съ друге стране, кадъ бы кои Апеллесъ или Рафаилъ хотео невинность, доброту, и оно блажено спокойство срца и чисту душе непорочность изобразити, нигде заисто таковогъ оригинала небы нашао, како у образу и у погледу ове Инглезскинѣ. По второмъ часу поставе трапезу, и доће господаръ дома, мой новый пріятель Мистеръ Іоанъ Ливи; съ ньимъ се поздравимъ и поч-

немъ разговарати латински, коимъ єзикомъ онъ бесећаше съ предивнимъ краснорѣчіємъ и исправностію. Одъ кадъ самъ изъ Молдавіе изишао, нисамъ быо тако весео као у овый данъ. Нисамъ нимало знао; а башъ као да є и кромѣ моєга знања, душа у мени предвидла, да ће се одъ овога дана почети тримесечноє моє благополучіе у Лондону. Но како небы быо весео, видећи на лицу и у очима овы блажены людій такову чистосердечность и доброхотство? Као да су ми роћени братъ и сестра, и као да се над'усилую, ко ће ме одъ ньи двоє любезніе, милостиніе и слаће гледати, гласомъ душе и срца свога чрезъ любки очію свои погледъ казуюћи ми, како су ради и задовольни, што смо се по тако давномъ разстанку нашли, састали и видили, да се опетъ єданъ другога нагледамо! При ручку Г. Л. почне нешто казивати, тако да не имаћаше времена єсти: Госпоћа често опоминяше га да руча, да гладанъ не остане, онда я речемъ домаћину: мени Госпоћа іоштъ ни єданпутъ ніе рекла да єдемъ, єръ види да я не чекамъ да ме нуде. Дасе то овомъ човеку на смей, да се неколико минутій морао смеяти. Пыта домаћица: уатъ исъ дѳатъ? уай ду ю лаафь со? Шта є то? Зашто се вы смеєте тако? А кадъ іой каже, учинисе всеобщій смей; ко бы насъ видіо, небы рекао да смо ту дошли ручати, но смеятисе. Кадъ ово престане, вели ми госпожа Ливи, да ме є Г. Л. весма фаліо, и да є похвала нѣгова неложна. Praesertim, речемъ я мужу нѣномъ: ubi de prandio sumendo agitur, nemini cedo. То есть: навластито гди є о ручаню посао, никомъ не уступамъ. За

луду ји я увѣравамъ, да безъ сваке шале то кажемъ; они све удри у смей. Но све ово ништа ніе было: кадъ топрвъ по пріятнѣйшемъ пиву бургундско вино донесу, и почнемъ имъ я нешто инглезски казивати, и за не чинити ји дуго чекати, гди што небы могао погодити, то бы на ма' съ немецкимъ или съ француздкимъ надокрпіо. Овога чуда опетъ! Сви бы ме іоштъ съ толикимъ ушима слушали; и по томъ бы се они међу собомъ инатили, ко ће болѣ мой новый єзикъ изяснити. Овде бы на ме редъ дошао смеятисе, видећи да нико одъ ньій управъ незна, што самь я казивао. На кратко казати, овый є данъ быо данъ совершенногъ веселя. По обѣду запытаю ме, да имъ правый узрокъ откріємъ, зашто, будући таковъ любитель ньіова єзика, тако скоро изъ Англіе полазимъ? Съ оваковымъ людма чистосердечну не быти, ово бы точно светотатство было. Кои ћете правіи узрокъ одъ овога, одговоримъ, него прво што неймамъ новаца, а друго ни одъ кога на свету ніе ми векселa чекати! Ако є то само, рече ми Мистеръ Ливи, ніе нужда да одлазишъ, я ћу ти свакій данъ по ручку лекціе давати, а ручати и вечерати можешъ съ нами; по неколико дана нађу ми и квартиръ башъ у своимъ комшилуку. Ово є доказателство онога, што самь по више рекао, да єдинственно за недостатакъ трошка получіо самь познанство овы неописане доброте людій. Знакъ совершене доброте у томе се состои, да колико выше добаръ човекъ коме добра твори, толико му є тай истый миліи и дражій: какогодъ што су чада родителѣмъ своимъ. Одлазіо бы у домъ мо-

єга господина Ливи свакій данъ у десетый или у єданаестый часъ предъ подне; и съ помоћу и наставлѣніємъ нѣгове пречестне супруге, читао бы изговора ради, а по томъ преводіо бы кою Езопову басну съ греческога єзика на инглезски. И она бы свакій данъ по єданъ сатъ што гречески читала; кои єзикъ, она, како и мужъ нѣнъ весма љубляху, и тако бы се проводило време до обѣда, то єсть до два часа по полудне. За тимъ до саме вечере, Г. Ливи (кадъ небы кудъ за дѣломъ своимъ изишао), бы ме учіо. На месецъ дана по оваковомъ мени полезномъ и радостномъ упражнѣнію, отиде у Харвичь са супругомъ своіомъ посѣтити Таста свога; (у ово време сваке године обычаваху посвѣщабати га) и пребуду у нѣга 15. дана, кои градъ отстои одъ Лондона 20. немецки миля. Мене препоруче своєму калфи, доброму и лепе науке младићу, съ овымъ бы у дому ручавао, и по ручку до вечере онъ бы ме учіо; кои ме тако радо имаћаше и сердечно љубляше, какогодъ и господаръ нѣговъ. Трапеза бы се свагда господски давала, како да су исти домаћини дома, и Мистеръ Клааркъ да могаше, бы ме у свои нѣдры носіо, но са свимъ тимъ, како я, тако и онъ єдва дочекамо, да наши мили домаћини стигну. Они исти за свою велику доброту къ мени, изпросесе одъ старога господина, и петъ дана пре доћу нежели бы дошли. Незнамъ у животу моєму, разве ако кадъ самь дететомъ быо, да самь кога съ таковомъ чувствителномъ жельомъ и чезнућемъ чекао; и єдва іи дочекамъ.

На неколико неделя за тимъ доће изъ Харвича госпоће Ливи сестра, Мистрисъ Те-

ларъ и братъ нѣйзинъ, Мг. Коокъ на посѣщеніе: већь после тога свакій данъ бывале су како у ньіовомъ дому, тако и кодъ други ньіовы пріятеля части и веселя, и прооћяня по найлепши мѣсты града и наоколо; куда самь и я почти свуда морао одити. Ово бы ме неколико чинило дангубити, но съ друге стране было ми є мило и полезно, даюћи ми начинъ, болѣ познати любведостойнѣйша свойства, и не преухищренна но просто- и чистосердечна обхожденія Инглезовъ. И кромѣ овы гостію мой пріятель Г. Ливи свакога вторника частіо бы неке своє пріятелѣ одъ учены людій: а свакога петка бывали бы, у довольномь содружеству на части у господина Гуліелма Фордайцъ, медика, и златнога руна Кавалера; коєму є Краль ово достоинство дао, за нѣгову отмѣнность у медическомъ знаню. Овый достойнѣйшій Господинъ бяше сердечный пріятель моєга благодѣтеля Ливи, и како ме чрезъ нѣга позна, постане и мой особитый Патронъ, наложивши своєму любимому, догодъ будемъ у Лондону, да ми дає на нѣговъ конатъ, што ми годъ буде одъ потребе за кньиге, или за альине и за прочій ситный трошакъ. Све ово благородно великодушіе, и вѣчнога воспоминанія достойну доброту Инглезовъ, небы могао искусити и познати, да се нисамь у потреби нашао. Одъ мене є садъ завысило, да самь хотео, за живота остати у Инглитери: зашто, како я радо лекціе предаємъ, како бы єзикъ мѣста совершено постигао, могао бы весма лепо ту живити. Човекъ одъ колевке до гроба мора имати какову нибудъ поглавиту желю, коя ньимъ совершено влада. Дете ни зашто та-

ко не мари као за игру; юноша жели науку, или другу кою забаву; како се ко на што да и окрене; добро за онога, ко избере то, што є честно, похвално и полезно. Моя є желя у ово време сва у томъ состояласе, да іоштъ кои листъ на моємъ матернѣмъ єзику издамъ. Самъ самь по себи судіо, како бы мени у моєй младости, не токмо полезно, но и мило было, што паметно на моємъ познатомъ діалекту читати! Како бы я благодаранъ быо ономе одъ рода моєга, кои се є за то постарао, и што є самъ съ довольнымъ трудомъ, и позадуго времена постигао, то исто уму и души моєй безъ труда и у кратко време приподає! Ово исто дакле, што бы я о другима мысліо и чувствовао, то ће природно други о мени! Каково ласкателно предслућиванѣ! какова сладка безсмертнаго живота надежда! Съ Богомъ дакле некъ остане не само Лондонъ и Паризъ, него коє му драго на свету мѣсто, гди я ову мою верховнѣйшу желю исполнити небы могао. Зато како и друга три месеца прођу, познамъ изговоръ єзика инглезскога, и видимъ себе у состоянію, да могу и самъ о себи у напредакъ напредовати, явимъ моимъ пріятелѣмъ и благодѣтелѣмъ, да морамъ поћи.

Богъ самъ зна, како ми є жао было, ове пресладке люде оставити! Већь самь ту рекао, да ћу се одъ садъ крепко чувати, да се съ никимъ живымъ тако не пріятельимъ; кадъ се морамъ растати, и жалити, што съ ньима нисамь до гроба. Господинъ Гуліелмъ Фордайсъ наложи Мг. Ливи, да ми купи кньига лепы, и да се извести, колико се ће трошка по мору до Хамбурга, и одавде до Лайпси-

ка, и да ми то да. Єданъ трактатъ на латинскомъ єзику зовомый Fragmenta chirurgica et medica, у коєму онъ своє свойственне важнѣйше опыте описує, и кои є у моє време ту, на штампу издао, за особито и всегдашнѣ воспоминаніе даде ми. У овой кньижицы овако се обоица подпишу:

Dositheo Obradovics Serbiano, viro linguis variis erudito, sanctissimis moribus morato, Anglis, apud quos per sex menses diversatus est, perquam dilecto, Fragmenta haecce, parvulum quidem at amoris sincerissimi et amicitiae pignus, libentissime merito obtulerunt.

Londoni viii kal. Iunii M,DCC,LXXXV.

GULIELMUS FORDICE.
IOANNES LIVIE.

Друга два млада Господина, Хенрикусъ Торнболъ и Гуліелмъ Валіотъ, и ови ми дарую неке преизрядне кньиге. Намѣрисе корабаль великій трговачкій за Хамбургъ, у кои 27. Маія улѣземъ, и пођемо рѣкомъ Темсомъ къ мору. При Гравезанту, гди є велико пристаниште, и гди се великолѣпна рѣка Темсъ у море спушта, стигне насъ и Капетанъ корабля у барки, и тако съ споспѣшнымъ вѣтромъ упливамо у море. Улѣзши у кораблѣну собу капетанъ вручи ми єдно потежко писмо, коє кадъ отворимъ, нађемъ у нѣму петъ гинеа съ овымъ врстма: —

I do assure you, mu dear Sir, it has been matter of some consideration with me, in what way

(the least to hurt your delicacy) I should contribute my mite towards alleviating those pecuniary wants, which have deprived us of you and which you ought not to know. Do not scruple, I beg of you, to accept of the inclosed small sum, and be persuaded it is offered by a man who esteems and loves you. Favewell. Consider me as one of the friends you have made in England who holds you dear in his remembrance and to whom nothing will be more welcome than accounts of your prosperity and happiness.

London 27 May 1785.

Henry Turnbull.

ПРЕВОДЪ ОВОГА ПИСМА!

Я увѣравамъ Васъ мой драгій господине, да самь я о томъ у себи размышлявао, на кои бы начинъ (безъ найманѣга повређенія Ваше нѣжности) могао употребити мою малену помоћь къ облакшенію оны новчаны недостатака, кои су насъ лишили Васъ, и коѥ (недостатке) небы требало да Вы познаѥте. Не буди Вамъ противно, я Васъ молимъ, примити овде заключену малену суму, и будите увѣрени, да Вамъ се пошиљѣ одъ човека, кои Васъ почитуѥ и люби. Здравствуйте. Сматрайте на ме како на ѥднога одъ пріятеля, коѥ сте Вы учинили у Англіи, кои Васъ содержава драга у своѥмъ воспоминанію, и коѥму ништа неће быти пріятніѥ одъ извѣстіяхъ о Вашемъ счастію и благополучію. Хенрикъ Торнболъ.

Ево ти ми опетъ другій Андрей Петрицополосъ изъ Корфа! Овай бяше младъ чо-

векъ, около 25. година возраста; званіемъ Секретаръ при некомъ Господину; пріятель Mr. Ливинъ, къ коему често долазаше, и ту самъ се съ њимъ познао. Изъ његова писма видити є, да є онъ желіо мени по возможности своєй помоћи, (и самъ не будући богатъ) но ніє се усудіо, за не повредити., како пише, мою нѣжность; ибо поштена и благородна срца суде по себи, да ніє свакомъ ласно дарове примати: И то, што се у присутствію ніє усудіо учинити, ніє се могао побѣдити ни уздержати, да у отсутствію не исполни. На овый деликатный начинъ дати, то, у очима онихъ кои пристойно о вещма суде, возвышава његовы 5. гинеа цѣну сверхъ педесетъ редій толико. Четвертый данъ доћемо у Хамбургъ, овде заустављимсе кои данъ, прво за писати моимъ пріятелѣмъ у Лондонъ: явити имъ, да самъ благополучно море прешао, и благодарити на њіовой доброти; второ за прегледати овый знаменитый купеческій градъ и лепа наоколо мѣста. Одавде самъ свимъ моимъ пріятелѣмъ писао, Г. Лузиніану Еллински, Г. Кавалеру Фордайцъ и моєму предрагому Мистеръ Ливи, Mr Іанзону, Кларку и Г. Гуліелму Валіоту латински; коя писма кадъ бы Вамъ хотео сва спріобщити, было бы Вамъ (може быти) много читати. Два обаче што самъ инглезски писао, єдно учителницы и благодѣтелницы моєй, Госпоћи Ливи, а друго Г. Торнболу, морамъ превести и спріобщити Вамъ: зашто ћете изъ ныій найболѣ моћи познати моя достодолжна чувствованія къ онимъ блаженимъ, великодушнимъ и божіимъ на лицу земному людма.

БЛАГОДѢТЕЛНА ГОСПОЖЕ!

Какогодъ остала чувствованія срца, тако и благодарность, не може се совершено речма представити. Кадъ годъ мы, съ пристойнымъ вниманіемъ, о милости и любвеполнимъ наши благодѣтеля дѣлама размышлявамо, душа наша осеѣа нешто таково у себи, за кое єзикъ не може равномѣрна изясненія наѣи. Често и то што бы се могло реѣи, ніе намъ слободно; боєѣисе да се веѣма неблагодарни не покажемо, што се усилуємо съ простимъ речма за показана благодѣянія награжденіе чинити. Зато нити я намѣравамъ, нити Вы госпоже моя, немойте мыслити, да я чрезъ ово благодарственно писмо Ваше благодѣяніе наплатити иштемъ. Я самь садъ подалеко одъ Ващега пребыванія, широко море разделює ме одъ Васъ, и безъ сумнѣнія у животу моємъ неѣу Васъ къ тому видити, зато се не боимъ да ѣе моє речи, ни по видимому, найманѣмъ ласкателству подложне быти. Мени веѣь не остає, што бы одъ Васъ желіо; ибо оно што ми є на свету пожелателнѣйше и дражайше было, то самь Вашомъ милостивомъ помоѣу получіо; и у состоянію се (Фала Богу и Вами) наодимъ, Адизонова, и други Ваше просвещене Націе Списателя кньиге разумевати. По тому, Вы сама благодѣтелнице моя видите, да овде ласканія и какове нибудъ користи желанія, никакво подозреніе места имати не може. Ко се годъ ничему нейма надати, нити има шта веѣь ожидавати, онъ, природно, неѣе ласкати, слѣдователно нѣгове речи мораю, неотложно, изъ другога кога извирати и произходити извора. Докъ

самь я при Вами бio у Лондону, за толику Вашу аки милостиве матере и любиме сестрице доброту, мени ніє дозволѣно было ни съ єдномъ речію Вами зафалити; Ваша благородна душа наодећи све своє награжденіє у своєй врожденой доброти, нити є могла ни хотела о чемъ другомъ чути. Овде обаче гди самь я садъ, не можете ми выше заповедати, да Вамъ не благодаримъ, садъ ми є слободно чинити што годъ оћу, и могу Вамъ благодарити, колико ми срце жели. У све време моєга при Вами пребыванія како Вы, тако и любимый Г. Ливи супругъ Вашъ, Вы обоє, нисте Вашей къ мени доброти никакова предѣла полагати хотели; нити є Вами довольно было, да ми Вы сами толику любовь показуєте, него сте ме сврхъ тога и Вашимъ достойнѣйшимъ пріятелѣмъ препоручивали, кои су ми морали, Вами за атаръ, добри быти; зашто ко небы ономъ, кога Вы двоє фалите, кои сте иста на земльи доброта, добаръ бio? Право є дакле да и на ме редъ доће, и да и я Васъ Сестромъ, Матеромъ, и Минервомъ моіомъ милостивѣйшомъ, и благодатнѣйшомъ зовемъ и наричемъ, и како такову да Васъ славимъ и проповедамъ! Молимъ Васъ, изкарайте здраво господина Торнбола; гледайте само нѣговъ посао! као да мени ніє доста жао было съ таковы сердечны разстатисе пріятельи; седне и напише ми некаково прелюбезно писмо! метне у нѣга неколико гинеа, пакъ га пошлѣ у Гравезантъ замномъ у потеру! Господину Кавалеру Фордайцъ, моєму патрону, и я ћу писати и благодарити; но Вы, съ Вашимъ любимымъ Супругомъ найболѣ ћете му умети за ме за-

фалити, кои сте ме нѣму и препоручили. Прекрасной госпођи Теларъ, милой сестрицы Вашой, како и Господину Кооку, брату Вашему, моє всегдашнѣ высокопочитаніє молимъ назначите; и увѣрена будите моєму срцу пречестна и предрага двоице, да докъ се годъ ово у персима моима двизати буде, Ваше ће сладко воспоминаніє, имена, и доброта како драгоцѣннѣйшій залогъ Вашегъ анђелскогъ пріятельства къ мени, у нѣму сохранѣна бити! И пребывамъ Вашъ и пр.

Писмо Г. Хенрику Торнболу.

ДРАЖАЙШІЙ ГОСПОДИНЕ!

Вы сте са свимъ особитый човекъ! Одъ кога Вы научисте, кажите ми просимъ Васъ! ударати на люде съ златнымъ оружіємъ? и изъ ненада таково нападеніє съ гинеама умышлявати и чинити? Єли се икадъ чуло, да є ко у овомъ подмесечномъ свету, таковомъ оружію противостати возмогао? Та Вы добро знате, да су такове стреле кадре быле непобѣдимога Агесилая изъ Азіє изагнати. Сверхъ тога іоште, за учинити Ваше гинее сасвимъ побѣдоносне, послали сте іи на ме у неизказане любови и пріятельства преисполнѣномъ Вашемъ писму! Ко небы помысліо, да Вы чрезъ то ништа друго нисте наумили были, развѣ убѣдити ме, да се опетъ у Лондонъ повратимъ? И кромѣ тога, дражайшій мой! Вы сте мени любве достойнѣйша свойства срца Вашега довольно показа-

ли, како и сви прочи, кое самъ имао честъ у Лондону познати. Увѣрени будите прелюбимый Господине, да любовь Ваша и пріятельство, кое Вы на таковый благородный начинъ къ мени показуете, неће се никада изъ мое памети изгладити! Я ћу тада себе за благополучнѣйша на свету држати, кадъ Вамъ будемъ могао дѣломъ засведочити, да пристойно умемъ цѣнити, какову похвалу и незабвенно на свету прославлѣніе таковъ Вашъ благородный инглезскій характеръ заслужуе. Остаемъ и проч.

Изъ свега овога видите любимый друже мой! какови су непостижими пути небеснаго промысла! Онде гди самъ се мысліо у найвећемъ недоумѣнію у животу моемъ наћи, непознанъ, у далекомъ мѣсту, езика незнаюћи, безъ новаца, ту самъ найблагополучніи быо. Єзикъ самъ постигао, не само за разумѣвати кньиге, него и говорити ньимъ могао самъ: съ довольнимъ кньигама провиђенъ, и съ выше трошка него ми е до Лайпсика потребовало. Изъ Хамбурга шестый данъ пођемъ чрезъ Хановеръ и Брунсвихъ, и дођемъ благополучно при концу Іунія месеца у Лайпсикъ, башъ одакле по случаю и садъ Вамъ ово писмо пишемъ: кое будући се дѳста протегло, опоминѣ ме да престанемъ, наричући се Вашъ сердечный любитель.

У Лайпсику Новем. 15.

1788.

ЛЮБИМЂЙШІЙ МОЙ!

Ово ће быти последнѣ писмо о моимъ путешествіяма; („ ибо причина ове године чрезъ „Полонію у Бѣлу Руссію, а одтуда чрезъ Ли„фландію, Курландію и пр. у Лайпсикъ путо„ваня, іоштe не имаюћи свога окончанія, от„ложићесе на друго време. Премда и мени „самомъ овый последныій догађай сасвимъ о„собитый ми се показує: рекао бы као да „самь се за путованѣ на овый светъ родіо, „по тому што, ове исте године, кадъ нисамь „мысліо ни петъ миля правомъ линіомъ у„чинити, выше одъ 500 немецки прешао самь миля). Кадъ у Лайпсикъ дођемъ, нађемъ при Г. Брайткопфу єдно писмо изъ Шклова на ме, у коєму господинъ Стратиновичъ налаже ми одъ стране Генерала Зорича, да дамъ на знанѣ, гди се наодимъ. Немедленно одпишемъ, да ћу овде чекати дружства съ коима пођи у Шкловъ. Месеца Септембра дођу трговцы одъ туда, али мени буде за луду чеканѣ; кажу ми да се до Беле Руссіе оће найманѣ 40 дуката, коє я нисамь имао; изъ узрока што, надаюћисе даће ми на єсень одкудъ годъ новцы доћи, ходао самь по найлепши градовы у Саксоніи, Дрезди, Алтенбургу, Цайцу и прочимъ; и тако отиду инглезске гинее у вѣтаръ, а я останемъ опетъ као и пре безъ ништа. Пођемъ дакле у Бечъ: овде опетъ по моємъ обычаю почнемъ лекціе давати. Овый самь првый редъ у животу у тешкомъ дугу быо. Типографчика іоштъ нисамь быо сасвимъ изплатіо, неке кньиге немецке накуповао, и трошакъ до Беча натрпасе коє съ чимъ до 200 ф. Не сумнямъ

ни мало, видећи како ми мои ученицы поштено плаћаю, да до десетакъ месецій мени ће ласно претећи толико новаца, да се сасвимъ одужимъ и чистъ останемъ; али ми є мучно, да люди тако дуго чекаю. На сваку руку мыслећи доће ми на умъ, да пишемъ у Молдавію, и да иштемъ узаямъ одъ моега доброга пріятеля, Епіскопа Романскога, ову суму. Онъ, знамъ да има, и радо узаямъ дає, одъ кудъ зна да ће му се вратити: єдно ме плаши, боимсе да ми ій не поклони, а одъ онакова любезна човека поклонъ одрећисе примити, то є невозможно. Неволя є яча одъ стида! Што му драго, помыслимъ, та узаямъ та поклоніо, ово се мора искати. Седнемъ и напишемъ писмо; и ако не вѣруєте, ево Вамъ га! Читайте.

ЛЮБИМЫЙ И ПРЕДРАГІЙ МОЙ ГОСПОДИНЕ ЕПІСКОПЕ!

Што рекосмо, фала Богу и учинисмо; я Францію и Инглитеру благополучно обиђо, и садъ Вамъ пишемъ изъ средъ Беча. У овый часъ бы Вамъ се могао заклети, да самъ већь науміо примиритисе на єдномъ мѣсту, ако ме моя кудъ силомъ не одвуче судбина. Ово іоштъ ако ми доста не буде, ни самъ већь не знамъ, шта бы ми се хотело. Но, премъ да ми почти не остає шта бы желіо; ништа манѣ, толико самъ се редій преваріо, да къ тому небы смео себи вѣровати, башъ да се живъ посветимъ. Садъ за садъ ни зашто толико не маримъ, него да ми є 42. дуката у гото-

ву новцу. Ако мои дланови тако право погађаю као попа Маука носъ, безъ сумнѣнія неће година проћи, а я ћу више него ми є одъ потребе, новаца имати, єръ ме све сврби кадъ десный кадъ левый дланъ. Може ко ласно помыслити, да самъ я садъ као Омировъ витезъ одъ Сцилле утекао, а упао у Харивду; то єсть, да самъ се єдва страсти путованя избавіо, и на ма' за тимъ у недугъ сребролюбія запао; и да самъ у овомъ послу правый отацъ Маукъ, коєга носъ небы тако сврбіо, да му вино ніє мило было; коє, како бы му на умъ пало, (а често бы падало) тай часъ бы га и сирома носъ за неволю почео сврбити. Правда подобанъ є одвећь, по несрећи, прикладъ, и знацы се, више него бы и самъ радъ быо, показую єднаки: алъ нека ми каже ко зна; може ли ми другояче быти, кадъ самъ се задужіо. Ако ми є ко непріятель, садъ се има чему веселити, єръ никада у животу нисамъ имао ни десету часть овога дуга на врату. Вѣруйте ми драгій господине, да съ великимъ страхомъ идемъ коєкудъ лекціє давати, као да самъ свему Бечу дужанъ; и све погледамъ кадъ на десно кадъ на лево, да ме ко за вратъ не счепа и не викне, дай плати што си дужанъ! Пакъ да ме дланови не сврбе, чудимсе што ми кожа съ миромъ на леђи стои! Одисей за исто ніє се могао у већой сметньи наћи, кадъ су му вѣтрови изъ мешине утекли, неголи самъ я садъ. Мучно ћете себи вообразити, какво бы ми велико добро учиніо онай, ко бы ми узаймio оволико новаца, да ми се одужити. Но може ко доћи овде, да ми овако мудрослови: добро, ако ти ко

садъ то узайми; коко ћешь се одужити, кадъ ћешь опетъ подъ дугомъ остати ономъ, кои ти узайми? Некъ ћути, вели му се! Што є потреба о свачемъ споминяти? То я и самъ добро знамъ, да ми нико и не каже; али у овомъ послу сирома дужникъ подобанъ є бѣдну болеснику, кои се съ єдне на другу окреће страну, у надежди, да ће му што болѣ быти; и ово є већа, него ко мысли срећа, да човекъ може одъ єднога узаймити, за одужитисе другому, и тако далѣ, докъ умре и утече, пакъ онда некъ трчи за ньимъ ко сме! Обаче я се за исто у ово не уздамъ, та шатъ не умремъ до десетъ месецій, нисамь я самъ на свету, то бы правый сіясетъ быо! А онда (ако не и пре) моћи ћу се са свимъ одужити, пакъ тада што Богъ да. Већъ Вы сами садъ, любимый мой Леоне, можете погодити, на што ово писмо слути; выше речій быле бы са свимъ излишнѣ. Пишите комъ овде одъ Ваши познаты трговаца, да ми узайми одъ Ваше стране 42. дуката, были какви му драго, само некъ су прави дукати. Извините мое дерзновеніе, и будите увѣрени, да я овако небы моліо развѣ, кога весма любимъ и почитуемъ, остаемъ и проч. у Бечу. Окт. 1785.

Ово писмо напишемъ у єдну неделю по ручку, съ намѣреніемъ, да га сутра данъ на пошту дамъ, кадъ ето ти два моя ученика доћу звати ме, да идемъ съ ньима у предградія проодатисе. Єданъ є Цариграђанинъ, Григоріе Маврокордатосъ, а другій изъ Ѳесалонике, Ѳома Папазоглусъ. Запытаю ме, о чемъ є писмо и кому? А кадъ чую, почну жалитисе на ме, зашто да носимъ суетно попеченіе, а не кажемъ ньима свою потребу. Су-

тра данъ даду ми банкоцедулѣ одъ 200. ф. и одужимсе, и тако ово писмо остане. Чинящемисе да нисамь изъ Беча ни излазіо, као да самь се ту родіо, и науміо животъ провести. На идуће лето имао самь неисказану радость видити у Бечу любимога Г. Лузиніяна, кои се тада возвращаваше изъ Цариграда за Лондонъ. Друге године зовне ме мой предрагій Господаръ Максимъ Куртовићъ, да и нѣговимъ кћерма Маріи и Христини на французскомъ и таліанскомъ єзицыма лекціе предаємъ, што я єдва са свимъ срцемъ дочекамъ. Опредѣлимо сатъ одъ 11. до 12., како се лекціе сврше, носисе єло на трапезу, морамъ остати на ручку. Речемъ єдномъ честной и разумной госпоћи Куртовића, молећи ю, да ми дозволи у другій кои сатъ пре или после подне долазити, и моимъ ученицама лекціе давати: Сваке недѣлѣ кодъ Васъ, кадъ нисамь гди позватъ, ручати, то може быти, али свакій данъ не: развѣ ако оћете да свакій данъ съ Вами ручамъ, о другой плаћи за лекціе некъ нейма речи. Докаже она то своєму супругу, и сутра данъ одговори ми: да се мене ради већій ручакъ не готови, да се ньіова деца и при ручку у разговору ползую, но будући да самь я одвећь scrupoloso (совѣстанъ), а оно некъ буде како я оћу, то єсть наука за рану. Садъ управъ иознамъ, да ми са свимъ срцемъ обѣдъ даю, и тако цѣлу втору годину никадъ нисамь помысліо гди ћу ручати. Али ко бы се надао одъ оваковы добродѣтелны, любезны и божіи людій и душа, да су они наумили были мене преварити! Нису ми хотели, као прочи, на месецъ плаћати; а кадъ се сврши година, и ме-

ни се изненада намѣри путъ, а они ми онда за сву годину плате, колико да имъ се нисамь у кући ни воде напіо. А я самь тако задоволянъ и радостанъ быо, што самь при ньима трапезу имао, да не сатъ, но три на данъ да самь ту предавао лекціе, іоштъ бы ми се чинило, да имъ довольно не одслужуемъ, и да имъ дужанъ остаемъ. Любимый другъ мой! Ніе ело и пиће, што се цѣни и похвалюе; ако ће незнамъ колика, и какова деликатна вкушенія и пића данасъ човекъ уживати, сутра е опетъ гладанъ и жеданъ, и ономаднашня ела, нимало намъ данасъ не помажу. Ніе дакле часть и вино, што мене чини овде писати, него начинъ сердечный, любезный, благородный, и сладкій, съ коимъ намъ добродѣтельни люди свой хлебъ и напитакъ даю: кое намъ тако любезно и милостиво даю, да гледаюћи іи, рекао бы као да намъ срце свое спріобщаваю: Ово е што я овде хвалимъ и прославлямъ! Чистосердечіе, доброта, и божественна чиста любовь, ово е рана срца, и напитакъ душе, кое се никадъ заборавити не могу, нити у гладъ и жеђь преобратити. Ево дакле онай тайный преестественный начинъ Мелхиседековъ, и самога преблагословена Спасителя нашега, чрезъ кои, хлебъ и вино всевышнѣму Богу на чисту приношавасе жертву, кадъ се съ любовію дае и прима. Іоштъ у едномъ писму я самь Вамъ напоменуо, да е мени Господинъ Максимъ Куртовићъ и у Смирни свою доброту и благодѣяніе показао: но навластито садъ, гледаюћи, да я съ возможнымъ усердіемъ и ревностію полезне лекціе чадамъ нѣговимъ предаемъ, како онъ, тако и честна и

добродѣтелна супруга нѣгова, госпоѣа Єлена, родомъ и душомъ благородна, описати не могу како су ми добри и любезни были. Подобнѣ іоштъ єданъ одъ првы наши трговаца, Господаръ Константинъ Дамчо, коєга самь кѣерма неколико месецій на таліанскомъ єзику лекціє давао, како онъ, тако и благанаравнѣйше и свете душе госпоѣа нѣгова, у великой любови и милости су ме имали. Єданъ младъ трговацъ изъ Філіпополя, зовомый Діамандисъ, цѣлу ми є годину плаѣао за уроке као и прочи, и квартиръ при себи безъ плаѣе давао. Сви мои ученицы да су могли у нѣдры бы ме носили; по овому можете судити, како є мени лепо у ономъ прекрасномъ царствующемъ граду! Я бы предъ Богомъ неблагодаранъ човекъ быо, кадъ небы себе за благополучна у овомъ животу и у состоянію, у коємъ се наодимъ, вменявао. Єданъ добрый юноша Болгаринъ почео є плакати, кадъ самь му казао лане да ѣу поѣи, него да тражи себи другогъ учителя; и я самь тежко сожаліо, но непреодолѣна желя, да іоште што за живота на штампу издамъ, све є побѣдила; зашто у Бечу и лекціє предавати, и о овомъ дѣлу радити, ніє ми могуѣе было. У Шклову чекао самь равно шестъ месецій Типографа, и како самь сасвимъ познао, да онъ не мысли свою речь одржати, поитіо самь у Лайпсикъ доѣи. Мой благодѣтель Генералъ Зоричь дао ми є за ово 6 месецій, колико є обѣщао быо за цѣлу годину, то єсть четири-стотине рублій. Даровао ми є и єдну лисичину, што вреди сто рублій. Ту самь разпродао, за непотезати бреме са собомъ, све моє кньиге немецке и французске, лат.

и тал. (кромѣ оны инглезски, коє самъ на даръ у Лондону получіо); немецке узео є Генералъ за свою библіотеку. Ове зиме у Лайпсику, будући да у Типографіи ніє съ посломъ навале, издати ћу до 28 табака. Єданъ добрый господинъ одъ наши соплеменика, самъ своєвольно, и у Шкловъ, и овде писао ми є, да ће ми у овомъ предпріятію помоћи, коє уздамсе да ће до воскресенскога пазара учинити; на коєга надежду полагаюћи, обѣщао самъ се на лето Історіє неки знамениты людій издати: за представити Націи нашой, у примѣру славны и велики Лица, ону исту науку, кою самъ у Наравоученіяма изяснявао. Ова помоћь ако ми доће, исполни ћу моє обѣщаніє; ако ли пакъ не доће („коє Богъ вѣсть „каковымъ случаємъ може се догодити; за„што поодавно већь ни писма одъ туда не„имамъ, а терминъ, кадъ є речено было по„слати, прошао"), на овый начинъ, противъ намѣренія моєга мора ћу слагати; не смеюћи упуштатисе у дугъ, на коєга мрзимъ како на црну смерть. Ако ми ко за маану припише, што орѳографію нисамь пазіо, нека изволи разсудити, да мы, до садъ на нашемъ діалекту съ нашимъ словама граматике нисмо имали. Я у моємъ списанію само самь на нашъ чистъ изговоръ сматрао. ь. великій и малый, то є мени све єдно было, добро знаюћи, да Сербльи сви што іи є годь, путь не изговараю пућь. А изреченія, коє бы звечало на ы. у насъ нейма. Но што се овога тиче, ако се съ временомъ правила за ово даду и установе, (коє не сумнямъ) онда ће се моћи исправніє писати; а мене ће добри и разумни люди извинити, знаюћи, да ни-

каково майсторско дѣло у своmъ почетку не може савршено и са свимъ исправно быти: за ове после оће се стотине година и выше родова людій, кои, єданъ за другимъ долазе: не валя ни они да доћу, овде само да жваћу. Што ми Вы у Вашемъ последнѣмъ писму опоминѣте, да ће се гдико наћи, кои, или изъ простоте своє, или (што є горе) изъ лукаве, и просвещенію разума человѣческога са свимъ противне политике, подъ изветомъ ревности къ светопочитаємимъ суєвѣріямъ, неће свога труда поштедити, и све што може говорити и творити, за воспетити или, ако ништа, а оно баремъ закаснити обще добро и ползу, коя бы се чрезъ ова нова списанія причинити могла, то є мени добро познато; али съ друге стране ово ме тѣши и обнадеждава: што садъ већа часть знаменитіи у націи нашой, како свештенство тако и міряни, имаю очи отворене, и неће већь ни крозъ наочари, іоштъ манѣ крозъ туће очи да гледаю; но сами своима богоданнимъ зѣницама проницателно и скрозъ сматраю, шта є што. Ево насъ дражайшій мой, за овый редъ при концу моєга путованя, у коєга описанію, како самь у почетку рекао, хотео самь прославити имена мои пріятеля и благодѣтеля. Я имъ воздаємъ како могу; а праведный и милостивый Богъ воздати ће имъ како онъ може. При томъ, уздамсе да ће ово іоште послужити, за возбудити боголюбиве и добра срца люде у Націи нашей, ако кадъ виде кога сиромашка и оскудна како што самь и самъ быо, кои управъ науку жели, тражи, и къ ніойзи као жеданъ єленъ къ воднимъ источникомъ тежи, да се не одреку помоћи

му. Науке любитель пакъ младиħь, кои чувствує у себи склонħніє, способность, и даръ ко ученію, некъ се ласно не предає очаннію, ако се кадъ у тесноти наħе. На конацъ, некъ є препоручено ово дѣло свимъ благородноумнимъ общаго добра желателѣмъ, кадъ се наħе іоштъ ко, да съ учены єзика на нашъ, што лепо и полезно преводити предузме, нека не пренебрегу, руку помоħи дати му, нимало не сумняюħисе, да ħе съ временомъ ово предпріятіє пречестномъ обществу весма полезно быти. Зашто ово се чисто види као сунце, да догодъ єданъ нородъ на своємъ матернѣмъ єзику кньига нейма, принужденъ є у тамности ума и у варварству лежати, и све на горе преуспѣвати, Сверхъ свега и найпосле; што самь годъ говоріо и написао, изъ праве любови къ добродѣтельи, къ человѣчеству, и къ сроднимъ моимъ и говоріо самь и писао. Inest (вели славный и великій у науцы Инглезъ Бако Веруламіусъ) inest ingenio humano motus quidam arcanus et tacita inclinatio in amorem aliorum, qui si non insumatur in unum vel paucos, naturaliter fe diffundit in plures. Єсть у єстеству человѣческомъ движеніє неко тайно и мученье склонѣніє къ любови другихъ, коя ако се не упразни у єднога или у мале, природно излійвасе на многе. Любеħи те, любимый мой, и честитаюħи ти новый годъ, пребывамъ савъ твой.

У Лайпсику Іануарія 1.
1789.

Досіөей Обрадовичъ.

ЛЮБИМИ ЧИТАТЕЛЬИ!

Како се є мучно човеку растати одъ оныхъ, кои су му мили и драги! Све се спрема, а не може да пође; често пође, пакъ се опетъ враћа; одлази и удаляваше, но све се натрагъ обзире; пріятно му є и на димъ гледати, кои изъ оногъ мѣста излази, у коемъ нѣгови мили живе! А по чему я то знамъ? Ни по чемъ другомъ него по себи. Пишући гдишто на миломъ матере моє єзику; не могу и жао ми є престати; воображавамъ себи као да самъ у Сербіи или у Босни, пакъ ми є мило коє о чемъ съ людма беседити. Други єзицы, коє самъ научіо, у кньигама предраги су ми, зашто ми кажу, шта су учени народи и паметни люди на свету мыслили, шта ли мысле; али кадъ ньима беседимъ, представлямисе као да се у туђе нешто пачамъ: а како што съ овымъ проговоримъ, коєга нипошто не могу памтити кадъ самъ и како научіо, и зато, рекао бы да се є самномъ и родіо, или да самъ га изъ прсію матере моє изсисао; како ти съ ньимъ што проговоримъ, ето ти ме у средъ моє куће, у моєму правомъ елементу, гди съ своимъ свойственымъ воздухомъ дишемъ. Савръши басне; дай іоштъ коє писмо: а кадъ и ова дођоше на край, изиђоше предаме некакова предивна инглезска изреченія. Опытуємъ, бы ли се ово како дало нашимъ представити речма? Неисказано лепо и чисто. Добро бы дакле было да се штогодъ, ако ништа, за примѣръ преведе „што є годъ управъ Лепо, Добро и Полезно, кадъ га є выше, болѣ быва“ А да ко зна, те ово мало послужи за на-

маму, да се съ временомъ многій ко полакоми инглезски научити, пакъ ће онда овогъ добра быти и выше. Ове мысли и упражнѣнія случила су ми се данасъ по подне, ходаюћи съ єдномъ лепомъ инглезскомъ кньигомъ по Позенсъ-Гартену. У исто време погледамъ око себе, видимъ различна древеса трешаня и вишаня, и помыслимъ: Люди бы могли живити и безъ вишаня и безъ ягода, и безъ други многоразличны воћа; али онде гди ии є богатодаровита божія десница насадила, крайня бы лудость човеческа была, кадъ ии небы на свою рану и услажденіе употреблявао; мыслећи да нису за нѣга него за саме врабце! Како су дакле ова воћа пріятна и полезна гортану нашему; несравнѣнно су полезніе ове сентенціе (смысли или изреченія) срцу нашему, уму и дупи. Некъ иде дакле и на ово єданъ табакъ или два. Не само велика господа него и селяни радо ружицу и остало лепо имаю цвеће, и у време ручка на трапезу ии полажу. Зашто небы и я съ оваковымъ прекраснымъ невенућимъ и во вѣки миришућимъ цвећемъ конацъ кньижице моє украсіо? Примите дакле усердно любими читательи, умнога пролећа, изъ прекрасни англійски садова и поля сасу, любичицу и лепу ружицу, и украшуйте съ ньима срце, умъ, и душу вашу!

Говори умѣрено, но чисто и разумно, ако желишъ да си достоянъ слушаня. Єстество намъ є дало єдна уста и за єсти съ ньима, и пити, и беседити, а два ува само за слушати; изъ овога се види да найвыше валя слушати, и о свачемъ што чуємо разсуждавати. Іоште къ тому два ува имамо, за слу-

шати што и єдна и друга беседи страна, и тако судити. Ко мысли да є врло паметанъ, онъ много говори, а ко є управъ паметанъ, нема кадъ много говорити, зашто мора здраво мыслити о ономъ што говори: кадъ си на само, тада мысли много, како си до садъ съ людма беседіо, како ли ћешь у напредакъ; зашто у време разговора, ніе право да се други гризу и муче, чекаюћи докъ имъ ты што паметно измыслишъ и изштудирашъ. Зао човекъ кадъ види, да други на само говоре, онъ мысли, да се ту о нѣму нешто зло говори; высокоуманъ и лудъ (ови су весма на близо) мысле да ньи фале; а добаръ и паметанъ ништа о томъ не мысли, зашто незна шта ће. — Уманъ човекъ и мало говорећи каже што да валя, а неразуманъ много говори, а ништа добро не зна казати — Потреба є савершено познати онога, съ кимъ ко оће да говори, како мысли. — Угодити другима у разговору, не стоисе толико у показиваню свога остроумія, колико у познаваню ньіовога. Злый обычай всегдашнѣга противоречія квари найлепшій разговоръ, и може се назвати правый отровъ собесѣдованія. — Ништа ніе важніе него примѣри дѣла, людій у достоинствама; ибо ако су добри или зли, привлаче многе къ подражанію. — Човекъ у благополучію не може се ласно исправити одъ свои погрешака; зашто докъ му се годъ счастіе осмеява, свакій га вара, похлебствуюћи му, и што є найгоре, и онъ самъ себе за найпаметніега држи — Ко мысли да нейма потребу одъ други, врло се вара; а мыслећи къ тому, да прочи безъ нѣга не могу быти, іоштъ већма се вара. — Благотво-

реніе, коe примамо одъ други, обвезуe насъ да имъ ласно праштамо, ако насъ кадъ у чемъ и повреде. — Великодушіе у даваню, кадъ се не чини гди, и како валя, ништа друго ніе него суетна желя, за показати себе великодушнымъ. — Разумно великодушіе у даваню, известнѣйше e средство за получити любовь и высокопочитаніе разумны людій. — Догодъ ко може давати, свакъ ће му се благодаранъ показивати — Лукавый користожѣлатель и хитрый політикъ ономе найусердніе показуe свою благодарность, одъ кога се узда да ће найвыше имати. — Познанство себе основаніе e добродѣтелыій; а непознанство, злоба. — Много добывамо познаюћи себе како валя, чрезъ то исто познаемо болѣ и лакше друге. — Найвећа полза, кою човекъ може имати познаваюћи слабости и погрешке другихъ, состоисе у тому, да себе одъ таковы слабостій чува. — Ко e свагда съ собомъ задоволянъ, не познае себе: а, ко ніе никадъ задоволянъ, познае алъ ніе кадаръ или неће да се поболшава. — Ко брани истину, незнаюћи како валя, выше іой вреди него ли помаже. — Всегдашнѣ употребленіе хитрости, знакъ e слабости и малодушія. — Ко ніе радъ ни одъ кога никакве обиде претрпити, не презире и не праштa гдикоe погрешке, тай ніе ни за дружство ни за пріятельство. — Мы се на друге жалимо, што су непостояни у пріятельству, а други на насъ, по тому, заръ валя да смо сви еднаки. — Гди годъ нейма праве добродѣтельи, ту ніе мѣста ни правомъ пріятельству; коe самъ інтересъ соединява, онъ ће іи и раздвоити. — Люди кои се неймаю зашто

међу собомъ почитовати, њіова є любовь безъ основанія; могу за неко време быти ятацы, алъ никадъ пріятельи. — Нема на свету болѣгъ пріятеля одъ чисте совести, ни горегъ душманина одъ зле. — Найвећа и найстрашнія освета, што се може учинити єдномъ непріятелю, то є, да га човекъ никада не споминѣ, и да га сасвимъ заборави; зашто чрезъ ово у ништа га преобращава. Ко другога безъ узрока озлоби, може му се простити; али му се не може по томъ никада управъ вѣровати; и зато совершена примиренія весма су мучна. — Чистосердечанъ и природный поступакъ, не само што є найлакшій, но и найвеселіи є човеку; напротивъ, усилѣнъ и притворанъ будући лажльивъ у себи; мора му быти тежакъ и мучанъ. — Люто се вара, ко се узда, да ће съ помоћу притворства за свагда друге варати, и себе покривати; зашто, да и што добро таковый учини, не прима му се за добро, єръ му се не вѣрує. — Ко се годь са злимъ дружи, ако ће найболыій быти, губи сву цѣну своє доброте. — Ко се годъ непрестано притворава, самъ о себи дає горе мыслити, него што бы се мыслило. — Свако состояніе живота и поступка мора имати свой начинъ и благопристойность; светѣйше добродѣтельи кадъ не бываю своимъ начиномъ, у посмеяніе падаю: сама божія истина виче на оне, кои се Богу моле, да іи люди виде. — Свако состояніе живота има свою лепу и ружну страну; паметанъ наоди прву, пакъ є свагда задоволянъ, а безуманъ втору, пакъ є у свачемъ и довека незадоволянъ. — Ко выше може одъ други, а не чини выше добра него остали, онъ

се є родіо на светъ, само да се осрамоти. — Гди пребыва лажь, притворность, и ласкателство, ту истина не сме доћи разве у басну обучена. — Ево явный знакъ, да є добродѣтель найболя на свету, єръ найгорый човекъ радъ бы се у чемъ годъ показати добаръ. — Знати своимъ желаніяма предѣлъ полагати, избавля човека одъ многи попеченія, и причинява му многа задовольства. — Свимъ людма на свету истина є весма мила, и зато сви штогодъ вѣрую, за истину држе. — Велико є добро, лепе ствари знати; изъ овогъ узрока и ко мало зна, чинимусе да доста зна; и съ тимъ се весма утѣшава, — Манѣ бы труда човеку было, да є управъ добаръ, него што се толико мучи да се покаже таковъ; а кадъ ніє, за луду му мука. — Разпуштеніє и разблужденіє совѣсти изворъ є свію безчинія. — Злоупотреблѣніє благополучія, ништа ніє него злополучіє. — Право є безуміє, чинити будалаштине, у надежди, да ће іи оправдати ко; зло горе быва, кадъ се оправдава. — Плитке памети, малена и слаба срца човекъ, коекакве бездлице за велике почитує вещи, у свачему тайне некакве налази, све на зло слути и прориче, у непрестанномъ страу живи, на све се тужи, и ништа му у животу ніє исправно. — Лобведостойна є вредность у човеку, подносити слабости и погрешке другихъ, познавати ньіова добра свойства, и ползоватисе ньима. — Мека и размажена срца човекъ, и сироте просячке душе, ако ће найлепша средства имати, за учинити какво велико добро и прославити себе, онъ све то пренебрегава; у найвећемъ достоинству, гди га є слу-

чай довео, онъ є спокоянъ и задоволянъ, ако се само може о нѣму рећи: миранъ є и добаръ као овца. — Сама доброта у човеку безъ разума, може му быти весма вредовита, єръ га она ніє кадра сачувати одъ мрежа лукавы и зломыслены людій, одъ кои валя свагда на опазу стаяти; Благоволѣніє, любовь и доброта къ другима, нимало не изключаваю любовь къ себи. Богатство ніє кадро излечити човека одъ сребролюбія: нити му може дати оный покой срца, кои се у разумной умѣрености наоди. — Разумъ самъ ніє кадаръ побѣдити страсти и похоти; валя да узме себи на помоћь разумне страсти и похоти, за истерати и побѣдити неразумне и луде. — Добро разумети што други говоре, и како валя на то одговарати, ово є мучніє него умети добро беседити. — Плиткость ума, невѣжество и высокоуміє, причина су упорства и тврдоглавства; зашто упоранъ неће ништа да вѣрує него што онъ зна; а онъ ништа не зна, или весма мало, ибо упорство неће одъ руги да се научи, а не учећисе неможе се знати. — Чудна вещь! мало є ко задоволянъ са своимъ состояніємъ, а съ памећу свакъ. — Содружество и пріятельство веће части людій ништа друго ніє него любокористна трговина; коя дотле пребыва, докъ є одъ потребе. — Животъ є даръ божій, доброму є датъ на велико добро, а зломъ, да се мучи и гризе. — Ништа ніє известніє одъ смерти; са свимъ тимъ, люди тако живе, као да не мысле умрети; а кадъ повуку, яо и помагай: — Никадъ не смећи съ ума, како є теби, кадъ те ко увреди; пакъ нећешъ ласно другога увредити. — Ништа ніє сла-

біе ни неразумніе, него вѣровати све што намъ ко каже, не разсуждаваюћи може ли то тако быти, — Користолюбіе чини чудеса и сіясете, єръ често луду да паметь, а паметну узме. — Смерть є весма праведна, богатъ или сирома, за то она не мари. — Нейма ти луђегъ говореня, него, кадъ ко зло твори, а добро и лепо говори. — Знакъ великогъ достоинства єдне вещи у томе се состои, кадъ и они кои мрзе на ню, принуждени су о ньіой добро говорити; а то є права и чиста добродѣтель. — Безуманъ одлаже на сутра, што бы се морало данасъ учинити, уздаюћи се да ће сутра паметніи быти. — Ко похваліое добродѣтельи свои прародителя, а ньима не подражава, онъ се самъ срамоти. — Ништа се мучніе не прима него совѣтъ, зашто свакъ мысли да є кадаръ дати, а не одъ другога примати. — Правой учтивости остроуміе є отацъ, а доброта мати. — Разумна любовь славе и чести много помаже добродѣтельи. — Притворность и лицемѣріе, и нехотећи доказую, како се добродѣтельи стиде и бое. — Ласно човекъ себи праштa оне погрешке, за коe нико незна; а то небы чиніо, кадъ бы о Богу чисто понятіе имао. — Суетолюбивъ мужъ люби само оне, кои му се удивляваю, а разуманъ оне, коима се онъ удивлява. — Нелестна благодарность показуе се къ онима, одъ кои се никаково благодѣяніе выше не чека. — Живи о мертвима, могу праведно судити; зашто тада, нити іи се боe, нити имъ атара пазе. — Велика господа найвећу потребу имаю одъ разумны кньига; ибо ове єднако говоре, та съ малымъ та съ великимъ. — Остроуміе, безъ доволь-

ногъ разума и разсужденія, показуєсе по вышой части у безделицама, и често чини човека великомъ будаломъ. — Коя полза одъ лепы вредностій, кадъ ій ко на добро не употреблява? Деца кадъ су добра и кадъ се добро уче, радо имъ се даѥ дозволѣнѣ играгисе; и у великимъ людма презирусе малене слабости, кадъ они чине обществу велика добра. — Покаяніѥ мало вреди, нити ѥ право, кадъ быва само за страхъ наказанія. — Чинити зло, у надежди покаянія, ово ѥ хитрость измышлѣна за варати свою совѣсть и Бога. — Не опорочаваюсе толико они, кои у коѥчемъ погрешаваю, колико они, кои не чине толико добра колико бы могли. — Дужни су люди узаямъ другъ друга природне слабости презирати, и погрешке праштати: много лакше дакле валя ову дужность да исполняваю къ онима, кои имъ велика добра твоpe. — Кадъ смо здрави, чуваймосе болести, и кадъ смо добри, укланяймосе одъ зла. — Ништа не може быти горе одъ притворногъ богобоязльива и лажисвеца! шта онай небы людма учиніо (да може), кои се съ Богомъ игра? — Основаніѥ свію добродѣтельій состои се у разумномъ богопознанству, богопочитанію и боголюбію; ко Бога разумно почитуѥ и люби, не само не може зао быти, но мора по своmъ могућству добаръ быти. — Вредность не состоисе у тому, да ѥ човекъ безъ слабостій, него да ій може зауздавати и ньима владати. — Онай народъ, кои бы могао совершено доказати да ѥ найпаметніи, найпоштеніи, и найдобродѣтелніи, имао бы право фалитисе, да ѥ нѣгова вѣра найболя, ѥръ бы онъ, отъ дѣла свои, вѣру свою пока-

зао. — Добродѣтель чини човека благороднѣйшимъ; зашто га приближава къ Богу: а злоба злороднѣйшимъ, єръ га уподоблява суровимъ зверовомъ и безсловеснимъ скотомъ. — Сѣянѣ невоздержанія у младости, приноси на єсень старости изобилну жетву болести. — Умѣренность и воздержаніе зарана, предсказую лаку и спокойну старость. — Ерли ту го ту бедь, ендъ ерли ту райзъ; мексь е менѣ хелѳи, уелѳи, ендъ уайзъ: (то єсть) Рано легати и рано устаяти, чини човека здравымъ и мудрымъ. — Размысли на сатъ пре, о ономъ што ћешъ говорити, и на цѣлый данъ о ономъ, што мыслишъ обѣщати; и гледай, да за обѣщаніємъ не доће раскаяніе, — Покораватисе старіимъ и паметніимъ, то є дужность; себи подобнимъ учтивость; маньимъ одъ себе, благодарность и великодушіе; свимъ добримъ мудрость. — Простый случай може узвысити гдикога; али съ похваломъ содержатисе и напредовати у высочеству, ое се добродѣтель и разумъ, — Неразуманъ и несмысленъ ужасаваше и чуди изменѣнію оны вещій на свету, ков су природно томе подложне. — Обичаи, корыстолюбіе и страсти наше добро путую, кадъ здравомъ разуму слѣдую. — Право достоинство свагда є содружено съ умѣреностію и съ учтивостію; а лажно съ высокоуміємъ и съ суетолюбіемъ. — Ко ніе кадаръ себе у достойнимъ, и свету полезнимъ показати исправлѣніяма, болѣ му є да нѣгово име у забвенію погребено остане. — Тешко є бреме велико достоинство, за онога, ко га жели съ похваломъ носити. — Гладке речи и велика обѣщанія, силно дѣйствую надъ слабоумнымъ и простач-

кимъ людма. — Велика є слабость лаковѣрну быти съ онима, кои су познати да радо лажу. — Ако желимо знати, шта неки говоре о нами предъ другима; сматраймо само, шта о другима предъ нами говоре. — Чисте совѣсти и разуманъ човекъ, нити слуша лажна доношєнія, нити мари за ньи. — Мужественно срце наоди своє задовольство у праштаню обиде, а слабо у освети. — Жалитисе свагда, и на свашто тужити; доводи човека у презреніе, показуюћи га весма малодушнымъ. — Съ кимъ се годъ ко свагда и радо обходи, мора нѣму подобанъ быти; ово є всеобще правило. — Совершено избављєніе одъ злы подозренія, состои се у совершеномъ исправлѣнію нарава свои; а безъ тога сва оправданія и извиновлѣнія, повинніима насъ творе. — За избавитисе одъ невеселы мыслій, нема другогъ средства, разве свагда о добримъ вещма мыслити. — Мечтаніе и воображеніе, извори су найвеће части веселя и благополучія, или невеселя и злополучія человѣчески; Неки су Цари Японски царство, народъ и животъ свой у бѣдствованія и у погибель доводили, воююћи за єданъ зубъ маймуна, коєга за свога Бога држе; одавде се види, да воображеніе ніе багатела. — Гди такови люди власть у рукама имаю, кои нити искусствомъ познаю нити у себи чувствую цѣну добродѣтельи, ту се сва достоинства и званія или по случаю, или (што є горе) по пристрастію даю. Бесный Калигула чини свога коня Конзуломъ Римскимъ; коньску паметь имаюћи, ніе могао болѣ избраніе учинити. — Да свакъ оће, колико може добра учинити, много бы выше до-

бра на свету было. — Лажь небы могла нигде проћи, да се у истину не преоблачи и не претвара. — Тешко неправедну, кадъ га правда счепа за уши! — Ніе чудо што неки будалу радо имаю и помажу му; зашто подобанъ подобнога люби. — Лажльиви пріятельи кадъ виде човека у невольи, онда му слободно кажу, да се ніе паметно владао. — Нигде се добродѣтель у свой своей слави не показуе као у Владѣтелю; еръ се о нѣму управъ може рећи, да е своевольно исполнява. — Ко себе одвећь много похуждава, чрезъ то изискуе, да га други за то фале. — Самога себе не валя ни фалити ни кудити, то е други людій посао. — Погрешке слабости, бы намъ се лакше простиле, да іи мы одвећь не сакривамо, хотећи да се покажемо оно што нисмо. — Кадъ се годъ ко усилява, да весма друге преухитри и превари, и да себе за много болѣга, него што е, изда, люди као люди вараюсе о нѣму; али не онако како бы онъ радъ, него сасвимъ другояче; то есть, мысле да му млого коештта подъ кожомъ лежи, и да е горый него што е. — Ко управъ люби свое пріятелѣ, и твори имъ добро колико выше може, тай весма себе люби, но на овый начинъ любовь е нѣгова разумна и похвална. — Изъ высокоумія, кое свакъ народъ о себи има, разплоћавасе међу люде погибелна слепота ума; ова сама не да имъ познати она средства, чрезъ коя бы се могли исправити, и своя злополучія облекчати и умалити. — Надежда насъ често вара; но у исто време нѣйзино дружство тако намъ е мило, да е нипошто нећемо одъ себе да пустимо. — Да свакъ

човекъ себи ласка и угождава, то є свакомъ природно, и кадъ разумно и умерено быва, добро му чини. — Ко не наоди никаква задовольства и спокойства у срцу своме, мучно ће га на другомъ мѣсту наћи; и ко годъ ніє кадаръ, и самъ будући, себе разумно забавляти, онъ тражи дружство башъ као піянацъ вино, да му мысли прођу. — Благополучіє состоисе у вкусу вещій, а не у самима вещма; и у стяжанію онога што ко люби, а не што други себи мечтаю. — Кадъ се ко осрамоти, и не мари да се опоштени, тада є управъ срамотанъ. — Не завидити никому ни у чемъ, то є знакъ правога достоинства и благополучія. — Єдно добро зависть у себи има, што мучи завидльива. — Наше страсти чине другима лепу службу, показующи имъ насъ таке какви смо. — Ко є вреданъ на добро употребити богатство, има право да га жели. — Наодити погрешке у другима, а себе одъ подобныхъ не исправляти, то нити є вредность нити разумъ, него лукавство и злоба. — Свагда на счастіє и на судбину тужитисе, то є по вышой части знакъ невредности човека. — Ко нигде себи пріятеля не наоди, показуе да ніє достоянъ имати га. — Невоздержаніє єзика весма є досадно; и нейма ти веће лудости, него, да ко съ великимъ усердіємъ, о вещма коє незна, говори, башъ као да зна. — Остроуміє и хитрость безъ поштена воспитанія, безъ разума и любови къ добродѣтельи, то є отровъ и куга у обществу, погано лукавство! Ко само себи на ползу живи, ніє достоянъ похвале свога времена людій; а ко бы радъ и будущи родова похвалу заслужи-

ти, неће моћи у свачемъ свимъ своимъ современимъ угоданъ быти. — Достоинство учена човека не состоисе у тому, да намъ каже како су други пре насъ разумно мыслили; но како смо дужни и мы мыслити и творити, да намъ болѣ буде. — Закони, уређенія и науке, онда су найполезніе человѣческомъ роду, кадъ га приводе къ добродѣтельи, благополучію и къ разумномъ веселю живота. — Почитаніе разумногъ света не може се ни одъ кога подъ армицію узети; валя се о тому здраво потрудити; ко ли пакъ неће, самъ себе презире и за ништа држи, шта оће одъ други? — У общему разговору и у доказиваню свога мнѣнія, валя да быва као на слободномъ пазару; свакъ показуе свой еспапъ, алъ нико не може силомъ друге нагонити да му га купую: овде природно свакъ свою робу фали; но онай ко ій купуе, не мари за ньіову фалу, него добро самъ гледа, за што ће новце дати. — Инатція подобанъ е тврдоусту коню; колико га већма ко натрагъ потеже, толико онъ већма трчи, докъ се годъ сасвимъ не умори. — Како што се обычава у ревени; ніе потреба ни манѣ ни выше давати, него колико на кога запада; тако валя да се владамо и у дружескомъ разговору, дающи свакомъ време, да што каже. — Вещи потребне и полезне, које се не могу имати у Европи, носе намъ ій трговцы изъ Асіе, Африке и Америке; то исто творе паметни народи, другимъ езикомъ учећисе, и полезне науке на свой езикъ преводећи. — Много е болѣ за едну фамилію, да себи потребне вещи има у кући, него за свашто да трчи у комшилукъ: то значи, да

што єдна нація има на свомъ єзику, то има у своіой кући; о толикомъ времену и труду, колико се изискуе за туђъ єзикъ, премногa се лепа знаня могу получити на своме. — We should consider the men of learning who have left all other far behind them as superior to any names which the continent can boast: (овако се изговара) уи шудъ кансидеръ дөе менъ аф. лернингъ ху хевъ лефть аалъ адөеръ феръ бихяйндъ дөемъ есъ сопіиріоръ ту ени неемсъ хуичъ дөе кантинентъ кенъ боостъ: (значи) мы валя да сматрамо люде учене, кои су оставили све друге далеко за собомъ, како превосходніє одъ свію имена, съ коима се земля може поносити. — Ако икада родъ человѣческій къ своєму благополучію доће, правлѣніємъ и предводителствомъ учены и добродѣтелны владѣтеля мора ће доћи, а не иначе. — Художество, коє просвещава умъ и облагороћава срце, мора быти честнѣйше и светѣйше словесномъ створеню; а то є добродѣтелно воспитаніє и наука. — Богъ є положіо у єстество человѣческо способность къ великимъ совершенствама; а Царемъ и Владѣтелѣмъ оставіо є, да они ову способность у дѣйство произведу: зато се цари божіи намѣстницы на земльи називлю. — Срце човеково у детиньству подобно є чистой артіи, ко што оће, може на ньой писати; а кадъ се што напише, мучно є изгладити. — Совершенство закона Хрістянскога состоисе у тому, што изискує одъ оны, кои га исповѣдаю, да су совершено разумни, праведни и добродѣтелни. — На шалу и смей окретати оно што ніє за шалу; и свачему маану наодити, кромѣ моћи што болѣ показати и учи-

нити, то є правога будале свойство. — Ко годъ вѣрно и поштено исполнява дужности своє, у окрестности, гди га є небесный промысалъ поставіо, онъ є честанъ предъ всевидящимъ окомъ. — Любити люде за любовь божію, то є наука Евангелска: а мрзити на люде за божію любовь, то є наука злы и люкавы людій. — Онай є найболый занатція, кои по занату своmъ найсправніе дѣла; а не онай, кои є за дуго учіо, а ништа добро ніе кадаръ упословати: найизбраніи є лекаръ, кои найболѣ лечи. — Светъ є овай школа, гди, докъ смо годъ живи, морамо се добримъ вещма учити; но у исто време, та добра, коима се учимо, на ползу нашу и другихъ валя да употреблявамо. — Предразсужденіе и пристрастіе, како годъ и невѣжество, не даду людма право о вещма судити; ова три мучителя држе истину у всегдашнѣмъ заточенію. — Рано пролеће по вышой части долази цвећу на погибель: Лепе способности ума у детету, премда су по себи добре, но често бываю вредовите, зашто или се упуштаю у безпослице, или су у свачемъ напрасите, и ничему не даду времена сазрети: или на конацъ, уздаюћи се одвећь у себе, размазесе, разлѣне и найпосле остану стражнѣ. — Како годъ коньма, некимъ су одъ веће потребе добре узде него мамузе, тако и людма. — Младомъ се човеку све чини ласно, а старомъ све мучно; но ово ни єдно ни друго не валя. — Чрезмѣрне похвале и безъ разлога похужденія єднако су младимъ людма вредовита; мудрость є знати у ньима начинъ, време, и мѣру. — Ко све за ласно држи, онъ ніе за велика предпріятія; а ко за

мучно, ни за малена. — Гди су годь поглавари народа неучени, ту мора быти наука у презренію, а гди су злы нарава, ту и добродѣтель. — Нейма злобе, худости, ни невалялости, у коима обыкновеніе не наоди свое задовольство. — Добродѣтель и истина, кадъ су совршене, онда су у правой своєй умѣрености; а злоба ако ће найманя быти, она є свагда крайность. — Ко се пре ручка показуе зао, а по ручку добаръ, онъ се зао може нарећи а добаръ не; зашто правда и доброта не валя да завыси одъ случая. — Што се годь тако чисто не познае, како, да є четири више одъ два, о томъ се слободно разговарати алъ не инатити: но кадъ ко почне (на примѣръ) овако доказивати: два дуката чине више одъ четири грошића, дакле, два могу быти выше него 4., ово се зове Софисма, то єсть, преумудреніе; изъ овога се рађаю безчислене лажи. — Лепе душе, коє желе власти и достоинства у обществу, за моћи млого добра учинити, богоподобна свойства у себи показую. — Искати науку на само изоштреніе ума, и умноженіе знаня, а не на исправлѣніе нарава, и поболшеніе срца и душе, то є позлаћивати єданъ сосудъ пунъ смрада. Радо гледамо на цвеће и по простомъ полю, и на добра свойства у просты селяны. — Virtue never grows old: (Верчу неверь гроосъ оолдъ) добродѣтель никада не стари. Обычаи, Правлѣнія, Закони и Єзицы подложни су различнимъ модама и премѣнама; имаю свою младость и старость: Да садъ нешто дођу они народи, кои су живили пре иляду година, нити бы своє єдиноплеменне потомке познали, нити бы се съ ньима разу-

мети могли. Ове премене обаче, съ правдомъ, съ поштенѣмъ, съ вѣрностію, съ любовію, съ чистосердечностію, съ непритворнымъ пріятельствомъ, и са свакомъ божественномъ добродѣтелію никада не бываю; ова у самомъ Богу почетакъ свой има, и съ њимъ вѣкує и царствує. Блаженъ народъ, кои се нѣ држи! а тешко синовомъ человѣческимъ безъ нѣ! Колико се већма одъ нѣ удаляваю, толико се къ своєй пропасти и погибели самовольно приближаваю. — Ништа ніе већега сожалѣнія достойно, него видити човека, кои има лепа и благородна мудрованія; љубку природу, чувствително, человѣколюбно, и доброжелателно у прсима срце; а при тому и начинъ за учинити добро, и себе предъ Богомъ и предъ свѣтомъ прославити; и са свимъ овимъ прекраснимъ и достожелателнимъ свойствама, за недостаточно изъ младости воспитаніе, у неполезномъ бездѣйствію проводи данъ по данъ живота, нити што добро починюћи нити свершуюћи; подобанъ лепой ябуки но дивіой, коя да є накаламлѣна, за царску бы трапезу плодъ приносила: а тако раћа ковкакве ябучице, но безъ лепоте, безъ мириса, и безъ сладости; на кое нико не гледа, ванъ да дивя звериня: колико се овде губи! — A Mouse that has but one Hole is soon catcht. Е маузъ дѳать хезъ ботъ уанъ хоолъ исъ суунъ кечтъ. Мишъ кои има само єдну рупу, брзо є уваћенъ. Човекъ кои ніе себи кадаръ помоћи, разве само на єданъ начинъ, нека се не отискуе далеко одъ куће: ко ништа друго не зна него криве чешлѣве правити, некъ не иде ни у Босну ни у Цариградъ. — Музика є лепа вещь;

свакъ народъ има свою; и ко є коіой обыкао, пріятна му є, ако ће ньомъ и урлекати: но музика и армонія срца, коя се состои у чистой совести, у тихомъ спокойству и задовольству, а то єсть у добродѣтельи; ово є права небесна музика, и обща є свимъ племенамъ и єзикомъ. Занатъ кои му драго може човекъ научити и знати, и никада га не употреблявати; ако на другій начинъ може болѣ живити, то му ништа не вређа: Науку правде и добродѣтельи ніє доста знати, потреба іи є свагда употреблявати; зашто ко зна шта є добро, а твори зло, веће є срамоте и наказанія достоянъ. — Не чинимо као неки старцы злоћуди и бабе порежльиве, кои найнеповинніе забаве и шале у млађима осуждаваю, само зато што они не могу међу ньи пристати. — Ко учи правила мудрости само зато, да се неразумнимъ смеє и руга, и да іи осуждава; а не да самъ болый буде, тай се є лудъ родіо, лудо живи, и лудо ће умрети. — Говорећи ко о невалялости и у шали но често, обыкне къ тому, пакъ после безъ скверносповія и блядословія ніє му разговора ни живота. — Беседећи ко често о честнимъ, полезнимъ, и добримъ вещма, и онъ се обыкне, пакъ потомъ безъ оваки разговора не може да живи, како годъ пчела безъ цвећа. — Ко свагда о невалялости мысли и говори, лагано полагано све то горый быва; ко се непрестано у добру поучава, о добру мысли и беседи, обыкнесе у добру, услаждавасе у нѣму, и мало по мало свакій данъ болый быва. — Полезно є и весма паметно знанѣ, да човекъ чисто зна и исповеда, да не зна оно што не зна; а оно што зна, да

може чисто и ласно доказати; ово є правый знакъ да зна. — Што се годь за инатъ потверждава, и за пристрастіе и инатъ одриче, не може добро быти; истина има своє разлоге и правила, башъ како и ариѳметика, коима ни самъ свемогућій Богъ не може противъ мыслити; зашто ова правила у правичности, и у совершенству, слѣдователно у Богу состоєсе; а Богъ себи не може противоречити, нити мыслити оно што ніе. — Они, коима є добродѣтель трунъ у оку, за колико толико обезпорочити сами себе, утверждаваю, да се іоштъ управъ не зна, шта є добродѣтель: чудновито незнанѣ! У коню знаду да є добродѣтель, да добро оди, трчи, носи, и да дає собомъ ласно управляти; а у словесномъ човеку нећею да знаду, да є то добродѣтель, да сва своя зактевана и способности тако управля, да су согласне съ разумомъ, съ поштенѣмъ, съ правдомъ; како на свою тако и на общу ползу, и да то непрестано и съ радостію твори. — Оштрлятоумни Софисте говоре све што знаду, за потамнити сваку добродѣтель, осниваюћи ю или на славолюбію или на користожеланію: подобни онима, кои у самомъ сунцу маће наоде. Ово су крайности, одъ кои се разуманъ човекъ свагда удалява. Хотети да човекъ безъ свакогъ интереса дѣйствує, то толико значи, да безъ узрока дѣла; а то ће рећи ништа искати. Доста є нами, да насъ сунце просвештава и да намъ благотвори: тако и добро, кадъ быва за похвалный и лепъ узрокъ, быва совершено, како, и зашто валя, и достойно є нашегъ высочайшегъ почитанія. — Сума правде: што себи не желишъ,

не чини другому; а добродѣтельи: Єлика хощете да творятъ вамъ прочи человѣцы, творите и вы имъ подобная. Речи су вѣчне истине и НАУКА! Аще сія вѣсте и сотворите, блажени будете.

ИСТИНА И ПРЕЛЕСТЬ, АЛЕГОРІА.

Или иносказаєма Наука, преведена съ инглезскога изъ Рамблера.

(Nro. 96.)

Єданъ древный списатель сказує намъ за Персіяне, да поглавито воспитаніє, коє они юности даваху, состоялосе у обученію, да добро коня яшу, стреляю, и истину да говоре. — Стреляти, и конѣмъ управляти, ласно є свуда научити: али бы то срећа была, да є онъ насъ известіо, на кои се начинъ къ истиности доспева, и како се є могао Персіискій умъ одъ искушенія прелести сачувати. — Заисто у садашнѣмъ растлѣнію человѣческога рода многа се возбужденія наоде, за одустати одъ истине. Потреба, за прикрити своє недостатке; и полза, за обманити невѣжество илити лаковѣріє другихъ, тако се често представляю; толика предлежећа зла чрезъ то се избѣгаваю, и толика настоища воспріятія чрезъ хитрость и превару получаваю; да ће се весма мало ко наћи, одъ оны кои су врло заплетени у животу, съ довольно духа и постоянства, за одержатисе неподвижимо у исполнѣнію явне и-

тиности. — За научити све люде да говоре истину, потреба бы іи было све до єдного пре научити да є радо слушаю; зашто никакавъ видъ лажльивости ніє данасъ выше у обычаю одъ ласкателства; малодушанъ ласка одъ страа, подчинѣнъ за свою користь, а пріятель за любовь: они кои нису ни рабскога духа нити су страшльиви, ништа манѣ ради су се угодни показати; и будући да неправедне похвале непрестано се изискую; свагда ће се наодити, кои ће іи или страха, или надежде ради, или за любовь давати. — Злоба лажльивости преко мѣре се разширила; и многи, кое совѣсть не може ласно обличити да сами лажу, изштетили су своимъ сујетолюбіємъ нараве другихъ, защищаваюћи ону исту злобу, на кою они мысле да мрзе. — Истина, само за то што є истина, често намъ противъ волѣ наше долази; во обще неугодна намъ є, зашто є противна нашимъ желаніяма и напрекостоєћа нашимъ дѣлма; и будући да наше вниманіе природно слѣдує нашей користи, мы нерадо слушамо оно чега се страшимо чути, и брзо заборављамо то што намъ ніе драго запамтити. — За овый узрокъ, многи су се начини наставлѣнія произнашли, чрезъ коя бы се могла ова упорность противъ истине побѣдити: и како се лекарство децы у шећеру дає, тако се и увѣщанія подъ илядуобразна видѣнія сакриваю, небы ли се како родъ человеческій пріятностію подмитіо, за утећи одъ погибели.

У почетку света Истина є дошла међу люде озгоръ, а лажльивость оздо. Прва, кћи Юпитера и мудрости; а втора, породъ лудости одъ ветра зачетъ. Обадве поћу напредъ

съ єднакимъ поузданѣмъ за преобладати новымъ створенѣмъ; и будући ньіово непріятельство и ньіова снага добро небеснимъ жителѣмъ позната, сви окрену съ неба очи своє на ньіову борбу. — Истина увѣрена о превозходителству снаге своє, и о правичности искања свога, приближавашесе съ возвишенымъ великолѣпіємъ безъ помоћи и сама; правда, да Разумъ свагда при ньіой бяше, но како служитель а не другъ. Нѣйзинъ ходъ бяше тихъ и постоянъ, но нѣйзино движеніє непрестанно напредоваше; и кадъ бы она єдномъ гди метнула свою ногу, ни божія ни человеческа сила небы є већь принудила да уступи. — Лажльивость свагда се усиляваше сообразити видъ и приличности своє истини; и показиваше великій успѣхъ у майсторіи подражателства, Ова се наоћаше окружена, и помагаєма съ безчисленимъ регементама актеваня и пристрастія, но на подобіє слабы заповѣдника, убѣждавашесе често примати законе одъ свои союзника. Нѣйзина движенія бяху брза, безпоредачна и напрасита; зашто неимаћаше ни твердости ни постоянства. Често скоростію нападенія, чиняше завоєванія, коя, своіомъ свойственомъ снагомъ немогаше садержати, развѣ съ помоћу пристрастія, коє она наоћаше свагда готове и вѣрне. — Другда се случаваше, да се ове две противоборнице сусретну; но тада бы лажльивость на ма замотала главу свою у облачицу, и заповедила бы превари да постави метеризе наоколо. У своєй левой руцы она држаше щитъ безстидія, и тулъ са стрелама лажемудрія звечаше іой на леђи. Свє страсти наоћаусе готове на нѣйзино званѣ.

Суета стрепћаше съ крилы свои предъ ньіомъ, а тврдоглавство подкрепляваше є са зади; тако обграђена и поможена другда бы поступила супротъ истине, а другда бы дочекивала сраженіє; но никадъ небы до руку дошла, непрестанно бы мѣсто променьивала, и коєкудъ бы стреляла, свагда у себи чувствующи, да іой сва крепость изнемагаше, кадъ бы є годъ истина съ цѣлымъ светомъ очію свои приразила. — Истина, ако и не носаше са собомъ громъ оца свога; но и самъ погледъ нѣнъ быяше за лажльивость страовитъ: и зато како бы ова видла да іой се она врло приближава, тай часъ бы оставила оружія софистичества илити лажемудрованѣ, и съ обадвема рукама држећи предъ собомъ щитъ безстидности, побегла бы сакритисе међу своє регементе пристрастія. Истина ако бы кадъ у сраженію и получила кою рану, но та бы ласно и у кратко време зарастила и излечиласе, али она уранѣнія коя бы се лажльивости учинила, неизцѣлима остаяху; и кадъ бы се другда и учинило, као да ће іой се ране залечити, опетъ бы се позледиле, отвориле и сва ближня мѣста усмрћивале. — Искусствомъ дакле лажльивость сазна, да сва нѣйзина вредность у скорости бѣжаня и у променьиваню места состоисе: зато заповеди подозренію, да свагда предъ ньіомъ у шпіонираиѣ трчи, и тако съ великимъ старанѣмъ чувашесе, да се гди са истиномъ не сусретне. То іой мучно не бяше, будући да Истина свой ходъ никадъ не променьиваше, но свагда правомъ линіомъ ступаше и напредоваше; и како бы се гди почуло нѣйзино страовито приближеніє, лажльивость бы нао-

дила сваке странпутице за скоро уклонитисе, измаћи и побећи. — На овый начинъ лажльивость привлачаше на свою страну светъ и разпростираше своє владѣніє свуда: и гди бы годъ завладала, ту бы цѣлу власть за собомъ пристрастіяма оставляла. Ови нѣйзини служительи и намѣстницы наодећи велику користь подъ таковымъ управлѣніємъ, съ крайньомъ упорностію сопротивляхусе истини, кадъ бы годъ ова дошла ньіовимъ мѣстама завладати, и никада небы пренебрегли, ако ништа, а оно баремъ закаснити напредованѣ и успѣхъ истине; премда не могаху за свагда воспетити ю: И кадъ бы дошло башъ до неволѣ, да се мораю истини покорити, свагда бы то бывало силомъ и на срамоту; наодећисе непрестано готови отступити, како бы ова престала своимъ присутствіємъ држати ін у страху. — Истина у полазку изъ свои небесны дворова, надаласе є, да ће примлѣна быти съ всеобщымъ радости восклицаніємъ; да ће свакомъ драга и мила быти; да ће є свакъ съ подчинѣніємъ слушати, и призивати, да излива своя благодѣянія у све државе: садъ позна, да кудъ годъ мысли проћи, мора силомъ путъ себи отварати. Све умове наће предразсужденіяма затворене, и сва срца пристрастіяма преобладана. Правда, да ова напредоваше, но лагано; и често завладѣнія, коя за собомъ оставляше, опетъ губляше, чрезъ напрасна бунтованія зактеваня, коя дужность и повиновеніє своє одметаху, и себе опетъ подъ барякъ лажльивости полагаху. — Истина кромѣ да бы постала слабія, зашто нѣйзина є снага непреодолима; али се найпосле разсрди, видећи себе тако поругаєму

и препетствуєму єднымъ непріятелѣмъ, на кога она правично съ крайньимъ презрѣніємъ сматраше; коєга сва вредность у непостоянству, у слабости и у преухищреніяма состояше. Она дакле за неисполненіе надежде своє оскорблѣна, запроси Бога, оца свога, да іой допусти на своє прво возвратитисе мѣсто, оставивши человѣческій родъ смущенію и несчастію, коє онъ заслужує, своєвольно подлажући себе грабленію лажльивости. — Но Юпитеръ одвећь сожалуюћи о свету, не дозволи нѣйно прошеніе; соизволи обаче облекчати нѣйзине труде и умекшати безпокойства. Заповѣди іой да се совѣтуе съ Мусама, коимъ бы начиномъ она могла лакше примлѣна быти, и царствовати безъ муке непрестаного воеваня. Изнаћесе дакле, да успѣхъ истине припречавашесе жестокостію нѣйзи ногъ вида и величествомъ повелѣнія; и да люди никада неће є радо примати, догодъ не престану страшити є се, кои предаюћи себе лажльивости, ништа небы губили одъ свои повольностій и пріятностій; будући да ова узимаше на се найпривлачителніе образе, свагда облачећисе и мажући зактеванями и желями. Мусе дакле изаткаю истини у разбою Минервиномъ єдну пространу и различновидну одежду, подобну оной, у коєй лажльивость порабощаваше свое рачителѣ; у ову є обуку, и назову є Измышлѣніємъ илити Басномъ. Садъ она почне завоєванія своя съ больимъ успѣхомъ; зашто кадъ бы годъ захотѣла улѣсти къ пристрастіяма, свако бы се пристрастіе преварило, држећи є за свою повелителницу лажльивость, и предало бы іой се: а кадъ бы она єдномъ савршено об-

ладала, тада бы іой на ма разумъ свукао горню майсторску одежду, и она бы се показала у своємъ првообразномъ виду, съ природнымъ сіяніємъ и непобѣдимымъ достоинствомъ.

ПУТЪ У ЄДАНЪ ДАНЪ.

Изображеніе человѣческога живота.
(изъ Рамблера Nro. 65.)

Обиданъ, сынъ Абесиновъ, изиђе рано у ютру изъ гостилнице, и предузме свой путъ преко Индостански равница. Онъ бяше младъ и у снаги одъ покоя: надежда га одушевляваше, и желаніе возбуждаваше; бистро преко долина прелазећи, упажаше брда гди се предъ ньимъ мало по мало возвышаваху. Преко кои прелазећи уши нѣгове услађавахусе утреннымъ поянѣмъ птичица; тихо диханіе вѣтра прохлађаваше га, и ситна роса съ мирисны грана окропляваше: онъ другда сматраше са удивленіемъ на преузвишеный верхъ раста, цара холмскога; а другда уловлѣнъ пріятнымъ мирисомъ ружице, найстаріе кћери пролећа, сва нѣгова чувства бяху услађена, и свако попеченіе изъ срца нѣгова изгнато. — Тако онъ путоваше докъ се сунце приближи на подне, и све то већа врућина начне га разслаблявати; онда се онъ обазре иштући кою спокойнію путаню. Угледа на десно неке меће, ков, съ волновиднымъ движеніемъ сѣній свои чиняху му се као да га у ладъ свой призивлю; улѣзе ту и нађе

неисказано услажденіе у њіовой прохлади и зелени. Премда онъ не заборавляше, на кою бы страну морао путовати, обаче нашавши ту стазу ограничену съ цвећемъ, коя му се чиняше да къ оной истой страни кудъ и великій друмъ воћаше; радовашесе у себи, да є чрезъ тай счастльивый опытъ нашао средство, у исто време путовати и увеселяватисе; и безъ труда, получити награжденіе свое прилѣжности. Онъ дакле за неко време све єднако слѣдоваше ходећи, безъ найманѣгъ ослаблѣнія у своємъ усердію; изванъ што бы другда позаустављосе, за послушати пѣніе птица, кое є врућина сатерала была у те ладове; и другда бы се позабавіо чупаюћи гдикои цветакъ кадъ съ ове кадъ съ оне стране путанѣ, и берући воћа на гранами висећа. На конацъ, зелена стаза почне се устраньивати одъ свое прве управности, и савіятисе између холмова и шумарица прохлаћены одъ источника и шуштећи теченіемъ потока. Овде Обиданъ устависе за неко време, и почне размышлявати, да ли му є безбѣдно удаляватисе одъ праве и обще стазе; но споминюћисе да садъ врућина у найвећой сили бяше, и да є равница пуна праа и неєднака, науми напредовати новонашастомъ путаньомъ, коя по нѣговомъ мнѣнію не чиняше разве мале околише; и то, ради различности мѣста, и да ће се до послѣдка на общій друмъ доконати. — Кадъ тако утиши свою бригу, почне опетъ ступати, али свагда у сумньи да не иде право. Ово неизвѣстіе ума заустављяше га при свакомъ новомъ предмету, и представљяше му такове мысли, какове га могаху оспокойствовати или забавити. Онъ прислу-

шаваше найманьій гласъ, пеняшесе на сваку главицу за нове погледе, свраћашесе къ свакомъ паданю вода, и мило му бяше слѣдовати за теченіемъ ков тихе рѣке, што се валяше између древеса, и съ многобразнымъ своимъ савіянѣмъ єдну широку страну наводняваше. У овимъ забавама нити се већъ брояху часи што пролазе; у нѣговимъ странпутицама замрси му се паметь, нити онъ већь знађаше куда му се окренути. Стане замышлѣнъ и смућенъ; ићи напредъ, бояшесе да не иде на криво, а къ тому видећи да ніе времена за оклеванѣ. Мучећисе сирома у таковомъ недоумѣнію, кадъ али ти потамни воздухь одъ облачина, изчезне данъ испредъ очію нѣговы, и напрасна грмлявина стане надъ ньимъ лупати. Сада топрвъ кадъ се у бѣди нађе, падне му на умъ нѣгова будалаштина; садъ позна, како се благополучіе губи, кадъ се само спокойство за совѣтъ прима; тужашесе на свою слабу нестерпѣльивость, коя га є принудила искати заклонъ у ладу, и похуждаваше своє дѣтинско любопытство, што га є одводило одъ єдне безпослище на другу. — Громови кадъ почну пуцати, учине га и ова размышлѣнія заборавити. Што ће? Савъ у страху намысли да се врати натрагъ, и да удари крозъ шуму, небы ли гди какавъ излазакъ къ равницы нашао. Пре него пође, падне на землю, и препоручи животъ свой Творцу єстества. Призвавши всесилнога на помоћь, устане у надежди; и пође држећи мачъ у руцы, зашто дивіи зверови чуяхусе по шуми; и страхъ помрчине, пустинѣ и вѣтрова, са своимъ риканѣмъ усугубляваху. — Тако изгублѣнъ иђаше, незнаюћи куда ни ка-

мо, и свакій часъ ожидаваше избавленіе или погибель свою. Найпосле, не толико страхъ, колико трудъ учини га да се утоми и изнемогне: Єдва дишаше; колѣна подъ ньимъ дрктаху; и бяше готовъ пасти и предати себе своєй судбини: кадъ истомъ укаже му се недалеко крозъ шумарицу пламенъ свеће. Приближисе къ сіяню, и нађе колибу єдногъ пустиника; куцне на врата, и смирено запроси прибѣжище. Прими га старацъ, и угости га съ набранымъ воћемъ; по вечери запыта га да му каже, каковъ случай га є ту довео? придодавши, да за 20. година одъ кадъ онъ ту живи, ніе човека видіо. Обиданъ тада, разкаже му свой дневный путъ до найманѣгъ обстоятелства безъ сваке тайне. —

Сыне мой, рече му старацъ: углуби у срце твоє погрешке, будалаштине, и избавленіе бѣда данашнѣга дана! Не заборављяй никада, да є человѣческій животъ єднога дневи путованѣ. Мы сви устаємо у ютро младости пуни снаге и благонадеждія; предузимамо путованѣ одушевлени упованіемъ, и съ веселымъ усердіемъ, и напредуємо за неко доба правымъ друмомъ благоразумія и богољубія къ пожелателнимъ обиталищама покоя. Но у кратко време плашећисе целодневнога труда разслаблявамосе у усердію, и начнемо искати неко умекчаніе дужности наше, и полакша средства за доћи къ концу намѣренія нашега. Мы тада станемо ладнитн одъ прве топлоте, не боєћисе толико злоба и порока што су предъ нами; и тако по случаю прикучуємосе къ онымъ бѣдама, о коє никада за никада нисмо мыслили додирнути. На овый начинъ улазимо у заклоне ласности, и

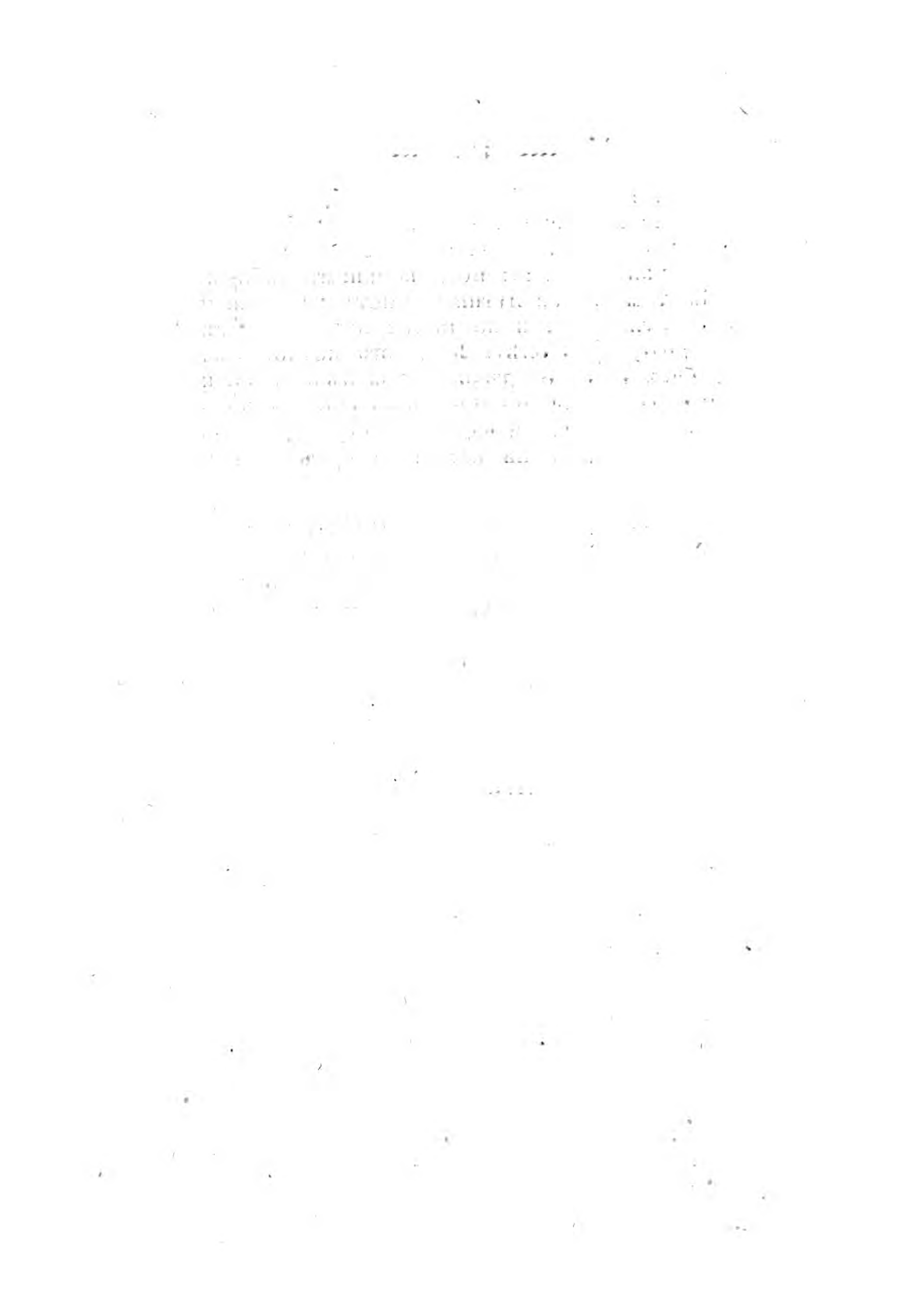
TAYLOR INST

упокоявамосе у сѣнами безбоязности. Овде срце се наше размази и бодрость спадне; тада почнемо тражити, небы ли се коіомъ другомъ путаньомъ могло напредовати; и тако найпосле усудимо се упутити крозъ цветовите башче сладострастія. Приближуюћисе овде наодимосе іоште у безпокойству совѣсти и у сумнѣнію; улѣземо но са страхомъ и трепетомъ, и све се надамо да ћемо проћи скрозъ, и да нећемо сасвимъ изгубити путъ добродѣтельи, на кои се іоште обзиремо, и къ коєму намѣравамо опетъ возвратитисе. Но искушенія долазе єдна за другима, и єдно угодіе отвора путъ къ другому; между тимъ благополучіе блажене невиности и беззлобія умалявасе и иде губећисе; али мы утѣшавамо и разблажуємо ово наше безпокойство воспріятіями чувства наши. Лагано полагано заборавимо наше прво намѣреніе, и пустимо одъ себе правый предметъ разумнога желанія. Замрсимосе у различне после, загнюримосе у раскошь, вртимосе и мотамо по странпутицама непостоянства, докле и мракъ старости нападне на насъ, и овде слабость и недоумѣніе препрече намъ путъ. Сада мы топрвъ починѣмо погледати натрагъ на протекшій данъ живота нашега съ ужасомъ, съ печалію и раскаяніємъ; и жалимо, но касно, и често за луду, зашто се сврати смо съ правога пута добродѣтельи! Блажени они, коє твой примѣръ данашныій научи, да се ни тада не предаду всеконечномъ очаянію, и опоменусе да ако є данъ и пропао, и ныова прва крепость порушена, ништа манѣ, іошъ имъ єдно средство остає, то єсть, подвигнутисе и усилити, за обратитисе одъ пре-

лести и заблужденія на путъ добродѣтельи. Право исправленіе ніе никада безъ благонадеждія, и чистосердечно усердствованѣ свагда ће наћи помоћь; по довольнимъ заблужденіяма може се путникъ опетъ на правый наставити путъ, и ко проси крепость отъ вышняго, преодолѣти ће многа неудобства, и избавити ће се одъ различны бѣдствованя. Иди садъ, и почини предавши себе попеченію Свемогућега; а кадъ те сутра ютро на дѣло позове, почни изъ нова путъ твой и животъ„

„Ου μικρὸν διαφέρει τὸ οὑτως ἢ οὑτως ἐυθὺς ἐκ νέων ἐθίζεσθαι, αλλα πὰμπολυ, μᾶλλον δὲ, το πᾶν. Не мало разли„чествуе, на кои се ко начинъ изъ младости „обыкне, но премного, наипаче све одъ то„га завыси. Арист. Наравоуч. Книга 2. Гл. 1.

Конацъ второе части.



СЛОВО

ПОУЧИТЕЛНО

ГОСПОДИНА

ГЕОРГІА ІОАКИМА ЦОЛИКОФЕРА,

ПРИ РЕФОРМАТОВЪ ОБЩЕСТВУ НЕМЕЦКОГА

ПРЕДИКАТОРА.

СЪ НЕМЕЦКОГЪ ѢЗИКА

ПРЕВЕДЕНО

ДОСІѲЕЄМЪ ОБРАДОВИЧЕМЪ.

У ЛАЙПСИКУ, 1784.

У Типографіи господина БРАЙТКОПФА.

Препечатано у Београду 1833 године.

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ЛЕОНУ ЂИУКИ,

У МОЛДАВІИ

РОМАНСКОМУ ЕПІСКОПУ,

МОЄМУ

МИЛОСТИВЂЙШЕМУ БЛАГОДѢТЕЛЮ,

ВСЕПОКОРНОЄ ПРИНОШЕНІЄ.

Преосфинците ши Пречинстите

ПЬРИНТЕ ЕПИСКОПЕ,

ал^{s} міеѹ фьлторю де бине чел^{s} май маре!

Д'тоать времѣ віецій мѣле нѹ амь кѹноскѹть ѹн^{ъ} шм^{s} каре ар^{s} пофти маймѹлт^{s} ф^{s}лѹминаре мицилор^{s} ши сѹфлетелор^{s} шменещй д^{s} кът^{s} ПРЕОСФИНЦІЕ ТА! пе^{s}трѹ ачаста дар^{s} нѹте мира кь ф^{s}дрезнеску а ф^{s}кина ла чел^{s} пре драг^{s} ши пречинстит^{s} нумеле а ПРЕОСФИЦІЕЙ ТАЛЕ ачест^{s} кѹвінть а пре-ф^{s}целептѹлѹй ЦОЛИКОФЕР^{s}. Не пѹтіндь еѹ ку алт^{s} фелю сь арет^{s} чѣ неспѹсе аме мѹлцемир^{s} пентру атыте бѹнетьцй ши фачерй де бине че ПРЕОСФИНЦІА ТА ай арьтат^{s} спрѣ ми-

не, ѧмѕ паре кь ѧмѳ ѹшѹрезѕ инима ши сѹфлетѹлѕ мьртѹ-
рисьндѕ ѧа тоатѕ лѹме чѣ май маре даторіе ши мѹлце-
мире каре амѕ кьтръ ѹнѕ пріятень чель пре юбитѕ ши
кьтрь ѹнѕ пьриѕте челѕ май бѹнѕ ши май пречин-
ститѕ. Примѣще дарь мь рогь! ачестѳ микѕ семнѕ
а вѣчничй мѣлй мѹлцемирй; ѳіиндѕ кѹ тотѕ ѧѕкре-
динцатѳ кь сѹфлетѹлѳ міеѹ пьнь кьндѕ ва ѳи ѧѕ ѳі-
инце тева помени ши тева юби

а ПРЕОСФИНЦІЕЙ ТАЛЕ

чель май плекатѕ ши суфлетескъ

ѳію ши Слугъ

ДОСІѲЕЙ ОБРАДОВИЧЬ.

ПРЕДРАГІЙ ЧИТАТЕЛЮ.

Кадъ годъ я благоглаголивога господина Цоликофера къ народу поученія слушамъ, никада ми оне благоразумне евангелске жене речи съ ума не спадаю; коя восперена сладкомъ наукомъ нашегъ Спасителя, одъ презѣлне сладости срца ніе се могла уздржати да не вопіе: **БЛАЖЕНА УТРОБА, КОЯ ТЕ Є НОСИЛА, И СИСЕ КОЄ СУ ТЕ ДОИЛЕ!** И колико га выше слушамъ, толико выше славимъ Бога, кои є такову мудрость даровао людма. Ублажавамъ Душу, Срце и Уста, изъ кои тако премудра, сладка, утѣшителна и добродѣтелна Евангелска Наука извире и преизобилно тече. Благо людма (мыслимъ у себи), кои те слушаю! Они мораю добри быти: напояваюћисе изъ детиньства здравога разума вѣчномъ истиномъ, мораю быти и разумни и благонаравни и добродѣтельни. При томъ, и моє време за счастливѣйше у животу моєму вменявамъ, кадъ годь нѣгове драгоцѣнне речи чуємъ. За учинити дакле, да моє благополучіе тако велико, колико може быти, буде; хотео самь то сприобщити и приподати іоштъ коме одъ братіе моє: преведши и издав-

ши овогъ колико мудрогъ толико и добродѣтелногъ Учителя єдну беседу. Читатель кои разуме србски, и има человѣческій разумъ, и колико толико чувствително срце, знамъ да ће ми и за ово мало благодаранъ быти; и ако ко одъ єдиноплеменны мои съ временомъ на своемъ єзику што преводити изволи, овде може спазити, да се на нашъ єзикъ све дає превести. Овогъ дивногъ мужа сва поученія нису ништа друго него Моралнa Філософія, то єсть Наравоученіє, коє не упражняваюћисе съ никаковымъ теологическимъ нити догматическимъ любопрепираніяма и возраженіяма, сасвимъ приличествує не само за све, кои Христово име исповедаю и нѣгово Евангеліє вѣрую, него іоште за свакога, кои само чувствує и познає честь словеснымъ човекомъ быти. Ніє могуће слушаюћи га, да човекъ не омрзне на сваку неправду и злобу, и да се нѣгово срце не разпали божественнымъ любави огнѣмъ къ правди, къ истини, къ человѣколюбію, и къ свакой евангелской добродѣтельи. Прими дакле вселюбезнѣйшій читателю и читателнице, съ благоволѣніемъ и овый знакъ высокопочитанія, усердія и вѣчне жертве срца моєга.

Ко у речи не согрешава, онъ є савршенъ човекъ.

Іаковъ Апост. Г: 3. ст. 2.

Боже Творче и Отче человѣческій, све способности и крепости коє си намъ дао, на нашу велику ползу и благополучіє даровао си намъ іи! Мы смо дужни ове способности и крепости на то употреблявати, да чрезъ ньи како сами себе тако и друге у совершенство доводимо, да чрезъ ньи єданъ другомъ служимо, и да на радость єданъ другоме живимо. Зато си намъ о преблагій Создателю! и преимущество говореня даровао, да чрезъ ово учимосе ласно и разумно мыслити, да намъ служи за союзъ нашегъ взаимнодружескогъ живота, и за средство, чрезъ коє другъ друга да просвещавамо, да утѣшавамо, къ добротворенію да ободравамо, да укрепляваmo, и свако задовольство другъ другу да приузрокуємо. Колико бы мы могли у мудрости и добродѣтельи напредовати; наше взаимно благополучіє причинявати; чисте общедружеске радости уживати; кадъ бы мы цѣну и одреду овога, твоє велике благости дара, непрестанно предъ очима имали! кадъ бы насъ овый предрагій даръ слова свагда на добро служіо: кадъ бы га свагда на славу твою и на всеобщу ползу употреблявали, и кадъ бы просвещеніє разума, истина и любовь наша говореня и срца одушевлявали! Научи насъ о благій Боже! научи насъ красоту и изряд-

ность говореня способности съ таковымъ увѣреніемъ познати, да бы се мы унапредакъ одъ сваки у говореню погрешака съ крайньимъ старанѣмъ чувати, и на овый начинъ све то выше къ Хрістянскомъ совершенству доспети и достигнути могли. Благослови наше намѣреніе у проповеди ове важне, кою мы данась предузимамо, истине. Укрепи насъ къ вниманію, и дай намъ познати сву силу ове науке, да намъ у напредакъ у свако благопотребно време къ наставлѣнію и управлѣнію служи! Молимо те о томъ у име Іисуса Христа Спасителя нашега, и съ цѣломъ надеждомъ на нѣгова пресвета обѣщанія призивлѣмо єдинодушно преблагословено име твоє, съ умилѣнымъ срцемъ говорећи:

Отче нашъ (и прочая.)

Ко у речи не согрешава, тай є савршенъ човекъ.

Редко мои боголюбиви слишательи, редко мы даръ илити способность говореня, за такову важну и велику вещь, какова она по истини єсть, сматрамо и признаємо! Редко мы размышлявамо и вѣруємо, да употребльніе говореня у свачему тако добро или зло, тако общеполезно, или общевредно може быти, каково оно у самой вещи єсть! Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, съ разсужденіемъ или безъ разсужденія, на єданъ начинъ или на другій, выше или манѣ, съ опредѣленіемъ или безъ опредѣленія говорити, ово се све, изванъ оны послова, кои се временогъ

интереса тичу, за све єдно, за своєвольно, и одъ свію закона за независимо вменява и држи. Свакъ вели: речи, кое заєдно са звукомъ своимъ одлећу и изчезаваю; кое се не могу тако точно избирати, уређивати и слагати; при коима не може човекъ свагда мыслити и чувствовати; кое ніе потреба као на терезіе метати; кое често само на украшеніе разговора служе, илити за покрити съ ньима и сакрити мысли своє и мудрованія, за смести и смутити любопытство и проницателство другога; и кое ніе потребно одвећь подробно и строго примати, одвећь оштро испытивати и судити, нити у свемъ значеню за истините држати; но само за толико іи цѣнити, за колико се обычно даю и пролазе; — свакъ вели: ако се само нико съ речма не осуждава и не опорочава, ако се ко съ ньима лажно не заклинѣ, ако се ко одъ весма простачки ружны изговора, одъ преизлишнѣга блядословія, одъ дебелы и очевидны лажа уздржава: въ прочемъ шта и како ко говори, какве речи и изговараня употреблява, то ништа не значи; обычно и по вышой части ово се сврхъ одреде и употреблѣнія речій мысли и мудруе. Зато ніе се дакле чудити, да ни у чемъ толико не погрешавамо колико у овомъ послу; ніе се чудити, да се ни съ єднымъ даромъ Творца выше злоупотреблѣнія него съ овымъ не чини, ніе се чудити дакле, да истый Апостолъ човека, кои у речи не погрешава, за савршена признае и приповеда!

Ако ко у речи не согрешава, тай є савршенъ човекъ. За не подлећи овой погрешки, изискуесе высокъ степенъ добродѣтельи и наравнога савршенства; и ко годь по и-

стини њой не подлежи, онъ мора быти не само у овомъ, него іошть савыше у свакомъ своме поступку преизрядный и савршено добродѣтельный човекъ. Ово изреченіе, мои боголюбиви слишатељи; ніе случайно нити просто, и заключава у себи пространну науку и велику истину, кое може быти да врло редко и на умъ коме падаю. Како годь єданъ човекъ, кои свое дужности пренебрегава, никадъ ни єдну како надлежи не исполнява: на истый начинъ и єданъ човекъ неће кадаръ быти никада, право и добро употребленіе говореня свога учинити, ако онъ у исто време у свы свои осталы послы правилама истине и добродѣтельи не слѣдуе; и ако онъ ніе тако добаръ и савршенъ, колико є у настоящимъ обстоятелствама човеку быти могуће. За показати вамъ ово вразумително и ясно; я ћу вамъ овде озображеніе таковогъ човека, кои у говореню не погрешава, представити; да по томе сами судити можете, да таковый човекъ мора савршенъ быти.

Ко у речи не согрешава, коега є говоренѣ свагда колико нѣму толико и другима:

Прво: Понятно и управъ вразумителнo.

Второ: Точно опредѣлено.

Треће: Свагда истинито.

Четврто: Благодѣтелно и никоме вредовито.

Нека предузмемо

Прво: Сиречь коега є говоренѣ ясно и вразумителнo: онъ не говори само да се говори; или за прекратити другима говоренѣ, самъ то преотимаюћи: не говори за

выше оне, кои га слушаю, смести и забунити, илити просте и неучене съ празномъ звекомъ некаквы речій, кое се чине да много значе, а у самой вещи врло мало, или сасвимъ нипта не значе, у удивлѣніе и у некакавъ ужасъ поставити. Онъ не тражи съ говоренѣмъ своимъ ни похвалу ни удивлѣніе, то му є доста, ако га само други разумеду. Зато найпре онъ, самъ у себи мысли, шта ће говорити; паштисе своє мисли у ясность, поредакъ и у союзъ, пре него іи другима сообщи, поставити. Никадъ не дає выше него што има. Не жели нити разумніи, нити ученіи, нити мудріи него што єсть, показатисе. Никадъ не говори о стварма, кое ни самъ не разумева; или ако кадъ то чини, онъ чрезъ то настои, одъ други што примити и научити. Онъ се не срами казати, да не зна оно што не зна; и да є нѣгово вѣжество у многимъ вещма ограничено: и зато дакле не тражи крозъ некакве высокозвекуће, надувене, нѣму истомъ неразумителне, илити по случаю одъ други узаймлѣне, тамне и некакве чудновите необычне речи, као подъ некимъ видомъ дубока значеня оне, кои га слушаю, огуглати и заслепити; и тако своє невѣжество замотати и сакрити. Онъ избира и употреблява найлакше, найпознатіе и за сваку вещь найпристойніе речи и изговоре. Како су годъ просте и чисте нѣгове мысли и чувствованія, тако є и нѣгово говоренѣ природно и неухищренно. Ако ли кадъ онъ и придодає своимъ говореню красоту, крепость, благородство и достоинство, а онъ све то нимало выше не употреблява, разве колико съ разумителствомъ и ясностію об-

стаяти може. Никада онъ не променює знаке съ речма, коє се чрезъ ньи назначую: и само за толико знаке почитує и цѣни, колико они, вещи коє назназую, колико нѣму толико и другима болѣ изяшняваю и изображаваю. Како годь у вещма светскима тако и духовнима, онъ се нимало не дає съ некимъ чудновитимъ речма, при коима се ништа известно мыслити нити разумети може, обманьивати: іоштъ много манѣ иште онъ друге съ таковымъ чимъ облепити и заслепити: на примѣръ, никада неће се онъ усудити нити упустити, тайне, коє онъ у савершеномъ значеню речи за преєстественне вещи почитує, изяшнявати и опредѣльивати, іоштъ много манѣ другима предписивати и узаконовлявати.

Никада неће онъ речма, коє не разумева, некакву особиту силу и дѣйство приписивати, илити некакавъ преутаєный разумъ ньима присвоявати; нити ће у ньима пашу своє побожности, нити подпоръ своє надежде и упованія полагати и оснывати. Онъ се свакомъ дає ласно разумети, радо са свакимъ беседи, но съ познатимъ и обычнимъ речма; води и наставля драговольно свакога найкраћимъ и найлакшимъ путемъ къ разумѣнію своєгъ разговора: нити комъ съ одвећь дугимъ, загонетльивымъ, туђимъ и престарелимъ речій изображеніяма, нити пакъ съ тамнимъ и далекимъ сравнѣніяма и приуподоблѣніяма труда и муке задає. Само ово прво свойство говореня, о мои боголюбиви слишательи, колико намъ добра у таковомъ човеку, кои на овый начинъ говори, приметити дає! Какавъ здравъ и правъ разумъ! каково искуство ясногъ и поредочногъ мы-

шлѣня! каково вниманіе сврхъ себе и своегъ говореня! какова благородна любовь къ природномъ и къ неприухищреномъ! колико предосторожно старанѣ за не обманити ни себе ни друге; каковый безпристрастный судъ о свои способности и знаняма! каково удалѣніе одъ поноса, одъ суеумія, одъ велехвалѣнія и одъ непристойногъ славолюбія! каково несвоекористожелателно усердіе, другима оно што самъ има и зна, и не иначе него како има и зна, сприобщити и приподати! Одъ колики наравны погрешака такова душа не мора быти сасвимъ свободна! Коликій успѣхъ ніе онаковый човекъ на путу добродѣтельи и совршенства учиніо? колико ли лашнѣ и успѣшніе не мора онъ на овомъ блаженомъ путу напредовати!

Ко ни у єдной речи не погрешава.

Второ: Коега є говоренѣ точно опредѣлено: нѣму ніе доста, да га други само одъ части и по случаю разумеду, а не сасвимъ и савршено. Не задоволяваше само нешто одъ свои мыслій и чувствованія другима сприобщити, но исте и све своє мысли, коє самъ има и чувствуе, у ньима возбудити. Вещи о коима онъ говори, онъ іи не назначава на начинъ, да се єдва и силомъ одъ други вещій разпознаю; но тако да се управъ и савршено познаю, и за то што єсу држе. Зато, онъ се прилѣжно чува одъ свы дворазумителны, многозначителны и неопредѣлены речій: одъ свакогъ вида говореня и изговарања, коя или одвеѣ много или врло мало представляю; и исте вещи за веће или за манѣ, за болѣ или за горе него су, показую.

Служисе съ речма, кое употреблява, свагда у истомъ разумѣнію. Како имена вещій, тако и исте вещи, никадъ не променює; одређує и показує свачему пристойный редъ и мѣсто, кое му принадлежи. Ово є, мои боголюбиви Слишатељи, єдна крайнѣ важности вещь; будући да одъ нѣ, по вышой мѣри, наша мудрованія и дѣла завысе. Одъ колики погрешака и кривопутица укланясе и избавля онай, кои на овый начинъ ни у єдной речи не погрешава! и каково сасвимъ другоячіє и много болѣ управленіє, чрезъ то, нѣгова склонѣнія, зактеваня и паштеня не придобываю? Онъ нариче оно што є малено малено, и велико велико. Нѣму ніє све што онъ или ко другій по случаю чувствує, прекрасно, предобро и безъ мѣре велико. Онъ признає само єдино безконечно, прекрасно существо, и то єсть Богъ; єдно неокончаємо пребыванѣ, и то єсть вѣчность; само єдино безконечно добро, и то єсть съ Богомь согласіє и соєдинѣніє. Внутреня цѣна вещій, быле присутствующе, нѣга ли се или другогъ тичу, остає предъ нѣговимъ очима свагда та и иста; нити онъ ову цѣну вещій опредѣлява по случайнимъ илити внѣшнимъ обстоятелствама, но по нѣйзины внутрены, неотлучны, всегдашньи и существенны знацы. Нѣму ніє дакле свако добро, къ коєму се онъ садъ и за време пашти, и кое онъ за време ужива, само зато желанія достойно: не свака сласть и радость, коима се онъ садъ и за време наслаждава, само зато найчистія и найвећа; не свако зло, кое онъ за време страда, само зато зашто га садъ удручава, найтеже; ие свака злоба, о коіой онъ кадкадъ беседи, най-

вредовитія и найпогибелнія; не свака добродѣтель, о коєй быва речь, найлепша и најважнія. Онъ не променява добро съ больимъ, и болѣ съ најбольимъ: зло съ горымъ, и горе съ најгорымъ: нариче само добро добро, а зло зло: погрешку не називлѣ злодѣйство, нити злодѣйство погрешку: слабость не држи за злобу, нити пакъ злобу за слабость: различава оно што є у итости, одъ онога што є съ намѣромъ и съ ладномъ крвлю учинѣно: свако счастіє не држи за благополучіє, нити свако несчастіє за злополучіє; богата и могућа не вменява за благополучна, само зашто є богатъ и могућь; нити пакъ убога и простородна само зато злополучна: све и нешто, ништа и мало; свагда и често, никадъ и редко; сасвимъ извѣстно и само по видимому; ове су све речи, коє се онъ съ великимъ опазомъ чува, єдну съ другомъ променити, нити іи као већа часть людій, за све єдно сматра и употреблява. Одъ колики лажны, неправедны, любвелишены суђеня и свы ньіовы вредовиты слѣдованя чрезъ ову предосторожность онъ не избѣгава! Никада онъ не приписує єдномъ цѣломъ виду или чину людій и створій што таково, коє само некима одъ ньій принадлежи: никада не издає онъ цѣлый характеръ и цѣло поведеніє єдногъ лица за зло или за добро, ако є то само одъ части таково: сматраюћи да є єдна вещь, єданъ или выше кратъ или често такова была и тако дѣйствовала; изъ тога онъ іоште не заключава, да ће она за свагда такова остати и све тако дѣйствовати; или будући да се є што таково редко случило, да се неће већь никадъ случити; никада не потврђда-

ва онъ съ постоянымъ извѣстіемъ штолибо о єдной вещи, при коєй онъ само по видимоме неко вѣроятіе приметити може: никадъ не држи онъ ствари, коє єдна за другомъ слѣдую, само зато за причиняваюће и причиняєме, за достоинства и награжденія, за преступлѣнія и наказанія: и будући да онъ у свемъ своме говореню, о правости и точности говореня толико прилѣжну предосторожность показуе; какова преизрядна свойства, и какова наравна совршенства све то при нѣму не предполаже! коє попечително разсужденіе и мѣренѣ цене вещій; коя строгость и снажность у правосудію и у основателнимъ положеніяма! каковый постояный вкусъ у разпознаваню найлепшега и найболѣга! каково владанѣ надъ самымъ собомъ, и надъ свимъ воображеніяма, коя внѣшньи предмети у нами причиняваю! могу ли чувствителне вещи такога човека помрачити, и ласкателна слова обманити? Крикъ страстій може ли га смутити и забунити? Поруганія и посмѣянія єсу ли икадъ кадра нѣга смести и онесвестити? Оће ли онъ себе неразсудно и слепо по владаюћимъ гласима и по старинскимъ завычаима, само зашто су старински, управляти? Већемъ чопору само за то, зашто є већій, неразсудно и неразмышлѣно слѣдовати и подражавати? илити свакимъ и свакоякимъ мудрованіяма и присужденіяма неиспытно подлећи и поклонитисе? Оће ли онъ о истомъ лицу или вещи данасъ на єданъ начинъ, а сутра на другій говорити и судити? Оће ли онъ себе одъ сваке видимости мудра и побожна говореня, одъ свакогъ аполонскогъ изговора, одъ свакогъ кои се поноси, да ништа не вѣруе, и да о свемъ

сумня, илити одъ сваке суевѣрице и фанатика за носъ дати вући? Заисто; ко свагда право говори, онъ мора свагда право и мыслити и дѣлати.

Треће: Ко ни у єдной речине согрешава. Мои боголюбиви слишательи! Коєга є говоренѣ свагда истинито, кои пре внимателно мысли неголи говори, и не говори ништа друго него што мысли; ако ли по случаю нѣгово говоренѣ ніе свагда согласно съ свойственымъ и внутреньимъ состояніемъ вещій о коима онъ говори, а оно є, ништа манѣ, съ воображеніемъ и чувствованіемъ, коє онъ о онима вещма има, свагда согласно. Беседе су нѣгове знацы и изображенія истога тога, што онъ у внутрености своєй чувствуе. Никадъ се онъ не игра као малена деца съ самы знацы, нити као неки обманщики съ лажльивы новцы своє заимодавце иште да превара. Никада нѣгове речи не издаю умствованія и намѣренія, коя онъ ніе наканѣнъ имати; нити се кадъ фали съ онымъ што нейма. Правда да зато исто неће онъ нигда съ одсуѣиванѣмъ, съ обѣщаніяма, съ похвальиванѣмъ и съ опорочаванѣмъ као многи други, одвећь расточителянъ и раскошанъ быти; и често онде ће мучати, или мало што рећи, гди други єдва речій довольно наоде, своє почитаніе или презреніе, благоволѣніе или негодованѣ, благопріятность илити мрзость за осведочити; обаче што онъ каже, то є права истина, то є чисто и нелестно изображеніе нѣговы мыслій и чувствованія. Правда дакле, да онъ своє пріятельство, свою помоћь, послуге и защиту, свакомъ коига о томъ проси или не проси, ласно не обе-

щава; обаче кадъ онъ што комъ обеща, онда є крепко намѣренъ, и у свако доба готовъ, то што є обещао, исполнити и свршити. Онъ не пресиплѣ свакогъ кога годь сретне, съ учтивостнимъ обещаніяма, и съ пріятельства свога вѣчнимъ увѣреніяма, нити се намеће свакомъ за добровольна, препослушна и препокорна раба и слугу; обаче нѣгово премда умѣрено и ограничено почитаніе, право є и чисто высокопочитаніе, просторечно изяшнѣніе нѣгове преданости; срца є нѣгова и душе непоколебима преданость и присвоєніе. Нѣгова немногосложна зафалность искренна є и срдечна зафалность. Никога онъ преко разлога не похвалює, и нѣгова похвала често се у тако умѣреннимъ изреченіяма содржава, да спрама некимъ преухищреннимъ и надувенимъ похвалама єдва се за похвалу признати може. Обаче онъ чувствує цѣну вещи или лица, кое онъ похвалює; гди напротивъ други кои што фале и подижу, само съ празнымъ речма играюсе, и много кратъ, све противно томъ што говоре, мысле и умствую. Онъ редко кога немило опорочава; и у сравнѣнію съ многи други єдва се кадъ нѣгове речи опорочителне чине: но ако ли є онъ кадъ принуђенъ, оно што не валя, опорочавати, то заисто мора тога и достойно быти. Нѣгово єсть и ніє служи нѣму за сваку клетву: али нѣгово єсть, управъ є єсть, и нѣгово ніє сасвимъ є ніє. Нѣгова уста согласна су съ срцемъ нѣговымъ, и слободніе се свакъ може на нѣгове просте речи поуздати, него на велике несмысленога клетве. А како су годь речи нѣгове у свемъ животу нѣгову истините, тако су и богоче-

стіе, богохвалѣніе и молитва нѣгова управъ истините и евангелске. Молитва нѣгова, коя изъ преизлитія срца нѣгова извире и тече, ніе друго разве изображеніе, изяснѣніе и дѣйствіе синовске любови. Богу любве посвещава онъ свою побожность и целомудріе. У Богу радости наоди све свое веселѣ и радость. На Бога упованія полаже сву свою надежду. Божественно присутствіе одушевлява срце нѣгово; у нѣму дѣйствує; ньимъ влада и управля. Онъ чувствує потребу помоћи и защите, кою онъ одъ свемогућега Творца жели и проси; познає цѣну и величество благодѣянія, за коя є онъ вышнѣмъ Творцу дужанъ и обвезанъ; радує се дѣйствително о духовномъ сродству и союзу съ Богомъ (само и єдино благородство, коимъ се онъ дичи); обимлѣ съ истинномъ любовію савъ родъ человѣческій, коєму онъ свако добро жели: мрзи на сваку злобу и грѣхе, одъ кои се є онъ торжественно одрекао; чезне са своимъ душомъ своіомъ за степены евангелске мудрости и добродѣтельи, къ коима доспети и достигнути настои и усрдствує; сасвимъ є готовъ и поспешанъ, дужности кое є на се приміо, исполнити. На овый начинъ свагда и у свему вѣчно се согласіе наоди међу онымъ што онъ мысли и говори, и међу онымъ што обешта и твори. О каково благородно умствованіе! и каковъ преизрядный характеръ сва ова свойства у таковомъ човеку предполажу! какову любовь къ истини и къ поредку! колику чистосердечность и справедльивость! колико удалѣніе одъ свакогъ похлѣбства, ласкателства и улагиваня! и одъ свы преухищренія зависти и ревнивльивости! кое кра-

снородно и любко чувствованіе истинога достоинства! Не мора ли онай дакле, кои на овый начинъ ни у єдной речи не согрешава, савршенъ човекъ быти?

Правда онъ єсть таковый, и толико више, колико —

Четверто: Сва нѣгова говореня су неозлобителна, безвредна и благодѣтелна. Никадъ онъ не употреблява єзика свога на лажь, на превару, на оклеветаніе и на немило осужденіе. Никада онъ не беседи безъ высокопочитанія о Богу и о Богочестію, о истини и о добродѣтельи. Никада безъ смиреномудрія о самомъ себи; никада безъ благоволѣнія и похвале о добримъ намѣреніяма и похвалнимъ дѣлама братіе своє: никада безъ сожалѣнія и соболѣзнованія о туђой несрећи; никада безъ удобопростителногъ смилованя о слабостима и погрешкама ближньи свои: обаче никада безъ негодованя и скорби о ньиовы гресы и преступленіяма: никада съ гласомъ веселе и немарльиве шале о важнимъ и общеполезнимъ вещма: никада съ лукавозлобномъ вредорадостію о неполученимъ ожиданіяма и о осуєћенимъ упованіяма противника свои: никада съ шальивымъ смехомъ о непоредочествама и заблужденіяма, коя су како особитимъ лицама, тако и цѣломъ обществу штетна и пагубна: никада не соблажнява нити развращава онъ съ непристойнымъ беседама духъ и срце незлобивогъ юноше и стидльиве дѣвице: простоти детета и невѣже никада се онъ не руга: нити пакъ жертвуе мимотекућемъ, скороизчезателномъ и прелестномъ задовольству своегъ блистовидногъ остроумія, ніедну истину богочестія, ни єданъ

подпоръ человѣческогъ утѣшенія, ни єдну защиту добры нарава, нити найманю часть поштеногъ имена ближнѣга свога. Може ли онъ съ друге стране когалибо крозъ свою беседу одъ прелестоумія освободити? нѣгово просвештеніє благоуспешити, и нѣга къ познанству истине наставити и привести? може ли сумнителю узао сумнѣнія размрсити, и нѣму наставлѣніє къ известности приподати? може ли разцвелѣну и страждущему речь утѣшенія у срце улити? слаба и страшива своимъ пригласомъ ободрити? заведену и заблуђену руководство приподати? честь отсутствующа защитити и обранити? поштено име оклеветанога подиђи и обновити? заточено и протерано достоинство изъ тамности извести? несоразумѣнія и несогласія утишати? лажљиве гласе изобличити? одвеђь жестоке судове умегчати? децы и млађимъ повиновеніє, послушаніє и почитаніє къ родителѣмъ и къ старіима приусоветовати? къ приобретенимъ общеполезнимъ ученіяма, знаніяма и художествама своима трудолюбіємъ што пристеђи и придодати? коєлибо господствующе предразсужденіє и суєвѣріє ослаби ти? коєлибо іоштъ недостато полезно наравоучително основаніє у обычай увести? може ли онъ право человѣчества, свободе, добродѣтељи, богочестія и хрістянства доказати и обранити? може ли онъ браћо моя, што годъ одъ овы речены вещій учинити? О тада се онъ радує драгоцѣнномъ дару говореня! веселисе свакомъ благовременству, гди може овый предрагій даръ на нѣгову найблагороднію одреду употребити; ползуєсе съ таковымъ благовременствомъ радо и благоразумно; и

тада одъ преизобилія коимъ є срце нѣгово пуно, говоре уста нѣгова. Но никадъ нису речи нѣгове подобне стрелама ядовитимъ, кое уязвляваю срце, него балсаму, кои срце уранѣно лечи. Нису оружія неправде, него правде и истине; нити су орудія вреда и погибели, него благодѣянія и милости: свагда су любке и съ солю благоразсужденія разтворене. Све є ньіово намѣреніе, поболшеніе, миръ, утѣшеніе, радость и благополучіе. Каково дакле прекрасно и добродѣтелно срце предполажу и показую овакова говореня! кое дѣйствително человѣколюбіе! кою ревность къ благотворенію и къ всеобщей ползи! кою великодушну жертву блистателны дарова и преимущества! Съ коликимъ ће усердіемъ таковый човекъ сва посредствія за ползовати братію свою, предузети и употребити? Колико ли нѣму мора невозможно быти, съ свои дѣлы когалибо увредити, кадъ се онъ съ толикимъ опазомъ чува, ни съ речма кога не озлобити? Дакле мои боголюбиви слишательи, некъ садъ све довде речено присовокупимо, ласно ћемо сами познати, да ко на овый начинъ у речи не согрешава, кое га є сиречь говоренѣ по предписаному образу, свагда вразумително, точно опредѣлено, истинито, напредно и благодѣтелно, таковый мора у свакомъ призренію, съ кое га годь стране разсмотримо, мударъ, благородномыслећъ, хрістяноуманъ, добродѣтелянъ, целомударъ, и по речи Апостола преизряданъ и савршенъ човекъ быти.

Да заключимо ову нашу беседу, нека слѣдованя къ нашемъ обученію и къ упра-

влѣнію нашегъ содержанія и поводка одавде производећи.

Прво: Научитесе дакле мои предраги слишатељи, одреду, опредѣлеіе и цѣну говореня познати; и многообразный и неизказаный говореня союзъ колико съ нашимъ толико и съ други людій суѣнямъ, умствованіяма и дѣлама, спазити; и свое говоренѣ съ наравне стране више, него сте може быти досадъ чинили, сматрати. Немойте никада за све єдно, шта и како говорите, држати. Речи су знацы вещій; а такови знацы, кои ништа не значе, кои су криворазумѣнію подложни, или къ строптивимъ и къ опачнимъ намѣреніяма злоупотреблѣни, подобни су лажльивимъ новцыма, кои простога вараю, и кое свакъ ко іи познаєе, съ негодованіємъ и съ гнѣвомъ одъ себе одбаца. Наше су речи подобне покрову и одѣянію наши мыслій; како бы при єдномъ всеобщемъ преобученю и преображенію велико међу людма смущеніе постало, и како бы годь єдна маскирата скупштина безъ сумнѣнія више єдномъ чопору будала него ли собранію разумны людій подобна видласе; на истый начинъ и свакояка несоразумѣнія, несогласія, заблужденія, вредовите обмане и кавге изъ злоупотреблѣнія речій раћаюсе. Ово нека свакъ добро упамти, ко жели одъ зла єзикъ свой сачувати.

Второ: Есть ли оный, кои у речи не согрешава, савршенъ човекъ; тако имайте мои предраги слишатељи при подобнимъ погрешкама єданъ къ другомъ смилованѣ. Немойте врло скупо свако поползновеніе єзика подизати. Вы сами знате, да се врло често на то одзивати обычавате, и да се съ тимъ

изпричавате, да ніє тако ласно савршену бы-ти: а овде се заисто савршенства каса, ков, премда ніє немогуће, ништа манѣ весма се редко међу людма удешава: єрбо ово савр-шенство безъ особливы благополучне при-роде дарова, безъ врло доброгъ изъ младо-сти наставлѣнія, безъ неуспаватогъ сврхъ себе вниманія и опаза, безъ непрестанногъ упражнѣнія, безъ особито здравогъ разума, и безъ изящнодобра срца, мучно се имати мо-же. А колико се рѣће сва ова преимуще-ства заєдно наоде, толико є рѣће и савршен-ство; и толико манѣ остає намъ чудитисе, а-ко мы кадъ браћу нашу и сестре противъ овы предписанія поступати спазимо. Немой-те дакле заборавляти, при суђеню говореня ближньій свои и на то обазретисе, колико се често люди само съ речма играю; нити се-би наскучую ни муке задаю, да при свакой речи оно шта валя мысле. Може се ласно случити, да оный кои говори, врло редко то исто мысли, што се ономъ кои га слуша чи-ни. Како су годъ неопредѣлена, неоснована и непостояна выше части людій понятія и знаня, таке су имъ и речи, съ коима іи они изображаваю. Колико се кратъ другима чи-ни, да неки говорећи далеко некудъ нишане, кадъ ови о томъ и не мысле? Немойте бр-зо намѣренію озлобленя, оно што се често изъ итошти и недостаточна разсужденія ра-ћа, приписивати. Немойте предупредително за намерителну обману држати то, при чемъ оный кои говори, може быти да о обмани и не мысли; или ако криво говори, то чини єръ не зна другояче, криво и самъ будући упу-ћенъ. Разпознайте и различавайте говорећ

страсти и особитогъ любодобытка, илити интереса, одъ говореня спокойногъ духа и обще ползе желанія. Колико чешће упажате, да вы сами у говореню варатесе и погрешавате, толико добровольніе другима, ако се и они подобнымъ образомъ вараю и погрешаваю, пращайте.

Треће: Єли дакле оный, кои ни у єдной речи не согрешава, савршенъ човекъ? О некъ се сви паштимо къ овомъ блаженомъ совершенству, колико выше можемо доспети и достигнути, и къ овомъ концу испытаваймо сами себе съ безмолвіємъ духа, шта мы при нашимъ речма съ коима се найвыше служимо, мыслимо и чувствуємо; каква мы себи при томъ воображенія чинимо; и єда ли наше речи и говореня, дѣйствително то што мы мыслимо и чувствуємо, значе и издаю. Некъ приобычавамо колико себе толико и дѣцу нашу, внимателно и съ разсужденіемъ говорити. Одбацымо оно предрасужденіе и предупредителносудіе, аки бы общедружеско задовольство безъ єдногъ непресечнотекућега говореня и ветровита блебетаня обстаяти не могло. Изобличимо оно суєуміе о свакой ствари, како є да є говорити, и сврхъ свачега оштро одсуђавати. Мудрость свагда нека насъ опоминѣ, при свакомъ нашемъ говореню, о соотношеніяма и обстоятелствама, у коима се, како мы тако и наши слишательи наоде, да по томе разумніе наше беседе управляюћи, већу ползу приузрокуємо. Познаймо разсужденіе и себе отрицаніе. Предпочитаваймо добрознанство многознанству, и не променюймо основателно съ онымъ што се само блиста, нити оно што научити и по-

болшати може, съ онымъ што само забавля и увеселява. Не смѣнимо съ ума могућа и истиноприлична слѣдованя, коя се могу изъ нашегъ говореня родити. Показуймо свагда отмѣнно чествованіе къ беззлобной и чистосрдечной простоти. Истинолюбіе, добродѣтелилюбіе и человѣколюбіе, нека съ нашимъ срцамъ, говоренямъ и дѣлма владаю и управляю: и тако ћемо къ совершенству, къ коему тежимо, и коѥ ѥ нашегъ усерднѣйшегъ желанія достойно, све то выше приближитисе и доспети: и Бога, нашега творца и оца, съ тѣломъ нашимъ и духомъ прославити, коѥму буди честь и слава во вѣки, Аминь.!

ПѢСНА

О

ИЗБАВЛѢНІЮ СЕРБІЄ.

У БЕЧУ,

При Іосифу благород. от Курцбекъ.

1789.

Препечатано у Београду 1833 годинѣ.

О Вѣкъ златный! О мила времена!
О веселя и сладке радости!
Сербія є наша избавлѣна!
Блага желя одъ наше младости!

Мусе, кћери неба Господара,
И Грације, три миле Сестрице!
Гласъ ми дайте высокогъ Пиндара,
Даръ да славимъ Божіе Деснице.

ІОСИФА ВТОРОГЪ, славногъ Владѣтеля,
Великога Римскога Цесара,
Сербіе миле благогъ Спасителя,
Кои силу султанску обара.

Сербія є мила избавлѣна!
Некъ вопіе и Дунавъ и Сава;
Сва є желя наша испунѣна,
Каква є то Цесарова слава!

Орле хвалный, Бѣлиграде славный!
Узвишуйсе превыше облака,
Гласи твои некъ су Свету явни,
Єръ у теби већъ нема Турака!

Нейма Ооца ни луды Аџія!
Гордельивы нейма Яничара!
Нити Турски Аага ни спаія!
Ни ньіовы ножа ни анџара!

На верховы высоки планина,
Некъ се чую пѣсне одъ юнака;
По ливадамъ веселы долина,
Сладки гласи Сербски девояка.

Нека пою и весело кличу,
На похвалу Римскоме Цесару;
Виватъ ІОСИФЪ ВТОРЫЙ! нека вичу,
Сербіе миле, милый ГОСПОДАРУ!

Сладкопѣвна Лира Аполлона
Нека свое гласе произноси,
И некъ слави храброгъ ЛАУДОНА,
Аустрія съ коимъ се поноси.

О вовѣки предрага Имена
ІОСИФА и ЕКАТЕРИНЕ!
Васъ ће славит' премнога племена,
Зашто крозъ Васъ турска сила гине.

И Варварство! и Глупость! и Тута!
Све то скупа изъ Европе бѣжи;
Мучителство пропада и куга,
Єръ Варваринъ садъ у прау лежи.

Жителнице премудре Парнаса,
Піеріе Пинд' и Еликона!
Вашега є то достойно гласа,
Кодъ Дунава што быва и Дона.

Славна дѣла Саксонскога Кнеза,
КОБУРГА намъ храброгъ Генерала,
СОВАРОВА, Россійскогъ Витеза,
Предъ кима є Турска сила пала.

Везиръ силный ланце съ собомъ вуче,
Да съ ньим' наше витезове веже.
Свое Турке изъ топова туче,
Безъ обзира видеѣ' іи да беже.

А кадъ види, да є до неволѣ,
И самъ ити да изнесе браду;
Нейма веће до везаня волѣ,
Юнацы се везати не даду.

Яничари тужне гласе дижу,
Што пре могу беже безъ турбана;
Ако оће да праа не полижу,
Нитъ одъ себе да чине курбана.

Правдо Бож'я и Судбино Света!
Твоє око никада не дрема;
За неправду ово є освета,
То некъ чека ко годъ правде нейма.

Выситесе ОРЛИ ДВОЄГЛАВНИ,
На Врачару, Тавру и Кавкасу!
Вы сте сада на свемъ свету славни,
Єръ се съ вами нове землѣ красу.

Сербія мила садъ у нѣдры носи
Цесарова Славна НАСЛѢДНИКА;
Нѣга люби и съ ньимъ се поноси,
Босни каже: ЕВО МОЯ ДИКА!

Сестру свою любко увѣщава,
Да не губи време, шта већъ чека?
Сунце сія; некъ се просвещава!
Некъ не лежи у мраку довека!

Досіѳей Обрадовићъ.

ПЛАЧЪ

ЗА ДВА ПЕТАКА*)

Sine crimine lusi.

Яо моя ядна два петака!
Пропадосте стара и неяка.
Мени тежке зададосте муке;
Єръ у туђе вы одосте руке!
Сутра ћу я гладоват' до мрака,
Безъ васъ мила моя два петака!
Мрачни су ми по Бечу сокацы,
Люто тужимъ за мои петацы!
Тавни су ми и суначни зрацы,
Одъ жалости за мои петацы.
Каква су то была два петака,
Старосложна и оба єднака!
Да васъ прождре и Дрàва и Сава,
Зашто мене остависте сама!

*) Ко є радъ да ограише, и да плати 2 петака, нека очита, или ако не уме читати, нека слуша, кадъ други чита песму ову, коіой є овай случай поводъ дао: „Идући єдномъ съ вечере свратимсе у єданъ пріятельскій домъ, у коєму нађо брата и сестрицу, гди се — съ єдномъ игрицомъ — забавляю. Пристанемъ и я съ ньима, алъ на моє зло; єръ изгубимъ два петака, како дома дођемъ, зачнемъ овако тужити.“

Я садъ тужимъ и плачемъ за вами,
А вы некудъ шпацирате сами.
Дошла на васъ беда свакояка,
О невѣрна моя два петака!
Плачу за ме Сербльи и Бошняцы,
Пытаю ме, гди су ми петацы!
Сестра и братъ мени придобише
Два петака моя освоише:
Братацъ єданъ; а сестрица другій,
Мене ядна предадоше туги.
За мене ће кукат' кукавица,
И тужити за ме ласта вица.
Два петака люте моє ране,
Сутра ће ми безъ васъ данъ да сване!
Смилуйте се Сербльи браћо драга!
И нудеръ ми вы пошльите свак' по два петака.

ПЕСМА

ЗА ДВА ПЕТАКА*)

— Si hodie male est, non semper erit.

Я самь звао на помоћь ми Кралѣвића Марка,
Младогъ Мусу Арбанаса, и Релю Бошняка,
Те самь опетъ придобіо моя два петака.
Моліо самь и звао самь Воєводу Янка,
И нѣгова млад' делію, Секулу нећака,
И тако самь прідобіо моя два петака.
Сердечно самь призивао Змай огнѣна Вука,
Милутина Арамбашу, на гласу айдука,
Радивоя и Груицу, и старогъ Новака,
Зато я садъ опетъ владамъ съ моя два петака.
Радую се сада самномъ Сербльи и Бошняци,
Срећу мени честитаю на гласу юнацы;
Єръ су ми се опетъ мои вратили петацы.
Садъ су мени светла места, сви Бечки сокацы,

*) Ко жели курталисатисе беде, и не платити два петака, нека очита или нека чуе ову песму, кою є овай догађай приузроковао. — „Данасъ у неделю после подне, неимаюћи никаква посла, отидемъ посѣтити моє познате пріятелѣ, и по свой прилицы валяда ми є овай данъ на добро освануо; єръ придобы моя два петака, и пунъ радости и веселя, враћаюћисе дома,овако самь путемъ певао.

И садъ радо лице гледимъ млады девояка;
Єръ самь опетъ придобыо моя два петака.
О добро сте ми опетъ дошла моя два петака!
Одъ старине начиниѣна обадва єднака;
Нећете се вы изъ мои већь измаћи шака,
Волети ћу у напредакъ, изгубити главу,
Негъ изъ руке изпуштати поштенѣ и славу,
И васъ опетъ пошиляти у Драву и Саву.
Я ћу одъ садъ и за свагда пребывати съ вами,
Нити ћете вы безъ мене шпацирати сами;
Да се братацъ и сестрица подсмеваю съ нами.
Играти ћу и пѣвати одъ ютра до мрака,
Весел'те се и вы самномъ Сербльи браћо драга!
Нитъ ми выше вы шальите, свак' по два петака.

ОБРАДОВИЋЬ.

ДОДАТАКЪ

къ числу 86 Новина Србски.

год. 1820. у Бечу издаваны.

СМѢСИЦЕ ЖИВОТОПИСНЕ.

Досіѳей (Димитрій) Обрадовићъ.

У Вієни у Штраусовой печатньи изишао є за 1820. годину календаръ подъ именомъ: „Gemeinnütziger und erheiternder Hauskalender für das österreichische Kaiserthum“ (общеполезный и развеселителный домашньій календаръ за австрійско царство). Садржаніе нѣгово подробно овде ставити, не допушта намъ просторъ листа нашегъ. Но то можемо увѣрити, да є садржаніе нѣгово млогозанимателно, и да ће се слабо календара наћи, у комъ су толике ствари списане, као у овомъ домашнѣмъ календару. Измеђъ осталы струка посвећено є выше листова и описанію живота паметодостойны мужева австрійскога царства. Тако є измеђъ владѣтеля Царъ Максімиліянъ Првый, измеђ' войника Кнезъ де Линъ, одъ учены државника Зонненфелсъ, одъ обранителя отечества Марцелинъ Ортнеръ, одъ свирача Терезія Парадизка, одъ учены мужева нашъ Досітей Обрадовићъ описанъ. Ево како рѣчи описанія тогъ самогъ гласе:

„Учени.

Обрадовићъ, воспитатель сыну Црногъ Георгія.

Чудно є подобіє, коє критическо око испытателя повѣсти измеђъ судба паметодостойногъ овогъ Србльина и судбина налази, коє су нѣкадъ славногъ оногъ скитскогъ мудраца Анахарзиса, найискренієгъ пріятеля Солоновогъ, постигле. Готово изъ исты причина, изъ кои є и Анахарзисъ ишао, подигаосе Обрадовићъ изъ крыла земляка свои и прошао є свѣтъ унакрстъ, да бы разне обычає и завычає, кои измеђъ смртны на земльи царстую, познао. И тиме є име другогъ, србскогъ, Анахарзиса праведно заслужіо! Обрадовићъ є прошао разне землѣ: Грчку, Албанію, Италію, Немачку, Француску, и Енглеску, и научіо є єзыкъ сваке землѣ, крозъ кою є пролазіо; а читао є и класическе списателѣ свакогъ народа, кодъ кога є пребывао, и после 25годишнѣга путованя вратіосе, као и Анахарзисъ, благомъ сабрана искуства красна снабдѣнъ, къ добрымъ своимъ, но іоштъ на нискомъ степену ображенія стоявшымъ, земляцыма, и трудіосе неограниченымъ усиловеніємъ, и ньи усавршити, и срећныма учинити ображеніємъ. Велика є цѣль была, кою є предъ очима имао, и єдиный благородный, духомъ найчистіє любови къ отечеству одушевлѣный, трудъ, да є савршено докучи.

Обрадовићъ є безпрекословно врло славанъ, и у кньижевномъ свѣту врло почи-

таємъ мужъ. У књижевнымъ Єнайскимъ новинама писано є за грчкога нѣкогъ філософа Досітеа, да є у првой десетыньи 19. вѣка у Бѣограду училище по немачкомъ начину устроіо; то нико другій ніе, но нашъ славенскій философъ Димитрій Обрадовићъ, кои є књижевныма подъ именомъ монастырскимъ Досітея выше познанъ, и у последнѣмъ мѣсту свога пребываня добрымъ духомъ у свою стіхію поставлѣнъ, да уређеніємъ разны училищны заведенія о просвећенію своегъ народа ради. — Но и єсу велике заслуге быле, кое є Обрадовићъ, као списатель у образенію рода своегъ заслужіо. Онъ стои на врру прві народны списателя у Србаля, ни єданъ ніе нѣму ни у слави ни у заслуги раванъ. Онъ є писао србскимъ нарѣчіемъ, као што се данасъ говори, нарѣчіемъ, кое є славенскоме ближе одъ русійскогъ, и то зато, да бы га, као што самъ каже, сви сынови и кћери одъ Црне Горе до Смедерева и Баната разумѣли.

Своmъ описанію живота предпослао є Обрадовићъ врло важно, и шальивымъ уметцыма гдигди искићено, писмо, кое є пріятелю своmъ и земляку Харалампію изъ Липска писао, и кое намъ высокій образъ о славноме томе мудролюбцу поставля. Изъ нѣга дознаємо са свимъ и редъ, за кои є писао, и причине и обрану нѣговогъ новосрбскогъ писаня, а при томъ и чудне нѣгове судбине, како се у времена, кадъ є Царъ Іосифъ II. скиптаръ владѣнія у австрійскимъ државама држао, одъ магле тамногъ калуђеризма ослободіо, и къ свѣтлости славе свое попео,

коя му є, као найпросвећеніємъ мужу, у среди рода пристояла.

Млога су затруднѣнія, млоге тегобе и млоге бриге Обрадовићу у путованю нѣговомъ на путу быле, и опетъ є онь дѣятелный свой животъ врло далеко дотерао. 71 годину живіо є, и отишао є, съ благородномъ савѣсћу, да є стазу земногъ своѓъ живота добро прошао, 2. Апріла (или 21. Марта по старомъ) съ овогъ свѣта. Славный архімандрітъ Шишатовачкій у Срему, Мушицкій, саставіо є смрти нѣговой оду србскимъ єзыкомъ, са свимъ по духу стары, и по старой алкайской мѣри подъ именомъ: „Сѣни Доситея Обрадовића.“*) О да бы свакій одъ добры нѣговы земляка на гробу нѣговомъ оне рѣчи рекао, кое є у реченомъ ономъ писму желіо, да му земляцы нѣгови на гробу нѣговомъ рекну: „како ћу красно за савъ мой трудъ быт' награћенъ, кадъ ми нѣкадъ землякъ кои на момъ, зелениломъ покрывеномъ, гробу рекне: Овде нѣгове србске кости леже, Онъ є Родъ свой любіо. Споменъ нѣговъ траяће на вѣки! Да! на вѣки ће Обрадовићъ у памети добры своіи земляка живити!”

Тако гласе рѣчи календара оногъ.

---

*) Ода се ова такођеръ овде препечатана прилаже.

СЪНИ

ДОСИѲЕА

ОБРАДОВИЋА.

У БУДИМУ.

Тѵпомъ Кралѣвскоґ Универсітета.

1811.

Препечатано у Београду 1853. године.

Seine Hochachtung soll jedes Volk den Männern weihen, durch die es erleuchtet und gebessert ward; ihre Bilder soll es ehren, ihr Gedächtniss soll es feiern; und alle Herzen werden vor Begierde glühen, eben so gross und edelmüthig zu seyn.

Zimmermann.

О Д А.

Видѣвшій многе народе, градове,
И школе, нраве, своєму Роду на
Стократну ползу, сребровласый,
Милый ОБРАДОВИЧЪ на вѣкъ усну.*)

---

*) **21 го Марта 1811. жизни своє 72. лѣта.**

У Бѣломъ Граду, новомъ позорищу
Мышица сербски, куд' 'га намъ приведе
Изъ Треста любовь тепла к' своимъ,
Каменъ га с' надписомъ краснопростымъ

Покрыва дично: СЕРБСКЕ 'МУ НѢГОВЕ ЗДѢ КОСТИ ЛЕЖЕ; РОДЪ Є СВОЙ ЛЮБІО.
Движе се умъ и сердце добрыхъ;
Вси благодарности свете полни.

Гледамо тако, мегшега чувства вси,
На вочьку в' єсень, плодовъ си лишену;
На гране вечь безлистне, сухе:
На паметь долазе сѣнка, плоди.

Пробужденъ рано, срећный ДОСІѲЕЕ,
И насъ и тебе любящимъ Геніємъ,
Ты выдѣ міръ, и купи мудрость
Нѣмцевъ, Французовъ, Енглезовъ, Грековъ.

За брат'ю свою (как' Анахарзисъ за
Нелѣне Скѵѳе), ревност'ю, подвиги,
Не златомъ богатъ; вкусивъ нектаръ
Истине, поити жедне нача.

Мінервинъ кому домъ неприступанъ єсть,
Толмачъ же нужданъ въ беседи Праотцевъ,
Тай тебе чита; чтома слуша
Буквонеискусанъ: Все имъ ясно.

Ты свѣта жельнымъ отвори царскій путь,
Колики съ тобомъ путую, мудрую!
Куд' умъ, куд' воля, куда сердце
Тежити должно єсть, радо чую.

Открывашъ мудро басномъ ласкателство,
Клевету, зависть; лѣпъ благородства щитъ
На доброй токмо руцы славишъ;
Казнити умешъ надменну гордость.

Всякъ древо хвали плоду по доброму:
Честь онда мужу, то насадившему.
Астрее спутникъ проста, знатна
Словомъ Аспасіє в' дружбу водишъ.

Престрого кадкадъ онъ обличавао:
Обаче вѣрный ученикъ Сократовъ
(Прощаймо жару добру) нерадъ
Вудѣти умъ богоданный рабомъ.

Ты себи вѣчный воздвиже памятникъ,
К' высокой цѣли влекущъ пресилно Родъ.
Почивай тихо, душе чистый,
С' крѣпкима духови храбрыхъ Отцевъ.

У м. Раковцу 24. Аггуста 1811.

ЛУКІАНЪ МУШИЦКІЙ.

А. Е. М. Протосиггелъ.

ИМЕНА ГГ. ПОДПИСНИКА

на

II. часть ову,

А. СЕРБІЯ.

Београдъ Србскій.

Послани одъ Г. Георгія Милутиновића, Црногорца, познатогъ и отличногъ Ревнителякньижеству и просвѣштенію Србскомъ.

Преподобнѣйшій Г. Іосифъ Николай Вукмировићь, Игуманъ общежит. Манастира Николѣ.
Преподоб. Г. Іосифъ Маријь, Іеромон. общежит. Манастира Раванице, рођенъ у Руми.
Пречестный Г. Илія Влайковићь, Намѣстникъ, изъ села Баѣевца.
Честнѣйшій Г. Стефанъ Поп-Максимовићь, пар. Белогъ Потока.
Честнѣйшій Г. Илія Станоєвићь, парохъ Зеочкій.
Благородный и высокоуч. Г. Аѳанасій Ѳеодоровићь, Діректоръ Школа Београдскій и проч.
Благор. и высокоуч. Г. Вартоломей Кунибертъ, Београдскій Фгзікусъ, за сына своегъ Любомира.
Благор. Г. Ігнятій Василієвићь, Цес. Кралѣвскій Толмачъ.
Благор. Г. Цветко Раєвићь, Директоръ Поліціе Београдске, Руссійско-Императорскогъ Владимир'-Ордена, четвертогъ степена Кавалѣръ.
Благор. Г. Сімеонъ Милутиновићь, Сарайлія, Списатель Србскій, новопрозваный Чубро Чойковићь.
Благор. Г. Петаръ Поповићь, членъ Поліціе Београдске.
Благор. Г. Маѳей Ивановичь, Апотекаръ.
Благор. Г. Дамнянъ Радлѣвацъ, домостроитель кодъ Єго Сіятелства, Господара Єфрема Обреновића.
Благор. Г. Рая Дамяновићь, Писаръ кодъ Єго Сіятелства, Господара Єфрема Обреновића.

Поштенородніи ГГ. Трговцы и жителыи Београдскій:

Милутинъ Радовановићь, трг. и жит. Београ., за себе и Супругу свою Анну, за сынове своє Константіна и Александра, и за кћерь Драгиню. 5

— ● —

Манойло Стефановић, трг. и жит. Беогр. за сына свогъ Стефана.
Ђорђе Главинић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Мостару у Ерцеговини.
Павле Марковић, трг. и жит. Беогр. членъ благоизбраногъ руфета Купеческогъ.
Лука Савић, Гарашанинъ, великокупацъ марвеный.
Милое Радое Божић, великокупацъ марвеный.
Марко Радовановић. трг. и жит. Беогр., за кћерь свою Василію, ученицу I. класе.
Манойло Величковић, трг. и жит. Беогр.
Цветко Стефановић. трг. и жит. Беогр.
Риста Дамянъ Милушић, трг. и жит. Беогр. за сына свогъ Петра.
Ђорђе Попадић, трг и жит. Беогр.
Илія Милосављевић, трг. и жит. Беогр.
Анастасъ Христодуловић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Тесалонику.
Никола Дука Бешика, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Клисури у Мацедоніи.
Димитрій Наумъ Ичко, трг. и жит. Беогр.
Іованъ Неимаровић. трг. и жит. Разузанскій, рођенъ у Мостару.
Євта Поповић, трг. и жит. Беогр. за кћерь свою Александру, ученицу I. классе.
Сава Нешић, Пазарацъ, за сына свогъ Живка.
Міхаилъ Игнятовић, трг. и жит. Беогр.
Ламбре Міхаиловић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Пазарцику.
Никола Стояновић, трг. и жит. Беогр. на прву и на другу Часть.
Стефанъ Коста Поповић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у селу Любанцу, у Наіи Скоплянской.
Василій Думэ Спира. трг. и жит. Беогр. рођенъ у Клисури у Мацедоніи.
Петаръ Нешковић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Ерцеговини.
Димитрій Дана, трг. и жит. Беогр.
Алекса Дамняновић, трг. и жит. Беогр.
Іованъ Коста Поповић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у селу Любанцу, у Наіи Скоплянской.
Ѳеодоръ Ѳеодоровић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Сараеву.
Даніилъ Стефановић, трг. и жит. Беогр. рођенъ у Пореч у, на прву и на другу Часть.
Стоянъ Хаци - Гроздић, трг. и жит. Пазарцикскій.
Настасъ Илия Трояновић, трг.
Голубъ Марковић, Абація Беогр. за сына свогъ Аѳанасія, ученика I. классе.
Коста Наумовић, абація Беогр.
Ђорђе Іовановић, Белка, абація Беогр. рођенъ у селу Ритопеку.
Илія Миловановић, абація Беогр. за сына свогъ Милоя.
Димитрій Георгієвић, терзія Беогр. рођенъ у вароши Блацу у Мацедоніи.

Міхаилъ Аѳанасіевићь, ковачъ Беогр.
Васо Спасићь, сапунција, рођенъ у Прокуплю.
Стойко Спасићь Сапунција, родомъ изъ Крушевца.
Коста Станисавлѣвићь, трговачкій калфа.
Вукашинъ Обреновићь, тргов. калфа.
Стефанъ Сремићь, тргов. калфа.
Аѳанасіе Милосавлѣвићь, тргов. калфа.
Димитріе Гавриловићь, лецедерскій калфа.
Аксентіе Илиићь, терзіискій калфа, рођенъ у Ягодини, на прву и на другу Часть.
Никола Стояновићь, терзіискій калфа, рођенъ у Ягодини, на прву и на другу Часть.

Ученицы велике школе Београдске:

Стефанъ Марковићь.
Антоніе Ранковићь.
Сретенъ Поповићь.
Іованъ Перуничићь.
Миланъ Давидовићь.
Алекса Ненадовићь.
Константинъ Янковићь.

Козѣлъ у Наіи Рудничкой.

Благородный Г. Марко Ракићь, Капетанъ Качерскій.
Поштенор. Г. Петаръ Козеляцъ, марвеный трг. на прву и на другу Часть.

Сараєво у Босни.

Поштенородніи ГГ: Лука Филиповићь, трговацъ.
Лаза Ђурићь, трг. рођенъ у селу Влаићу у Наіи Тешанской.
Трифко Пушерићь, трг. рођенъ у Ерцеговини у Гацку, на прву и на другу Часть.

Валѣво.

Благородна Господа Членови Суда Вароши и Наіе Валѣвске:

Єфремъ Ненадовићъ, Предсѣдатель.
Гаја Дабићъ, членъ.
Миња Янчићъ, членъ.
Іосифъ Обрадовићъ, писаръ.
Миланъ Драићъ, практикантъ.
Александеръ Ненадовићъ, практикантъ.
Танасіе Ненадовићъ, практикантъ.

Капетани:

Павле Даниловићъ, Посавскій.
Павле Симеоновићъ, Тамнавскій.
Никола Ракићъ, Колубарскій.
Анта Іовановићъ, Подгорскій.

Писари капет.

Марко Павловићъ, Посавскій.
Павле Гудовићъ, Тамнавскій.

— • —

Велимиръ Ракићъ, Колубарскій.
Петаръ Стефановићъ, Подгорскій.

Крагуєвацъ.

Послано одъ Благор. Г: Стефана Радичевића, Княжескога Секретара, и директора Канцеларіе.

Благородна Господа члени Суда Народногъ Србскогъ:
Милета Радойковићъ.
Милосавъ Здравковићъ.
Ђорђе Протићъ.
Янићіе Джурићъ.
Благор. Г. Лазо Зубанъ, Секретаръ суда Народногъ.
Благор. Г. Ђорђе Чанићъ, регистраторъ при суду Народномъ.
Благор. Г. Іованъ Сарановацъ, Писаръ.
Благор. Г. Александръ Загорица, писаръ при суду Народномъ.
Благор. Г. Стефанъ Радичевићъ, Секретаръ и Директоръ княжеске канцеларіе.
Благор. Г. Павле Іовановићъ, Секретаръ княжескій.
Благородный Г. Яковъ Якшићъ, главный казначей, за себе и сына свога Владимира. 2.
Благор. Г. Александеръ Янковићъ, Регистраторъ при кан-
Благор. Г. Міайло Димитрієвићъ, практикантъ при финанціи Народной, за брата свога у Земуну, Живка Николића.
Любомиръ и Миланъ Петронієвићъ. 2.
Євремъ Андреєвићъ, ученикъ.

Послани одъ Благор. Г. Иліе Мандића, Учителя.

Пречестнѣйшій Г. Іоаннъ Стефановићъ, Протопресвитеръ Крагуєвачкій за сына Савву, ученика II. класе.,
Преподобный Г. Димитрій Войводићъ, Намѣстникъ М. Драче.
Благор. Г. Іоаннъ Хаци Трифковићъ, Писаръ Гружанскій.
Поштенор. Г. Димитрій Милоєвићъ Трговацъ, за сына Іована.
Вуле Трифуновићъ, трг.
Димитрій Андреєвићъ и Іованъ Стойковићъ, трговцы. 4.
Лазаръ Илићъ, трг. (марвени).
Антоніе Ђорђевићъ, трг.
Младенъ Стойковићъ, Практикантъ у Магистрату Крагуєв.
Петаръ Стойковићъ, ученикъ у Земуну.

Оффицыри.

Благор. Г: Єфремъ Гаићъ, Оффициръ 1ве- Княжеске Гарде, родомъ изъ Села Шушеоке, Н. Валѣвске.
Благородный Г. Милошъ Тайсићъ, оффицыръ 1ве- княж. Гар: родомъ изъ Села Чачка, Н. Пожешке.

Илія Вукићевићъ, оффицыръ 1. княж. Гар. родомъ изъ Села Опарића, Н: Ягодинске.
Іовица Николаєвићъ, оффицыръ 1. княж. Гар. родомъ изъ Села Сипића, Н: Крагуєвачке.
Тома Катићъ, оффицыръ 1. Княж. Гар. родомъ изъ Села Рогаче, Н. Београдске.
Риста Тодоровићъ, Стражмещеръ 1. Княж. Гар. изъ Шабца родомъ.

Ученицы веће Классе.

Антоніє Топаловићъ.
Миланъ Антонієвићъ.
Іосифъ Поповићъ.
Іоаннъ Ђорђевићъ.

Милановацъ.

Послани одъ Благороднога Г. Іована Анастасієвића, Писара Магистратскога:

Благородна Господа: Стефанъ Стефановићь, Капетанъ Милановачкій. 2.
Глигоріє Илієвъ Павишевићь, Секретаръ Канцеларіє М.
Іованъ Анастасієвићь, Писаръ Магістрата М. за сына ђоку.

Нова Варошь у Староме Влау.

Послани одъ Благоразумногъ Г. Стефана Груборовића, Учителя, родомъ изъ Босне, места Руишке.

Ученицы Ш. нормалне Классе:

Стефанъ Іаковићь, сынъ Капетановъ.
Никола Вилотевићь.
Нешко Орловићь.

Ученицы П. нормалне классе:

Вукадинъ Плавићь.
Риста Стевовићь.
Васіліє Друновићь.
Коста Марковићь.
Ѳеодоръ Севдићь.

Ученице П. нормалне классе:

Іока Борисавлѣвића.
Василія Кнегиньина.

Палежъ.

Послани одъ Честнѣйшегъ Г. Пароха Марка.

Чес. Г. Райко Антонієвићъ, Парохъ Вуконячкій.

— • —

Чес. Г. Дамянъ Поповићъ, Парохъ Звечанскій.
Благоразум. Г. Димитріе Ђурђаковићъ, учитель.
Никола М. Михайловићъ, ученикъ.
Поштен. Г. Аксентіе Миленковићъ.

Пожаревацъ.

Послани одъ Благороднога Господина Стефана Богоєвића, Секретара Суда Пожаревачкога.

Благородна Господа: Іосифъ Милосављевићъ, Капетанъ.
Стефанъ Євтићь, Членъ Суда Пожаревачкога.
Неделько Ђоковићь, Членъ Суда Пожаревачкога.
Стефанъ Богоєвићь, за сына своєга Іоана.
Іованъ Дугалићь, Івый Кметъ варошкій, и Постмайстеръ.
Станоє Миленковићъ, Полицай варошкій.
Івко Міхаиловићь, Ученикъ у Канцеларіи.

Послани одъ Честнѣйшегъ Г. Іосифа Стефановића, Пароха Пожаревачкога.

Пречестнѣйшій Г. Єлісей Марковићь, Протопресвитеръ Пожаревачкій, за сына своєга Живка, ученика прве Классе.
Честнѣйшій Г. Іосифъ Стефановићь, Парохъ Пожаревачкій.
„Илія Поповићь, пар. Пожаревачкій.
„Кирїллъ Євтићь, Капеланъ Лучичкій,
Поштенородніи ГГ. Мита и Ђока Савићи, трговцы.
Ђока Аѳанацковићь, трг. за сына Танасія.
Тома Аѳанацковићь, трг.
Сава Кнез' Милутина сынъ, трг.
Благоразумный Г. Стефанъ Максимовићь, Учитель Пожаревачкій, за сына Светозара.

Ученицы I. классе:
Илія Г. Капетана Коце сынъ.
Димитрій Г. Капетана Стеве Євтића унукъ.
Димитрій Г. Капетана Стеве Стояновића сынъ.
Димитрій Костићь.
Христифоръ Петровићь.
Стоядинъ Милићевићь.
Димитрій Станисављевићь, ученикъ II. классе.
Димитрій Стефановићь, ученикъ III. классе.

Смедерево.

Послани одъ Благор. Г. Антонія Протића.

Благородный Г. Іованъ Ристићь, Писаръ Ђумрукскій, и совокупитель.
Ѳаса Кузмановићъ.
Александеръ Хаци-Трифковићь.
Почтенороднїи ГГ: Маѳей Ранковићь, марв. трг. изъ Азанѣ.
Павле Янковићь, Крнѣвацъ.
Милоє Павловићь, Болтація.

— • —

Павле Лазаревић, Болтација.
Кара Павле Симеоновић.
Георгіє Љотић.
Стефанъ Іованчић, Капетановъ.
Георгій Петровић, трг.

Цариградъ.

У Депутаціи Србской:

Благородніи ГГ: Лазаръ Ѳеодоровић, предсѣдатель.
Марко Ђорђевић, членъ.
Іованъ Антић, членъ.
Іованъ Гавриловић, секретаръ.
Алексіє Петропуло, драгоманъ.
Тодоръ Петровић, драгоманскій практікантъ.

Чрезвычайніи, привременніи Депутірцы:

Благородній ГГ: Стоянъ Симић, членъ Суда народногъ.
Димитрій Давидовић, княжескій Секретаръ иностранны дѣла, и Краковскогъ ученогъ дружства членъ.

Чачакъ.

Послани одъ Благор. Г. Василія Симића, Секретара Губернаторова.

Пречестнѣйшій Г. Янко Мияйловић, Молеръ, Протопрезвитеръ изъ Негришора.
Благ. Г. Сима Янковић, капетанъ цѣлогъ старогъ Влаа и нове вароши.
Благ. Г. Пантелія Х. Продановић, Армицаръ.
Благоразум. Г. Теодоръ Живковић, учитель.
Поштен. Г. Стефанъ Петровић, трг. рожденъ у Селу Добриньи у Н: Ужичкой.

Благонадеждни ученицы:

Симеонъ В. Симић.
Василіє Симеоновић.
Іованъ Василѣвић.
Пошт. Г. Іосифъ Николић, ѣнимъ.
Пошт. Г. Стефанъ Чолакушић.
Пошт. Г. Димитріє Тешић.
Пошт. Г. Іованъ Обрадовић.
Пошт. Г. Миливоє Марковић.

Шабацъ.

Послани одъ Благородногъ Господина Теодора Бояница, члена Суда Нахіє Шабачке.

Благородный Господ. Станко Юришић, предсѣдатель Суда Н: Шабачке.
Лука Рельић, отъ стране Ядра и Рађев: Чл: Суд.
Михаилъ Христовић, писаръ Суда Шабачкогъ,

— • —

Гаврилъ Бошняковићъ.
Маринко Радовановићъ, Практикантъ Суд. Шаб.
Радивой Милованчевићъ.
Ђука Марковићъ, Капетанъ Посавскій.
Марко Лазаревићъ, Капт: тамн: за себе и Сына Светозара, 2.
Пречестнѣйшій Г: Іованъ Павловићъ, протопр: Шабачкій.
Честн. Г. Лазаръ Филиповићъ, намѣстн: Манастыра Каоне.
Янко Протићъ, Парохъ Свилеовскій.
Константинъ Бабовићъ, парох. Коцелѣвачкій.
Янко Теодоровићъ, пар. Белотичкій.
Георгій Радовановићъ, пар. Глоговачкій.
Гаврилъ Берійћъ, пар. Богатичкій.
Андрей Симићъ. пар. Глушачкій.
Поштенородный Г: Кузманъ Лазаревићъ, трговацъ Шаб:
Іоса Куртешевићъ.
Павле Михаиловићъ, терзія.
Іованъ Стойковићъ
Іованъ Ковићъ, Трговацъ.
Заріа Недельковићъ, Майсторъ ћурчинск. заната.
Живанъ Петровићъ, трговацъ Шабачкій.
Пантеліа ћукићъ, жит: Лютичкій, за Георгіа сына.
Теодоръ Алексићъ, трг. Шабачкій.
Господинъ Радованъ Пантелићъ, Учитель Богатичкій за Супругу Юліану, и Сына Макевію. 2.

Ученицы Богатичкіи.

Димитрій Дражићъ.
Станойло Іокићъ.
Стоянъ Обрадовићъ.
Милошъ Катићъ.
Матіа Стоядиновићъ.
Лазаръ Лукићъ.
Стефанъ Милићевићъ.

Арадъ.

Благородна Гжа. Евстахіа отъ Арсичъ, перва Списателница србска.

Бечъ.

Высокоученый Г. Вукъ Стефанов. Караџићъ, філозофіе Докторъ, различны учены дружства Членъ, познатый Літтераторъ Србскій.

Wohlgeborner Herr Franz Hermann, bürgerlicher Buchbinder, für seine Tochter Josepha, wohnhaft auf der Landstrasse № 42.

Земунъ у Срему у Цесаріи.

Высокоученый Г. Іованъ Стеићъ, медіцине докторъ.
Благородный Г. Тоша Х. Баићъ.
Высокоученый Г. Петаръ Теодосіевићъ, заклетый Адвокатъ мађар-

ски права.
Благоразумна Госпожа Катарина, Супруга высокоученога Г. Георгія Захаріяда.
Поштенородный г. Павле Шпирта.
Поштен. Г. Павле Лацко.
Поштен. Г. Васа Василѣвићъ.
Поштен. Г. Іованъ Петровићъ, шмитмайстеръ, и членъ музеума Берлинскога, за себе и за своє сынове Живка и Ђоку, и за свога унука Миту Ж. Петровића.
Поштен. Г. Іованъ Станосвићъ, трговацъ.
Честнѣйшій Г. Лазаръ Савићъ, Администраторъ протопопіята Земунскога.
Высокоученый Г. Марко Караматъ.

Лежимиръ у Фрушкой Гори.

Поштенородный Г. Стефанъ Возаровићъ.
Поштенородна Деспиня, роѣена тетка Г. В. удата за Николу Вуковића у Дивошъ.
Поштенородна Марія, роѣена сестра Г. В. удата за Васу Зорановића, у Дивошъ.
Поштенородна Марта, роѣена сестра Г. В. удата за Милана Крстића, у мѣсту.
Поштенор. Г. Павле Данило Вуковићъ Возаровићъ, братъ одъ матере Г. В.

Новый-Садъ.

Честнѣйшій Г. Іоаннъ Поповићъ, парохъ Новосадскій.
Благородный Г. Іоаннъ Кирковићъ, мац. Адвокатъ.
Благородный Г. Атанасій Николићъ, замлѣмѣръ.
Благородный Г. Гавріилъ Баичевићъ, Кралѣвскій школа Діректоръ, и избранногъ обштества членъ.
Благородный Г. Іоаннъ Хацићъ, Докторъ права, факултета юридическ: пештанск: членъ, заклетый мац: и пограничный Адвокатъ, Гимназіе Н: Садск: Діректоръ, и Честнѣйш: Консісторіума Бачке Епархіе Фішкалъ.
Благородный Г. Гаврійлъ Ползовићъ, Мац: Адвокатъ.

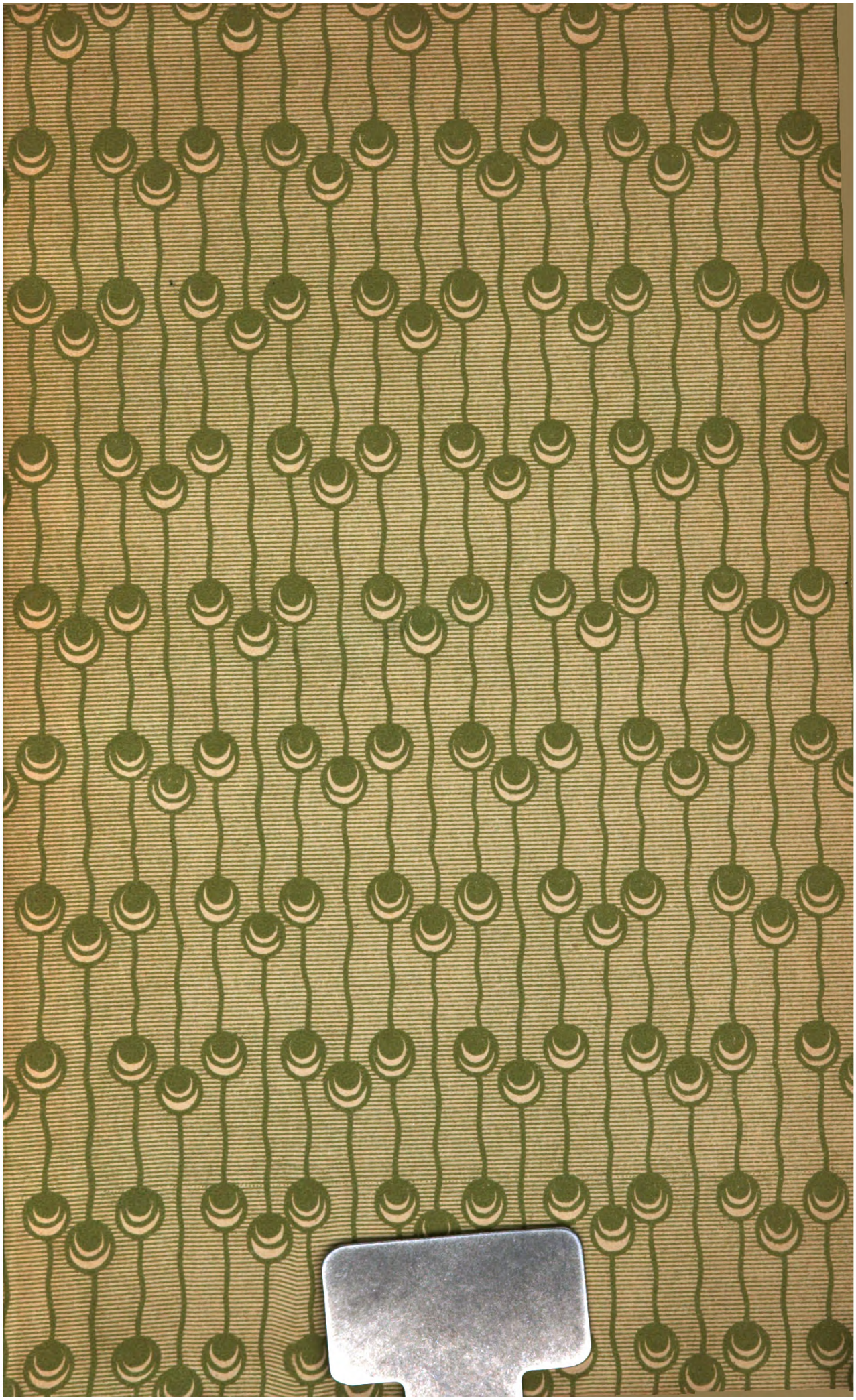
Высокоученный. Г. Тимоѳей Милашиновић, Сиротинскій Отацъ.
Почтенородный Гдаръ Петаръ Столиовићъ Трговацъ, и избранногъ общества членъ.
Іоаннъ Политъ, Трговацъ и избранногъ обшества членъ.
Іосифъ Мачванскій, Трговацъ.
Георгій Кирія́ковићъ, Совокупитель.

Пешта.

Поштенородный Г. Гаврилъ Бозитовацъ, тргов. Пештанскій, и избраногъ общества Будимскога Србскогъ Членъ.
Поштен. Г. Васа Суботићъ, Кньиговезацъ Будимскій, за свою кѣерь Катарину.
Поштено. Г. Андрія Розмировићъ, тргов. Пештан.

— ● —

Поштен. Г. Іосифъ Миловукъ, за себе и за свою Супругу Макрену, и за свога сына Милана Осияна, тргов. и гражданинъ Пештанскій и Будимскій, Образа Славны Србаля, и књига наши издаватель, снабдѣватель художествены наручбина, како у бакару сечены образа, портрета, вигнета, адреса, и свакоякій писанія, и у камену како фигуралны, тако писаны надписа, надгробія, свакояки билѣга и икона, такође и у свима познатимъ єзицыма, по найновіємъ вкусу маланы и писаны словы табла.

Поштенор. Г.Самуилъ Ленартъ, бакарорезацъ Пештанскій, кой се препоручує роду Србскому, како портрета, винѣта и различне ствари и прочая, изрезивати.

65660359